

Горячий привет молодой
народной республике!
Читайте в номере
репортаж
«Рассвет над Бангладеш».

ОГОНЁК

№ 29 ИЮЛЬ 1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

ОГОНЁК

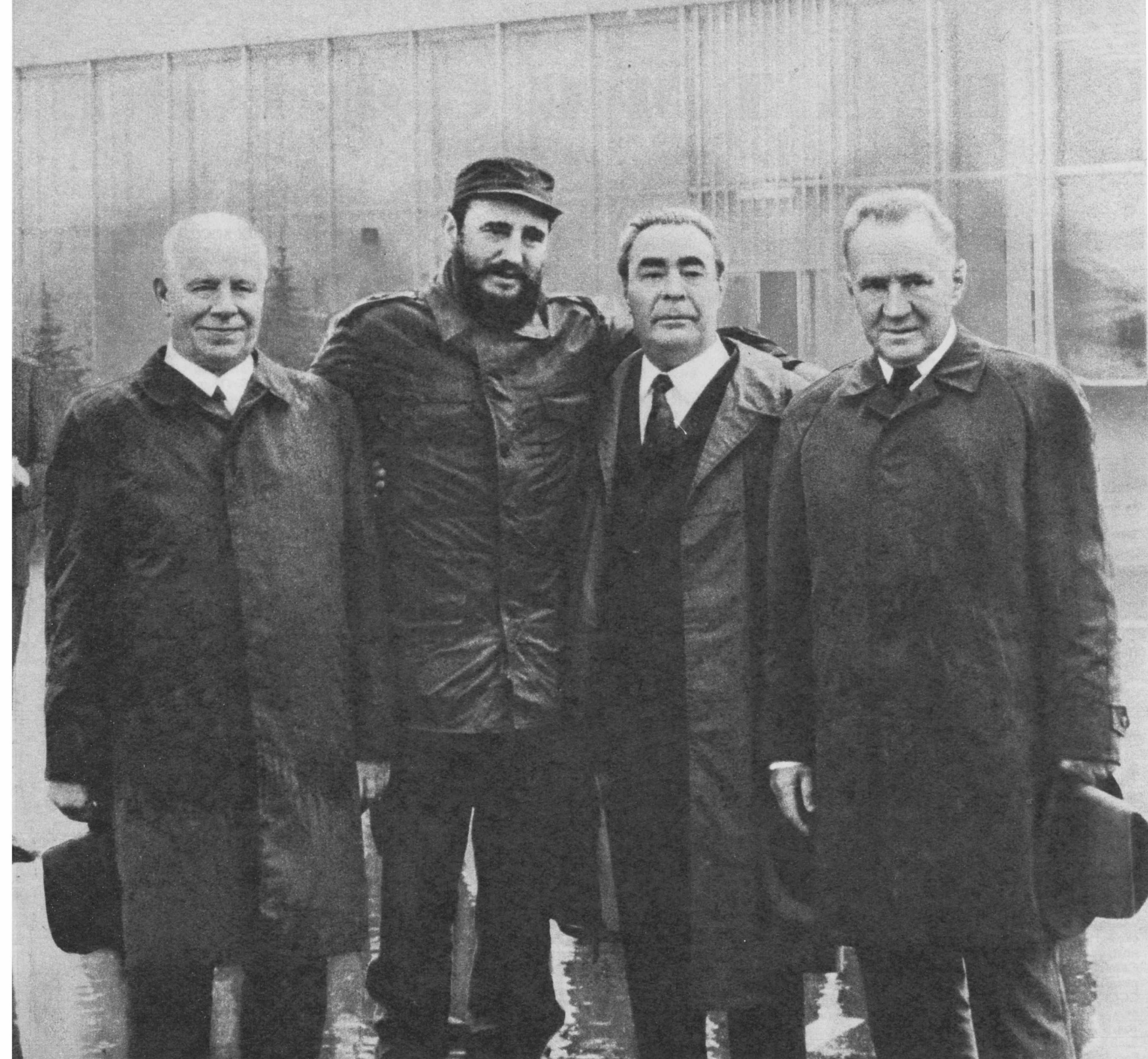
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля 1923 года

№ 29 (2350)

15 ИЮЛЯ 1972

**В И З И Т
УСПЕШНО
ЗАВЕРШЕН**

Из Москвы 5 июля отбыл Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы и Премьер-Министр Революционного правительства Республики Куба товарищ Фидель Кастро Рус. Высокого гостя провожали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС А. Я. Пельше, член Политбюро ЦК КПСС, председатель ВЦСПС А. Н. Шелепин, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, заместитель Председателя Совета Министров СССР В. Н. Новиков, министр СССР А. А. Гречко, первый заместитель министра СССР В. В. Кузнецов и другие официальные лица.

Товарищ Фидель Кастро и сопровождающие его официальные лица ознакомились с жизнью и трудом советского народа, его достижениями в коммунистическом строительстве.

Между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Первым секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы и Премьер-Министром Революционного правительства Республики Куба Фиделем Кастро и членом Секретариата Центрального Комитета Комму-

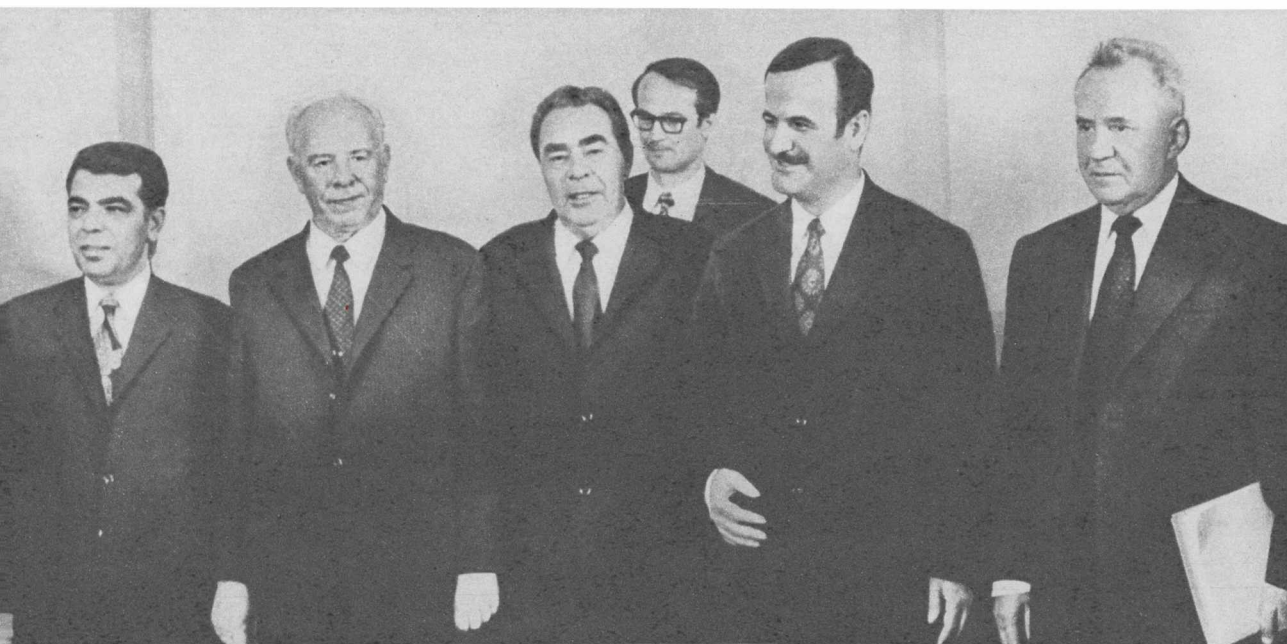
нистической партии Кубы, министром Революционного правительства Республики Куба Карлосом Рафаэлем Родригесом состоялись официальные переговоры.

В обстановке дружбы, товарищества и полного взаимопонимания были обсуждены вопросы дальнейшего развития отношений между КПСС и Коммунистической партией Кубы, Советским Союзом и Республикой Куба, а также актуальные международные проблемы. Состоялся обстоятельный обмен мнениями по основным вопросам мирового коммунистического и национально-освободительного движения.

В принятом совместном советско-кубинском коммюнике о визите товарища Фиделя Кастро в Советский Союз отмечается: по убеждению обеих сторон, встречи и беседы, состоявшиеся во время визита Первого секретаря ЦК Компартии Кубы и Премьер-Министра Революционного правительства Республики Куба Фиделя Кастро, которые проходили в духе глубокого взаимопонимания и единства взглядов, нерушимой дружбы и верности марксизму-ленинизму и принципам социалистического интернационализма, явились началом нового важного этапа в дальнейшем расширении и углублении братских отношений, существующих между КПСС и Коммунистической партией Кубы, между СССР и Республикой Куба.

На снимке: проводы Фиделя Кастро Рус. Фото А. ГОСТЕВА.

В А Т М О С Ф Е Р Е

Перед началом переговоров.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с 5 по 8 июля 1972 года в Советском Союзе с официальным визитом находился Генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения, Президент Сирийской Арабской Республики Хафез Асад во главе партийно-правительственной делегации САР. Во время пребывания Х. Асада в Советском Союзе состоялись встречи и переговоры с Л. И. Брежневым, Н. В. Подгорным, А. Н. Косыгиным и А. П. Кириленко.

В совместном советско-сирийском коммюнике отмечается, что в ходе переговоров, проходивших в обстановке дружбы и взаимопонимания, были обсуждены вопросы советско-сирийских отношений и перспективы их дальнейшего развития в партийной, политической, экономической, культурной и других областях, а также были рассмотрены актуальные проблемы современного международного положения, особенно опасного положения на Ближнем Востоке, сложившегося в результате продолжающейся империалистической израильской агрессии.

Стороны с удовлетворением отметили, что визит в Советский Союз Генерального секретаря ПАСВ, Президента Сирийской Арабской Республики Хафеза Асада явился новым важным вкладом в развитие и укрепление дру-

10

июля в Москве начала работу XXVI сессия Совета Экономической Взаимопомощи.

В работе сессии принимают участие делегации стран — членов СЭВ, возглавляемые членом Политбюро ЦК БКП, Председателем Совета Министров Народной Республики Болгарии тов. С. Тодоровым, членом Политбюро ЦК ВСРП, Председателем Совета Министров Венгерской Народной Республики тов. Е. Фоком, членом Политбюро ЦК СЕПГ, Председателем Совета Министров Германской Демократической Республики тов. В. Штофом, членом Политбюро ЦК МНРП, первым заместителем Председателя Совета Министров Монгольской Народной Республики тов. Д. Майдаром, членом Политбюро ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров Польской Народной Республики тов. П. Ярошевичем, членом Исполнительного комитета и Постоянного президиума ЦК РКП, Председателем Совета Министров Социалистической Республики Румынии тов. И. Г. Маурером, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР тов. А. Н. Косыгиным, членом Президиума ЦК КПЧ, Председателем правительства Чехословацкой Социалистической Республики тов. Л. Штроугалом.

В работе сессии участвует делегация Социалистической Федеративной Республики Югославии, возглавляемая Председателем Союзного исполнительного веча Социалистической Федеративной Республики Югославии тов. Д. Биедичем.

В работе сессии принимает участие также секретарь Совета Экономической Взаимопомощи тов. Н. В. Фаддеев.

В качестве наблюдателей в работе сессии принимают участие делегация Республики Куба, возглавляемая членом Секретариата ЦК КП Кубы, министром Революционного правительства тов. Карлосом Р. Род-

ригесом, Чрезвычайный и Полномочный Посол Кореической Народно-Демократической Республики в СССР тов. Квон Хи Ген.

Сессия открылась вступительным словом главы делегации Советского Союза, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР тов. А. Н. Косыгина.

Участники сессии заслушали доклад председателя Исполнительного комитета СЭВ, заместителя Председателя Совета Министров СССР тов. М. А. Лесечко о деятельности Совета Экономической Взаимопомощи между XXV и XXVI сессиями Совета. С докладами о ходе реализации некоторых мероприятий Комплексной программы дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ выступили:

XXVI

СЕССИЯ

СЭВ

СЕРДЕЧНОСТИ

жественных отношений между Сирией и Советским Союзом.

Генеральный секретарь ПАСВ, Президент Сирийской Арабской Республики Хафез Асад пригласил Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина посетить Сирию. Приглашение было с благодарностью принято. Время визита будет согласовано позднее.

Между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Сирийской Арабской Республики 8 июля в Москве подписаны соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве и соглашение об учреждении постоянной советско-сирийской комиссии по экономическому и техническому сотрудничеству.

Соглашения подписали: с советской стороны — Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин; с сирийской стороны — Председатель Совета Министров САР А. Хлейфави.

При подписании документов присутствовали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Ю. В. Андропов и другие официальные лица.

Подписание советско-сирийских соглашений.

Фото А. Гостева.

председатель комитета СЭВ по сотрудничеству в области плановой деятельности, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР тов. Н. К. Байбаков, председатель комитета СЭВ по научно-техническому сотрудничеству, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике тов. В. А. Кириллин, председатель Постоянной комиссии СЭВ по электроэнергетике, министр энергетики и электрификации СССР тов. П. С. Непорожний, председатель Постоянной комиссии СЭВ по химической промышленности, министр химической промышленности ГДР тов. Г. Вишофский, председатель Постоянной комиссии СЭВ по машиностроению тов. К. Полачек.

Председательствует на сессии член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР тов. А. Н. Косыгин.

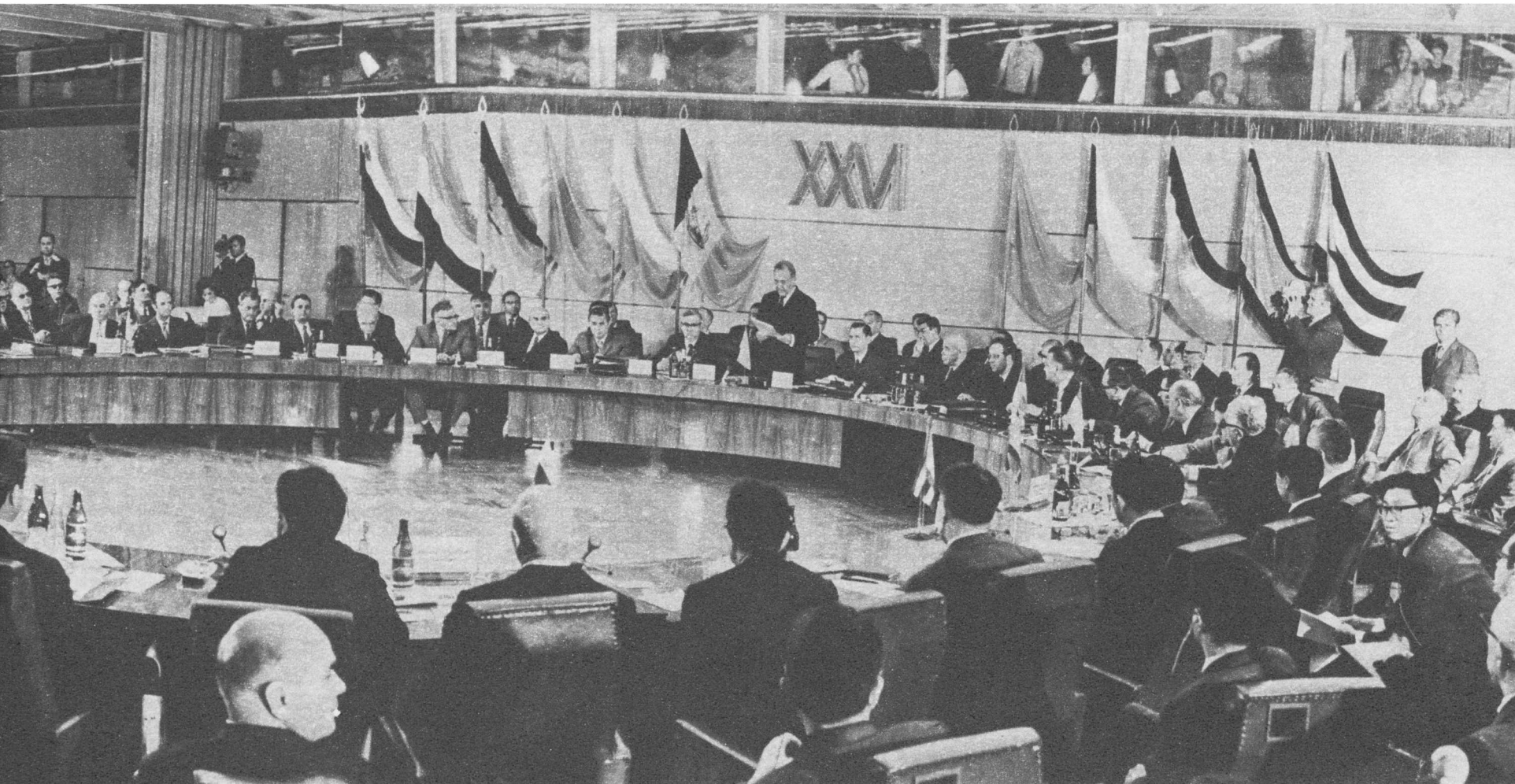
Работа сессии проходит в деловой, товарищеской обстановке.

На заседании сессии Совета Экономической Взаимопомощи 10 июля присутствовали член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР тов. Д. С. Полянский, член Политбюро ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР тов. П. Е. Шелест, заместители Председателя Совета Министров СССР тт. В. Э. Дымшиц, В. Н. Новиков, И. Т. Новиков, Л. В. Смирнов, Н. А. Тихонов.

От имени Центрального Комитета КПСС и правительства СССР 10 июля в Кремле был дан обед по случаю XXVI сессии Совета Экономической Взаимопомощи.

На снимке: открытие сессии.

Фото В. Мاستюкова и В. Савостьянова (ТАСС).

**ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА «МОЙ ДРУГ»,
ПОЛУЧИВШИЕ ПРИГЛАШЕНИЯ НА ПОЕЗДКУ В ГДР:
ДАВИДОВА З. С., учительница из Калининской области,
ПАВЛЮЧКОВ С. Н., шофер из Калуги,
ГАФАРОВ М., журналист из Фрунзе.**

СКАЖИ, КТО ТВОЙ ДРУГ...

«Скажи, кто твой друг, я скажу, кто ты». Эту древнюю мудрую пословицу можно назвать эпиграфом конкурса, который провели совместно «Огонек» и журнал из ГДР «Фрайе вельт».

Полгода назад оба журнала предложили своим читателям взяться за перо. Пусть каждый гражданин ГДР, который имеет друга в СССР, и каждый гражданин СССР, у которого есть друг в ГДР, расскажет о том, как встретили они в этих странах человека, которому сегодня они говорят: «Ты мой друг!»

Множество писем пришло в адрес обеих редакций со всех концов СССР и ГДР. И все эти письма «Огонек» и «Фрайе вельт» передают в дар славному юбилею — 25-летию Общества германо-советской дружбы, в честь которого журналы-побратимы объявили совместный конкурс.

Сегодня, в дни празднования этого юбилея, корреспонденты «Огонька» Н. Крылова и Н. Цветкова ведут репортаж о финише конкурса «МОЙ ДРУГ».

* * *

Москва, улица Станиславского, дом 10. У входа в старинный особняк табличка «Посольство Германской Демократической Республики в СССР». В просторной, уютной гостиной за чашкой кофе идет неторопливая беседа. Ее участники: Чрезвычайный и Полномочный Посол ГДР в СССР Х. Биттнер, главный редактор «Огонька» А. Софронов, заместитель главного редактора Б. Иванов, корреспондент «Фрайе вельт» в Москве Е. Ключевская, первый секретарь посольства Ф. Талловец и главные герои этой встречи — шофер из Калуги С. Павлючков и учительница З. Давыдова из села Молоково, Калининской области. Третьего победителя конкурса, кавалера 13 боевых наград Махмуда Гафарова, задержали дома, во Фрунзе, неотложные дела.

На столе перед послом лежит девятнадцатый номер «Огонька», в котором напечатан рассказ Гафарова «Встречи в городе Иккермюнде». Участник освобождения Германии от фашизма, он в первые послевоенные дни помогал налаживать мирную жизнь в немецком городе. А теперь в доме у М. Гафарова есть уголок города Иккермюнде, где выставлены снимки, альбомы, подарки из ГДР. Бывший фронтовик помог двум школам завязать переписку со школьниками ГДР и часто рассказывает по радио об успехах республики и своих друзьях в этой стране. Среди них мать Вилли, четырехлетнего малыша, спасенного им в 1945 году.

— А вы с кем из моих сограждан подружались? — спрашивает товарищ Хорст Биттнер С. Павлючкова.

— Герд Захсе работает крановщиком в городе Айзенберг в Тюрингии. Мы оба рабочие, и наши взгляды на жизнь одинаковы. Мы ненавидим войну, которая оставила свой след в моей жизни и в жизни Герда. В сорок первом году я только окончил семь классов. Дальше учиться не дала война. Фашисты сожгли мой дом в деревне под Брянском. Были в моей жизни и каторжный труд в дни оккупации и голод. Для моего друга коммуниста Герда Захсе

война, развязанная фашистами, тоже была бедствием. Потому-то, думается, мы и подружались с ним крепко-накрепко.

...Сорок пятый.

Памятный и незабываемый, он вошел в строки многих писем.

Заслуженный строитель РСФСР и БАССР С. Бутырин из города Кумертау вспоминает: «Я был демобилизован, но на родину ехать не пришлось: был назначен главным инженером, а вскоре генеральным директором комбината Пфеннерхаль в округе Галле». Вместе с горным инженером Бауэрзаксом в самые трудные дни плечом к плечу он налаживал жизнь на этом предприятии, радуясь каждому успеху друзей. На Тбилисском химико-фармацевтическом заводе работает бывший офицер Советской Армии, а потом начальник экономического управления комендатуры города Штольберга Фридман М. В. Он рассказал о своем друге, члене СЕПГ Германе Ренче: «За минувшие четверть века он прошел путь от бургомистра районного города до заместителя председателя Совета народного хозяйства ГДР. Герман Ренч работал, учился и рос вместе со своей республикой».

Из Таллина написал офицер запаса Шутак С. М.: «Мне посчастливилось быть в ГДР в день провозглашения Германской Демократической Республики. То, что я увидел после этого, прожив до 1952 года в ГДР, убедило меня, что путь, указанный Социалистической единой партией Германии, оказался реальным и правильным. За очень короткий промежуток времени достижения огромны — ведь в моей памяти остались серые развалины домов в сорок седьмом. Главное, по-моему, в том состоит, что изменилось сознание людей».

Среди участников конкурса художник из Одессы В. Д. Прик, который вот уже 25 лет дружит с членом ЦК СЕПГ, лауреатом национальных премий, профессором, генеральным интендантом всех театров города Лейпцига Карлом Кайзером. В этом году почти одновременно с юбилеем Общества германо-советской дружбы друзья отмечают четвертьвековой юбилей и своей дружбы.

На столе гостиной посольства лежат журналы «Огонек» и «Фрайе вельт». В них напечатана только малая часть интересных писем, пришедших на конкурс. Как оценивает эту совместную работу двух журналов человек, который в нашей стране представляет Германскую Демократическую Республику!

ТОВАРИЩ ХОРСТ БИТТНЕР:

— Граждане Германской Демократической Республики вместе с советскими людьми отмечают 25-ю годовщину основания Общества германо-советской дружбы. Этот юбилей — прекрасный повод, чтобы по достоинству оценить глубокую дружбу между нашими обеими

братскими странами. Совместный конкурс журналов «Огонек» и «Фрайе вельт», опубликованные письма читателей дали еще одно свидетельство широты и глубины дружбы, объединяющей наши народы. В них — история тесного сотрудничества советских и немецких коммунистов в борьбе против фашизма. В них — свидетельство помощи и поддержки Советского Союза при построении социалистического немецкого государства. В них — рассказ о нашем пути бок о бок с КПСС и Советским государством начиная с самого первого часа.

...История и сегодняшний день дружбы двух народов сошлись на рукописных страничках. Их комментируют фотографии. Пожелтевшие от времени, сорокалетней давности снимки прислал в редакцию С. И. Дубровин. Вместе со своим другом Вольфгангом Опенцем, директором музея в городе Гримма, он восстановил историю двух знамен, которыми обменялись в 1931 году рабочие Урала и Гриммы.

Среди фотографий был снимок учительницы из Калининской области З. С. Давыдовой и ее подруги Эрики Циклер.

Узнав, что З. С. Давыдова преподает немецкий язык в сельской школе, посол шуточно интересуется, строгая ли она учительница, и победительница конкурса «Мой друг» по-немецки рассказывает о том, как живут и дружат ее воспитанники со своими ровесниками в ГДР.

Много писем, пришедших на конкурс, написано учителями и учениками. Это — свидетельство того, что идеи интернационализма и братской дружбы стали стержнем воспитания подрастающего поколения в наших странах.

12 лет дружит учитель П. С. Кошанский из деревни Еремино, Гомельской области, с членом СЕПГ, учителем из Карл-Маркс-Штадта Гансом Кендлером. А вот итог этой дружбы — 150 советских школьников переписываются с немецкими сверстниками.

А порой в почте приходили и такие письма. «Я — сын двух братских стран, СССР и ГДР. Да, да, не удивляйтесь сказанному, это действительно так... Я родился 22 ноября 1946 года в городе Висмаре в доме номер 6 по улице Вендорфер вег. Мой отец в звании майора участвовал во взятии Берлина, а после войны работал вместе с моей матерью в этой стране. В ГДР живет мой добрый друг, но вот фамилии я не знаю. На седьмой день моего рождения этот друг принес моей матери дюжину пеленок, распашонок и замечательное одеяльце. Двадцать лет оно хранилось у нас дома как память о немецкой женщине, в доме которой мы тогда жили. За эти годы я окончил Киевский политехнический институт и уже третий год работаю инженером. Но как хотелось бы

БЛИЖНЕМУ ВОСТОКУ — ПРОЧНЫЙ МИР

Владимир КАТИН

мне увидеть ее, эту чудесную женщину», — написал из города Черкассы В. И. Стеблянко.

...Встреча в посольстве Германской Демократической Республики подходит к концу. И мы просим товарища Хорста Биттнера, который работает в нашей стране уже 14 лет, ответить, что, по его мнению, является наиболее характерным для процесса углубления всесторонних контактов между нашими государствами и каковы его дальнейшие перспективы.

— Это неоспоримый факт, что дружба и сотрудничество между нашими государствами становятся все теснее, живее и многограннее, — ответил Хорст Биттнер. — Мы без преувеличения можем сказать, что наше политическое, экономическое и научно-техническое сотрудничество, как было отмечено на VIII съезде СЕПГ, в последние годы достигло более высокого качественного уровня.

Систематически расширялись и расширяются политические консультации между партийным и государственным руководством ГДР и СССР. Это касается обсуждения основных проблем развития наших стран. Координация важнейших внешнеполитических акций — значительный вклад в укрепление международных позиций нашей республики. Это вновь и вновь подтверждает, что между нашими партиями и государствами во всех вопросах полное единство. Новым проявлением развития наших отношений было недавнее открытие в Минске Генерального консульства ГДР.

В области экономики и науки речь идет сегодня о совместном решении производственных и исследовательских задач в рамках социалистической экономической интеграции.

Особое место занимает сотрудничество Академий наук СССР и ГДР. Поездки деятелей культуры, планомерный обмен произведениями литературы и искусства содействуют тому, что наши народы больше узнают друг друга и находят взаимопонимание. Самое характерное для развития наших дружеских отношений — объединение духовных ценностей и материальных возможностей наших народов. Оно охватывает все новые стороны общественной жизни и в будущем принесет богатые плоды на благо трудящихся наших стран, на благо социалистического содружества государств.

Итак, конкурс «Мой друг» завершен.

Редакция журнала «Огонек» благодарит его участников. Наиболее интересные письма, пришедшие в адрес конкурса, будут опубликованы в последующих номерах.

На снимке: товарищ Хорст Биттнер поздравляет победителей конкурса «Мой друг» С. Павлючкова и З. Давыдову.

Фото А. Бочинина.

Нет мира под оливами, рощи которых раскинулись в Сирии, Ливане, Египте... Нет мира на всем Ближнем Востоке, где израильская военщина продолжает нагнетать взрывоопасную атмосферу.

Выступая недавно на обеде в Большом Кремлевском дворце в честь Первого секретаря ЦК Коммунистической партии Кубы, Премьер-Министра Революционного правительства Республики Куба Фиделя Кастро, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Сложное и опасное положение сохраняется на Ближнем Востоке. Израильские агрессоры, вот уже более пяти лет оккупирующие арабские земли, упорствуют в своей захватнической политике. Необходимо разрядить здесь обстановку, и это может и должно быть сделано лишь на основе справедливых требований арабских государств о выводе войск агрессора, выполнения резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года».

Советский Союз, руководствуясь решениями XXIV съезда КПСС, предпринял уже целую серию мер, акций, шагов, получивших название «мирное наступление», для глобальной разрядки напряженности в мировом масштабе. Таким образом, в результате последовательного проведения Советским Союзом миролюбивой внешней политики в настоящее время в мире образовался новый политический климат, весьма благоприятный для урегулирования международных проблем, в том числе и ближневосточного кризиса. Достижение мирного урегулирования на Ближнем Востоке — это одна из актуальнейших задач нынешнего времени, неразрывно связанная с проблемами разрядки напряженности во всем мире.

Однако события, происходящие на Ближнем Востоке, вызывают тревогу, озабоченность. В который раз Тель-Авив развязывает новые провокации против Ливана, концентрирует войска на границе с Сирией. Варварским бомбардировкам подверглись недавно мирные ливанские деревни; израильские военные катера вторглись в территориальные воды Ливана, обстреливая прибрежные села...

Израильская военщина стала активизировать свои действия против арабских стран сразу же после национализации правительством Ирака и Сирии крупной иностранной нефтедобывающей компании «Ирак петролеум». Эта совместная акция двух арабских государств очень встревожила нефтяных магнатов. Немедленно сработала система натравливания Израиля на арабские страны — в данном случае жертвой оказался Ливан. Актами открытого разбоя против Ливана, проведенным «политики возмездия» Тель-Авив преследует двоякую цель — выслужиться перед Западом и вызвать замешательство среди арабских государств, парализовать силы сопротивления оккупантам.

Однако эти цели так же далеки от достижения, как и те, которые Израиль пытался осуществить пять лет назад, вероломно напав на Египет, Сирию, Иорданию. Неудобные сионистам режимы не капитулировали, арабы не пошли на уступки агрессору. Получилось наоборот: прогрессивные арабские государства за эти пять лет еще более окрепли, сцементировалось единство и монолитность арабских стран.

Для многих политических наблюдателей все более очевидным становится то обстоятельство, что соотношение сил на Ближнем Востоке меняется явно не в пользу агрессора, что время работает на арабов. За эти пять напряженных лет в арабском мире возникли факторы долгосрочного действия: окрепли прогрессивные режимы, ширится меарабское сотрудничество и взаимодействие, возрос военно-оборонительный потенциал арабских государств.

Свершения и успехи арабских стран в экономической, социальной, культурной областях, в деле усиления обороноспособности достигнуты благодаря эффективному сотрудничеству с великой советской державой.

Хорошо известно, что личные контакты руководителей государств имеют исключительно важное значение в достижении взаимопонимания, в укреплении дружбы народов. Такие контакты стали нормой во взаимоотношениях советских руководителей с главами государств и правительствами Египта, Сирии, Ирака, Народной Демократической Республики Йемен, Алжира и других стран Арабского Востока. В ходе таких встреч и открытых бесед на высшем уровне неизменно достигается или вновь подтверждается единство точек зрения по большинству международных проблем, а также по вопросам двусторонних отношений. Об этом, в частности, свидетельствует заключение исторических Договоров о дружбе и сотрудничестве между СССР — с одной стороны, Египтом и Ираком — с другой. Об этом свидетельствуют результаты недавних переговоров в Москве руководителей нашей партии и правительства с Генеральным секретарем ПАСВ, Президентом Сирии Хафезом Асадом.

Состояние советско-арабских отношений и перспективы их развития на будущее четко и ясно определены в речи Л. И. Брежнева на XV съезде профсоюзов: «Можно определенно сказать, что наши отношения с арабскими друзьями никогда не были такими глубокими и всесторонними, как сейчас. Мы будем и впредь крепить и развивать эти отношения во взаимных интересах народов наших стран, во имя справедливости, во имя свободы и прогресса арабских народов, во имя прочного мира на Ближнем Востоке».

Расул ГАМЗАТОВ

Я ДУМАЮ

История болезни

К. Кулиеву.

Насупилась вечерняя пора,
Окрестность погружается в прохладу.
И, уходя с больничного двора,
Лучи перелезают за ограду.
И вижу сквозь оконный переплет
Я леса темно-синюю подкову
И девочку, которая корову
В привычном одиночестве пасет.
Мне кажется, она отрешена
От гулкого движения дороги,
И стаи птиц, кружащейся в тревоге,
И моего печального окна.
Лиловой дымкой даль заволокло,
И к сердцу я не чувствую доверья:
Оно стучит в теснине подреберья,
Как будто бы кувалда, тяжело.
Выслушивает доктор этот стук,
И, словно путь переграждая к бездне,
Он день за днем в истории болезни
Подробно освещает мой недуг.
Плывет луна по темным небесам,
Смежаю веки, и опять мне снится,
Что вся планета — древняя больница,
Служу в которой лекарем я сам.
И по веленью долга своего,
Раздумья стих предпочитая одам,
Пишу я человечества всего
Историю болезней год за годом.
Я — лекарь. Я лукавить не могу,
Не в силах это сделать я, поверьте,
Иначе буду пред вдовой в долгу,
Когда больного не спасу от смерти.
Иначе ваших ран не исцелю
И не верну к работе ваши руки,
А я вас так отчаянно люблю,
Что лучше сам приемлю ваши муки.
И, наделенный совестью врача,
Я думаю о вас —
не оттого ли,
Исходит сердце у меня от боли,
Как будто рана, вновь кровоточа?

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

Пленительных женщин и храбрых мужчин...

Наверное, поздно близ белых вершин
Явился я в мир,
что распахнуты шири:
Пленительных женщин и храбрых мужчин
Уже не пришлось мне застать в этом мире.
Я рано, наверно, над бездной годин
Под желтой луною седлал иноходца,
Пленительных женщин и храбрых мужчин
Увидеть не мне, а другим доведется.
А может, мой предок — вожатый дружин
Завидует мне,
что, далекий раздору,
Пленительных женщин и храбрых мужчин
Я больше встречаю, чем он в свою пору.
И, может, грядущего времени сын
Тому позабидует,
что под луною
Знавал я немало друживших со мною
Пленительных женщин и храбрых мужчин.

Вчера на вечере

Сегодня чуть свет я коснулся пера
Затем, чтоб поведать о том,
Какие хорошие люди вчера
На вечере были моем.
Я видел, что свет исходил от их лиц,
Высокий,
как будто от звезд.
Готов был пред ними склониться
я ниц,
Когда выходил на помост.
И, слово пригубив, как будто
родник,
Они замирали над ним.
И чудо являли:
был каждого лик
Прекрасен и неповторим.
Наверно, любовь, о которой писал,
Была дорога им давно.
И зал мои радости переживал,
Делил и печаль заодно.
Сестра моей жизни,
ты будь к ним добра
И думай о них, как родня.
Какие хорошие люди вчера
Вниманьем почтили меня!

Со мной под луною они,
как друзья,
Простились по воле часов,
Как жаль, что имен их не ведаю я,
Не ведаю их адресов.
И солнце, в тумане не пряча чела,
Взошло,
отдалив оком.
Какие хорошие люди вчера
На вечере были моем!

Эй, мужчины...

Эй, мужчины,
вам к лицу ли
Разжигать, друзья мои,
В древнекаменном ауле
Петушьи бои?
И безумен ваш обычай:
Шумной, спорящей гурьбой
Наблюдать, ликуя,
бычий,
Завсегда кровавый бой.
Эй, мужчины,
вы и сами,
Рассудительно лихи,
Не должны под небесами
Бой вести, как петухи!
Стародавнему порою,
Раны чести бередея,
Дрались горцы под горою,
С черных бурок не сходя.
Эй, мужчины,
вам завещан
Долг высокий, чтобы вы
Бой вели во славу женщин,
Не склоняя головы.
Эй, мужчины,
не в разладе,
А коль драться, то в бою,
Защищая жизни ради
Землю отчую свою.
Я и сам, где высь крылата,
У гнездовья дождя,
Бой веду за все, что свято,
С черной бурки не сходя.

Две женщины

Все было неладно у нас до тех пор,
Пока эта женщина не появилась.
Советам ее отдались мы на милость,
И в доме утих между нами раздор.
Присев к очагу, миротворица пела
О краткости жизни, кому-то в укор.
Все было у нас хорошо до тех пор,
Пока не уехала женщина эта.
И словно внезапно окончилось лето
И стужей отпето повело с гор.
И снегом тропу замело между нами,
И скрылась луна, хоть светила ввечер.
Все было у нас хорошо до тех пор,
Покуда разлучница не появилась.
И вдруг все смешалось, все переменилось,
И ты от печали потупила взор.
А гостя смеялась, раздор разжигая,
Как будто солону бросая в костер.
Все было неладно у нас до тех пор,
Пока не уехала женщина эта.
И вдруг мы решили в объятьях рассвета,
Что наша размоловка — нелепица, вздор.
Над белой вершиною солнце вставало,
Был в красных тюльпанах альпийский ковер.

O B A C ...

Спрашивала любовь

- Чем ты, как солнцем, полна,
 голова?
- Мыслями о тебе.
- Губы, какие вам любы слова?
- Венчанные тобой.

- Очи, чем вы очарованы так?
- Лицом твоим, Любовь!
- Кровь,
 чей несешь ты потомственный знак?
- Страсти твоих рабов.

- Уши,
 что слаще вам доброй молвы?
- Исповеди твои.
- Руки,
 что делать желаете вы?
- Вновь обнимать тебя.

- Грудь,
 обращаешь ты что ко облакам?
- Вздохи твои, Любовь!
- Сердце,
 что гордо несешь сквозь века?
- Раны твои, Любовь!

- Жизнь,
 кто разжиг тебя в мире, ответь?
- Кто, как не ты, Любовь!
- Кто разжигать тебя будет и впредь?
- Кто, как не ты, Любовь!

Трое

Не первый год, как мужняя жена,
Страдая, в друга дома влюблена.
И сам он тоже, словно обезумел,
Его любовь проклятая грешна.

Передо мною, святости полна,
Исповедально каялась она.
И умоляла слезно:

— Стать досужей
Молвою эта тайна не должна.

Кунак их дома—мой давнишний друг,
Как смертник говорил:

— Замкнулся круг.
 Меня судить ты не имеешь права,
 Любовь моя, как роковой недуг.

Поверенным их душ легко ли быть:
Не осуждать, и не благоволять,
И сознавать, что друга от измены
Бессилен я достойно защитить?
С тяжелым сердцем думаю о них,
О всех троих — друзьях мне дорогих,
И обречен с собою взять в могилу
Я, таинство о близости двоих.

Легенда о Хочбаре

«Давай, не помня старых ран,
Былой вражды отбросим чару» —
Так гидатлинскому Хочбару
Писал в письме хунзахский хан.
Известна каждому в горах

Легенда древнего чекана.
 Хочбар, явившийся в Хунзах,
 Был схвачен нукерами хана,
 И к небу языки простер
 Огонь предательского жара.
 И повелел швырнуть в костер
 Хан гидатлинского Хочбара.
 «Будь трижды проклят твой обман,
 Пусть заплачу коварству дань я,
 Но поспеши исполнить, хан,
 Мое последнее желание».
 «Я просьбу выполнить одну
 Готов, как завещал мой предок!»
 «Вели подать мне чагану,
 Желая спеть я напоследок!»
 Хан чагану велел принести:
 «Пускай споет, уняв досаду.
 Когда восславит нашу честь,
 Ему даруем мы пощаду!»
 Зловещ был на небе стожар,
 И грянул грозно лад напева.
 Такую песню пел Хочбар,
 Что хан позеленел от гнева.
 «В костер его! Скорей! Скорей!»
 Но властный крик вдруг захлебнулся:
 Хочбар двух ханских сыновей
 Схватил и в полымя метнулся.
 «Хан, пред тобой я не в долгу,
 Меня обуглит смерч багровый,
 Но буду петь, пока смогу
 Подкирчивать свой уз тигровый».
 Поэтов многих знал Кавказ,
 И в удалстве была их сила,
 Иным из них в последний раз
 Петь на костре судьба судила.
 Гость мира я,

но, может быть,
Злорадно недруг мой заклятый
Вздувает пламень языкатый,
Чтоб в нем дотла меня спалить.
Сам на костер взойти смогу
С последней песнею на пару,
Но все, что дорого врагу,
Я унесу под стать Хочбару.

Перелетный косяк журавлей

Горизонт голубой тетивою
Зазвенел над грядой тополей.
И трубит над моей головою
Перелетный косяк журавлей.

Далеко ли, друзья, вы летите,
Окликая меня в вышине?
О былом ли печально трубите
Иль трубите о завтрашнем дне?

Вы соломинку бросьте надежде,
Пусть витает она в облаках.
Вас встречают — в зеленой одежде,
Провожают — в закатных шелках.

Всякий раз прошептав «До свиданья»,
Верю, «Здравствуйте!» грянет черед.
Меж словами лежит расставанье,
Изначальны отлет и прилет.

Если б крыльями сделались руки,
 Был с тобой бы я,
 клин журавлей.
 Не труби так печально в разлуке,
 Пожалей ты меня, пожалей!

Рисунок А. ЯР-КРАВЧЕНКО.

Песня винной бутылки

— Буль-буль, буль-буль!

Я знаю вас,
Я помню ваши речи.
С меня срывали всякий раз
Вы шапочку при встрече.

И опрокидывали всласть
Над нижнею губою,
Зато потом контроль и власть
Теряли над собою.

Я градом капелек, буль-буль,
Без лишних заковырок,
В башках у вас, как градом пуль,
Пробила сотни дырок.

— Буль-буль, буль-буль—
Его внимая знаку,
Вы то лобзались, захмелев,
А то кидались в драку.

Не дряча слез,
 меня кляня,
К столу склонялись лбами
И становились для меня
Покорными рабами.

Звучал напев:
— Буль-буль, буль-буль,—
И жены уходили
Порой от вас не потому ль,
Что вы меня любили?

Я вам не раз в похмельный час
Огонь вливала в глотку
И отправляла многих вас
За трезвую решетку.

— Буль-буль, буль-буль! — текло вино,
А мне какая горесть,
Что с кошельками заодно
Вы пропивали совесть?

Случалось, видели чертей
Вы с козьими рогами,
Ругали преданных друзей
И чокались с врагами.

Немало жертв,
 летя с горы,
Унес поток жестоко,
Но унесла в тартарары
Я больше жертв до срока.

— Буль-буль, буль-буль,
 прошу налить,
Долой, что не отпето!
Меня любить — себя сгубить,
Но не страшит вас это.

Перевел с аварского
Яков КОЗЛОВСКИЙ.

ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО

Ник. КРУЖКОВ

Свинцовое небо средневековья озарялось отблесками восходящего нового времени. Из Италии, с юга, веяли свежие ветры Возрождения. Через Германию шли оживленные торговые пути к Балтике, к нижнерейнским и ганзейским городам, в Нидерланды. Германия явственно ощущала неослабевающее дуновение живительного ветра, но все еще было сложно и трудно в этой стране, представлявшей собой конгломерат феодальных владений, формально объединяемых в значительной степени призрачной императорской властью. Состояние общества Германии того времени напоминало собой кипящий котел: шла борьба против обветшавших общественных устоев, против хищной католической церкви, против прелатов, епископов, бесчисленных монахов, алчных, жадных, неистовых в своих грабежах. Курфюрсты, герцоги, князья боролись за власть. Буржуазия города — за свою самостоятельность и господствующее положение. Крестьянство — за скромное право не умирать с голоду. Возникшее лютеранство воинственно возглашало непреложность принципов евангельского бытия, не очень, впрочем, успевая в их реальном осуществлении. Католическая и лютеранская церкви с одинаковой яростью расправлялись со своими еретиками. Лилась кровь, бушевали страсти, дымы пожаров стлались по долинам.

И вместе с этим неуклонно продвигалось светское просвещение, возникали новые университеты и школы. Парацельс утверждал торжество опыта и силу познания, Эразм Роттердамский призывал человека к гармоничному соединению с природой. Молодой Ульрих фон Гуттен потряс всю Германию своими знаменитыми «Письмами темных людей», в которых разил неотвратимыми стрелами сатиры католическое духовенство и средневековую схоластику. Безвестный житель Майнца Иоганн Гутенберг изобрел книгопечатание, представлявшее собой, по словам ученого аббата Тритемия, «чудесное, до сих пор еще неслыханное искусство печатать книги при помощи отдельных букв». Под сенью лженаук — алхимии и астрологии, — помимо стремления их адептов, зарождались зерна истинного знания. Томас Мюнцер, лидер восставшего крестьянства, явил в своем лице образ активного политического борца, гуманиста, яростного проповедника и мистика-фантаста — характерный сплав для состояния умов в Германии тех времен.

Развитие новых начал общественной жизни, упрочение идей гуманизма шли в Германии не прямолинейно и соединенно, а скачками и всплесками, то продвигаясь и побеждая, то затихая и падая.

Ярким светом озарилось немецкое живописное искусство на грани XV и XVI веков, именно тогда породившее плеяду гигантов, таких, как Альбрехт Дюрер, Ганс Гольбейн Младший, Матиас Грюневальд, Лукас Кранах Старший. Все они родились в семидесятые — девяностые годы XV века, все они впитали в себя дух живительного итальянского Возрождения, и все они при этом остались именно немецкими художниками, давшими своеобычное национальное толкование нового искусства. Их имена ставят в ряд с Леонардо да Винчи, Рафаэлем, Микеланджело, и это справедливо. Значение этих художников для развития культуры Германии невозможно переоценить. Их имена произносились с уважением и любовью десятками поколений. Их искусство породило учеников и последователей. Созданные ими и сохраненные временем произведения до сих пор живы в своей красоте и до сих пор волнуют и радуют людей, являясь не только свидетельством прошлого, но и гордостью настоящего.

Лукаса Кранаха высоко ценили его современники. Многие ставили его выше гениального Дюрера, хотя это, несомненно, — некоторое преувеличение. Живописность картин Кранаха была столь яркой, что один простодушный охотник принял нарисованные художником олени рога за настоящие. Утверждали, что птицы слетались клевать виноград, написанный Кранахом на доске стола. Виттенбергский придворный поэт Филипп Энгельбрехт, восхищаясь роскошной кроватью герцога Иоанна, украшенной живописью Кранаха, восклицал: «И это нарисовал не Паразий, не Апеллес, Аристид или быстрый Протогенес, а превзошедший их Лукас, рожденный в Кранахе, под сияющим небом Франконии».

Лукасу Кранаху судьба дала завидное долголетие: он пережил всех своих сподвижников по кисти и умер, когда ему уже пошел девятый десяток, в 1553 году.

Отец Лукаса был тоже художником, но произведения его не сохранились. Не сохранилась даже его подлинная фамилия. Известно только, что звали его Ганс, а сведения о фамилии путаные — Зундер, Мюллер, Малер. Лукас взял себе в качестве фамилии название маленького городка Кранах, недалеко от Кобурга. В Кранахе художник родился, и, видимо, с малых лет этот франконский городок поселился в его сердце. Среда, в которой с детских лет жил Лукас Кранах, открыла ему дверь в искусство, но своей славой, высокой культурой мастерства, успехами в творчестве и жизни он обязан самому себе: своему трудолюбию, пылливому уму, взыскательному вкусу, умению познавать и воспринимать новое, искать и пролагать неизведанные пути. Виттенбергский профессор права доктор Кристоф Шерль говорил о Лукасе Кранахе: «Он любезный, разговорчивый, щедрый, общительный, услужливый».

Тридцатилетним молодым человеком Лукас Кранах через Баварию едет в Вену. Здесь сильнее ощущается дыхание Италии, здесь свежее воздух. Благородные идеи гуманизма распространялись шире, общество более оживленно, общение между людьми теснее. Свидетельством связи Кранаха с венскими гуманистами явился великолепный портрет Иоганнеса Куспиниана, знаменитого человека своего времени — врача, поэта, философа, общественного деятеля, историографа. Молодой ученый в богатой одежде изображен с книгой в руках. Взгляд его устремлен ввысь, черты лица выражают глубокое раздумье. На фоне портрета — скалы с крепостью, ручей, в котором плещутся купальщицы, в небе — сова, несущая в когтях птицу, — астрологический знак, обозначающий меланхолический темперамент ученого. Так живые реалии мирно соседствуют в картине с мистической символикой, что очень типично для искусства того времени.

С конца 1504 года Кранах переселяется в Виттенберг — резиденцию саксонских курфюрстов. Об этом городе его обитатели говорили, что «он обладает хорошим воздухом, божьей милостью освобожден от всякой чумы, и в нем можно прожить на восемь золотых гульденов в год». Художника привлекли сюда не только эти качества города, но прежде всего необходимость иметь постоянного заказчика и могучего покровителя. Саксонский курфюрст Фридрих Мудрый поощрял искусство, слыл сторонником светской образованности, любителем творений античных авторов, что не мешало ему почтительно хранить в своей соборной церкви такие экспонаты, как подошвы святого Фомы, кожу с лица святого Варфоломея, манну небесную, кусочек горящего куста Моисея.

В Виттенберге и прошла почти вся творческая жизнь Лукаса Кранаха. Он был придворным художником последовательно трех курфюрстов, пользовался их благоволением, иногда выполнял немаловажные государственные поручения, стал богатым бюргером, владельцем типографии и аптеки, дважды избирался бургомистром. Он имел огромную по тем временам мастерскую, в которой трудились десятки его учеников и помощников. В 1509 году он был пожалован гербом, на котором красовался крылатый дракон, символизовавший, видимо, силу таланта художника и широту его творческого полета. С этого времени он перестал подписывать картины своими инициалами, а вместо них ставил гербовый знак. Это впоследствии сослужило ему дурную службу, ибо гербовый знак ставился не только на его картинах, но и на работах учеников, заслуживших чем-либо похвалу и поощрение метра. Собственное творчество Лукаса Кранаха оказалось засоренным немалым числом работ подражательных и слабых, и разобраться в его творческом наследии было не так-то просто.

Он дружил с Мартином Лютером, кстати сказать, начавшим свою деятельность именно в Виттенберге, оставил своим современникам и их потомкам его портрет, на котором изображен человек сильных ступней и горячих чувств, возбуждавший у людей притягательное к себе влечение. Кранаху же принадлежит портрет кардинала бранденбургского Альбрехта, крупного сановника католической церкви, — одна из лучших его работ.

Портретистом художник всегда был превосходным. Вглядитесь в «Женский портрет», принадлежащий его кисти и публикуемый в журна-

Лукас Кранах Старший. 1472—1553. ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

Государственный Эрмитаж.

Лукас Кранах
Старший.

ПОРТРЕТ КАРДИ-
НАЛА АЛЬБРЕХТА
БРАНДЕНБУРГ-
СКОГО.

Государственный
Эрмитаж.

Александр МОСКВИТИН

ОГНЯ БАГРЯНЫЙ СВЕТ

МГНОВЕНЬЯ

Вижу вновь себя, как видят сны,
может быть, за сутки до войны,
на рассвете с бабушкой вдвоем
мы степной тропинкою бредем,
может быть, за час, всего за час,
до того, как солнца медный таз
горизонт расплавит ободком,
чтоб скатиться в травы кувирком,
может быть, за несколько минут
до того, как маки расцветут.

Вижу вновь себя, как видят сны,
может быть, за год до той весны,
на закате в жуткой мгле высот
стая птиц беду и смерть несет,
может быть, за несколько секунд
до того, как взрывы рассекут
горизонт и, плаваясь от огня,
небо с визгом рухнет на меня,
может быть, за миг, всего за миг
до того, как я исторгну крик.

Вижу вновь себя, как видят сны,
под салютом праздничной страны,
в плеске маршей, факелов, знамен,
медных труб, плакатов и колонн,
в стайке повзрослевшей детворы
довоенной взрывчатой поры,
на скончанье гибельной страды,
в самом центре счастья и беды...
Свет знамен, огня багряный свет
выкрасили память в маков цвет.

ОДНАЖДЫ

Вспомнил я запах рыбы.
Цепь просмоленных вагонов.
Гор низкорослых глыбы.
Город мужских законов.
И кочегаров-дружков.
Маятный труд рыбаков.

Как вы живете, парни?
Вспомню про вас, повторяю:
низкий поклон Заполярью —
щедрому русскому краю.
Ветром и временем стерт
след мой в бессонный порт.

Бродит за мной сегодня
рыбы привязчивый запах.
Замер над станцией Лобня
мост на бетонных лапах.
Может быть, может быть, зря
я бросил на ней якоря?

Мне здесь ничуть не лучше.
Мчатся составы пунктиром.
Но, как над морем кипучим,
сердце восходит над миром.
Я, как и прежде, в пути:
дни мои — угли в горсти.

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Снова тьма, промокшая до нитки,
стынет за простуженным окном.
Все огни,
как солнечные слитки,
потускнели в городе ночном.

Много дней жилье мое медвежье
не качает пенная волна:
в небесах земные
зори брезжут,
и давно душа в них влюблена.

Будто я с людьми,
что из двухжилых,
не рыбачил в море на судах.
Личный опыт —
море любит сильных,
он в душе остался навсегда.
Пусть судьба готовит перемены,
мне иной простор навеки дан:
днем и ночью в каменные стены
бьет людской немолчный океан.

В нем никто песчинкою не канет:
счастливы я

беречь одну мечту,
что в людском извечном океане
я,

как прежде, честен,
на посту.
Верить в то, что ветру-урагану
на земной разбег не повлиять.

...Мне лицом
к людскому океану,
словно перед совестью, стоять.

ле: красивая молодая женщина изображена в спокойной, свободной позе, она задумчива, грациозна, линии ее фигуры гибки и плавны. Женщина полна достоинства, может быть, даже высокомерна. Угадывается характер, типичный для окружающей ее среды. В портрете нет и следа сухой абстрактности. В нем сама жизнь.

У Лукаса Кранаха немало картин на религиозные сюжеты. Это было требованием времени, и никто, ни художник, ни поэт, не мог уйти от него. Мастер был очень чувствителен к запросам своих современников. Как пишет советский искусствовед Н. Гершензон, «его главное значение заключается в том, что он с необычайной чуткостью и тонкостью улавливает требования своей социальной среды и неукоснительно отвечает на них своим творчеством». Но при этом его картины полны движения, красок, света, и в центре их всегда человек, изображенный выразительно и смело. Посмотрите на его работу «Мадонна с младенцем под яблоней». В ней нет ничего от догматики и схоластики, постановки схемы. Перед нами счастливая своим материнством женщина, вполне реальная, писанная с натуры. Разумеется, это не евангельская Мария, жительница жаркой и пустынной Галилеи. Явственно, что она родилась под солнцем Саксонии, весь ее облик свидетельствует об этом. Да и ее одежды взяты из гардероба богатой виттенбергской дамы. Новые времена ломали канонические представления.

«Венера и Амур» — естественная дань художника идеям Ренессанса, которые были ему близки. Нравы двора саксонских курфюрстов, далекие от унылых церковных проповедей, требовали подобных сюжетов. С восхищением воспроизводит художник пленительную натуру. Только скромные бусы украшают Венеру да прозрачное покрывало, скорее подчеркивающее, чем укрывающее чувственность образа. Впрочем, как бы испугавшись производимого картиной впечатления, художник снабжает ее морализующей, поучающей подписью, что, впрочем, тоже было во вкусе того времени: «Всеми силами гони купидоново сладострастие, иначе твоей ослепленной душой овладеет Венера». Некоторые из таких подписей имели отчетливо выраженное сатирическое назначение. Так, например, одна из гравюр художника, изображающая скачущего всадника, снабжена была подписью: «По всей Германии хорошо известна пословица: когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был тогда дворянином?»

Пятистолетие со дня рождения Лукаса Кранаха — праздник немецкого искусства, и не только немецкого. Имя художника, перейдя через многие границы, стало известным и близким всем людям. Крылатый символ его творчества широко и просто раскинул свои мощные крыла. Полтысячи лет не погасили возвышенного и живого интереса к высокому творчеству несравненного мастера.

Истинное искусство вечно!

СОЮЗУ СССР — 50 ЛЕТ

Комментарий
к биографии

1943 ГОД. «Огонек» №№ 15—16 публикует фоторассказ о Сталинграде, из которого советские войска только что изгнали фашистов. Первые дни освобожденного города. Руины, пожары, страшная картина разрушения. И на полуразваленной стене надпись: «Мы возродим тебя, родной Сталинград».

Мы комментируем сегодня эти старые фотографии.

В. ПОКРОВОВ

Фото А. БОЧНИНА.

В этом городе все живет памятью о великом и трагическом. Тридцать лет назад здесь рушились стены, содрогалась земля, в огненном пожарище плавилась душа, становясь крепче металла. И сегодня, как шрам на лице, остались на берегу Волги развалины мельницы, а через весь город — от тракторного завода до Бекетовки протянулись постаменты с танковыми башнями. Ими отмечен передний край обороны Сталинграда.

На площади, где проходила линия фронта, стоит белокаменный дом, известный во всем мире. Его называют Дом Павлова. 58 дней и ночей он пылал в огне. Его защищала горстка солдат-гвардейцев во главе с сержантом Яковом Павловым. Плечом к плечу сражались русский и украинец, таджик и узбек, грузин и казах. Все они были сыны одного Отечества.

Взгляните на этот дом! Он обнесен белыми колоннами. У его мемориальной стены поднялись пирамидальные тополя и серебристые ели. К его подножию тянутся цветники. До глубокой осени тут полыхают розы. Его слава — не только в ратном, но и в трудовом подвиге. С Дома Павлова начиналось, по существу, возрождение города.

4 апреля 1943 года Государственный Комитет Обороны принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению

хозяйства города Сталинграда и Сталинградской области», а 22 мая состоялось решение Совета Народных Комиссаров СССР «О восстановлении жилищного хозяйства города Сталинграда».

— На заботу партии и правительства о нас, сталинградцах, — вспоминает Александра Максимовна Черкасова, участница обороны города, — хотелось ответить героическим трудом. Наша прежняя клятва «Мы защитим тебя, родной Сталинград!» наполнилась новым смыслом: «Мы возродим тебя, родной Сталинград!»

Александра Максимовна в ту пору работала в детском саду и одновременно была председателем уличного комитета. Это она решила поднять своих подруг — жен фронтовиков, воспитательниц, домохозяек — на восстановление знаменитого Дома Павлова. Так появилась первая добровольческая строительная бригада. Все свободное время, все выходные дни женщины трудились на стройке. Через три месяца таких бригад уже насчитывалось более тысячи. Движение, получившее название черкасовского, стало подлинно массовым.

Как и в лихую годину войны, на помощь героическому городу пришла вся страна. С Поволжья и из Закавказья, Урала и Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии прибывали на Волгу эшелоны с продовольствием и одеждой, посудой и учебниками, строительными ма-

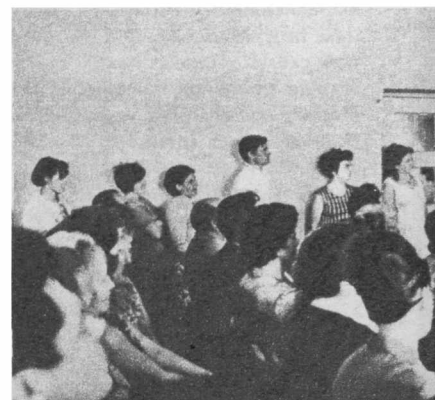
териалами и оборудованием. В апреле 43-го ленинградцы прислали 40 вагонов с механизмами, электромоторами и радиотелефонной аппаратурой. Сталинградцы им писали: «Ваша братская помощь особенно дорога нам потому, что мы знаем, как тяжело вам самим, перенесшим долгие месяцы тягчайшей осады, героически выдержавшим невиданные лишения и трудности».

На восстановление города-героя спешили добровольцы. Их не пугали трудности. Их не смущало и то, что далеко не все они были строителями по профессии.

— У меня вообще не было никакой специальности, — рассказывает Михаил Илларионович Желягин. — Да и грамотешки... Всего шесть классов... Но мне хотелось хоть чем-то помочь городу, ставшему для всех нас родным и близким.

Желягин приехал на Волгу в 1945 году из Белоруссии. Ему тогда едва перевалило за двадцать. Зачислили в строительную бригаду, которая восстанавливала «Красный Октябрь». Завод казался мертвым. На него страшно было смотреть: груды кирпича и искореженного металла. Желягин помогал возрождать мартены и одновременно учился на каменщика. Вскоре с «Красного Октября» его перебросили в самую южную часть города — Красноармейский район.

ПРОДОЛЖЕНИ

И Е П О Д В И Г А

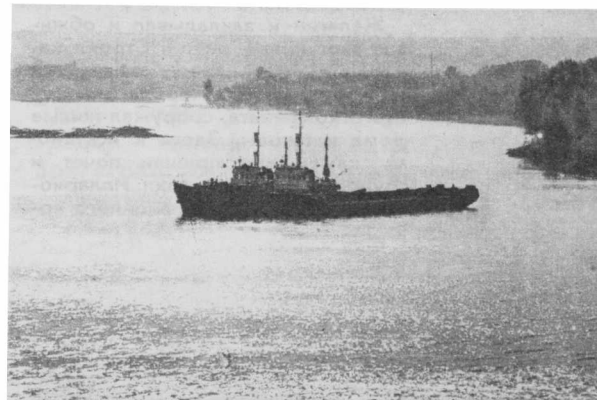

Знатный строитель Михаил Илларионович Желягин.

Так начинается Красноармейский район.

Трикотажные обновы демонстрируют студенты технологического техникума.

Утро на Волге.

Это единственный район, который не изведает ужасов войны. Не изведает потому, что его тогда не было. Он появился после того, как отгремела великая битва. Толчком к его возникновению послужила большая стройка — сооружение судоходного канала имени В. И. Ленина.

За каналом, где прежде стелилась ковыльная степь да хозяйничали суслики, взметнулись трубы и колонны заводов, поднялись кварталы жилых домов, оделись в асфальт широкие улицы, зашумели листвою бульвары. Красноармейский район ныне, пожалуй, самый крупный индустриальный бастион города.

Желягин и закладывал и обживал этот новый район. Строил канатный и нефтеперерабатывающий заводы, первую очередь химического комбината, соорудил жилые дома и школы. Здесь к искусному каменщику пришли почет и трудовая слава. Михаил Илларионович — член бюро районного ко-

митета партии и депутат областного Совета. За многолетний самоотверженный труд он удостоен почетного звания «Заслуженный строитель РСФСР», отмечен высшей правительственной наградой — орденом Ленина.

Бригада, которой руководит Желягин, одна из лучших в тресте «Тяжстрой». Дружная, сплоченная. Тут нет текучести кадров, нарушений дисциплины. Отношения строятся на уважении и доверии, взаимной выскательности. Бригадир умеет найти подход к людям. Чем берет? Личным примером, мастерством, эрудицией. Ему уже под пятьдесят, а с книжками не расстаётся, ревниво следит за всеми новинками строительного дела. Вместе со своими сыновьями Владимиром и Александром он посещал вечернюю школу, окончил восьмилетку. Занимался Желягин как раз в той школе, которую строил сам. Сейчас там учится его дочь Галя.

Рядом со школой недавно под-

нялось еще одно красивое здание — Дворец пионеров. Дворец строили всем районом, на паевых началах. Видели бы вы, какой радостью горели глаза школьников, когда Михаил Илларионович вручал юным хозяевам ключи от Дворца! Ребята повязали ему на шею красный галстук — знак особой признательности. Заслуженный строитель — отныне и почетный пионер!

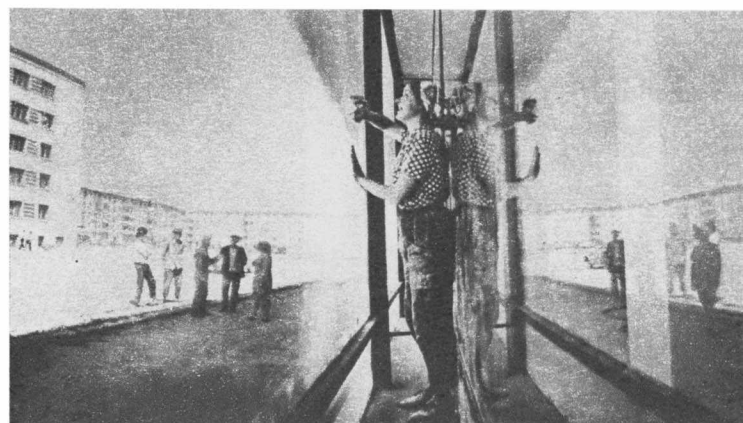
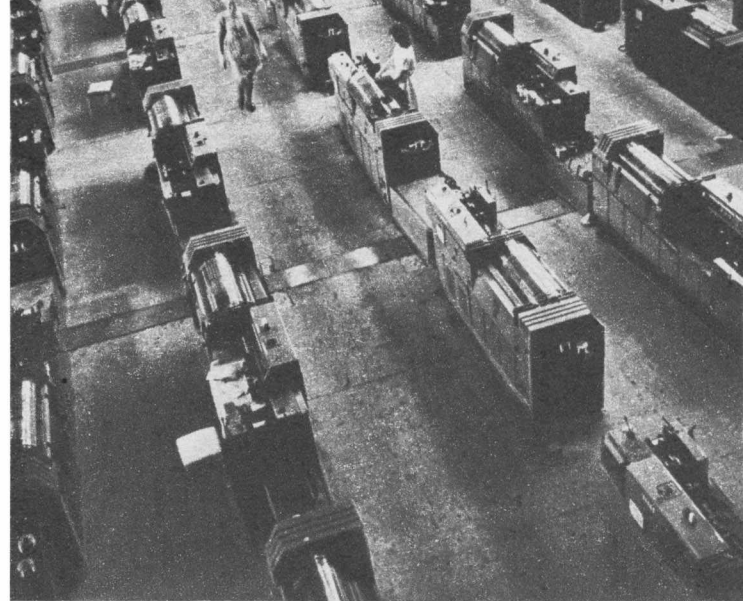
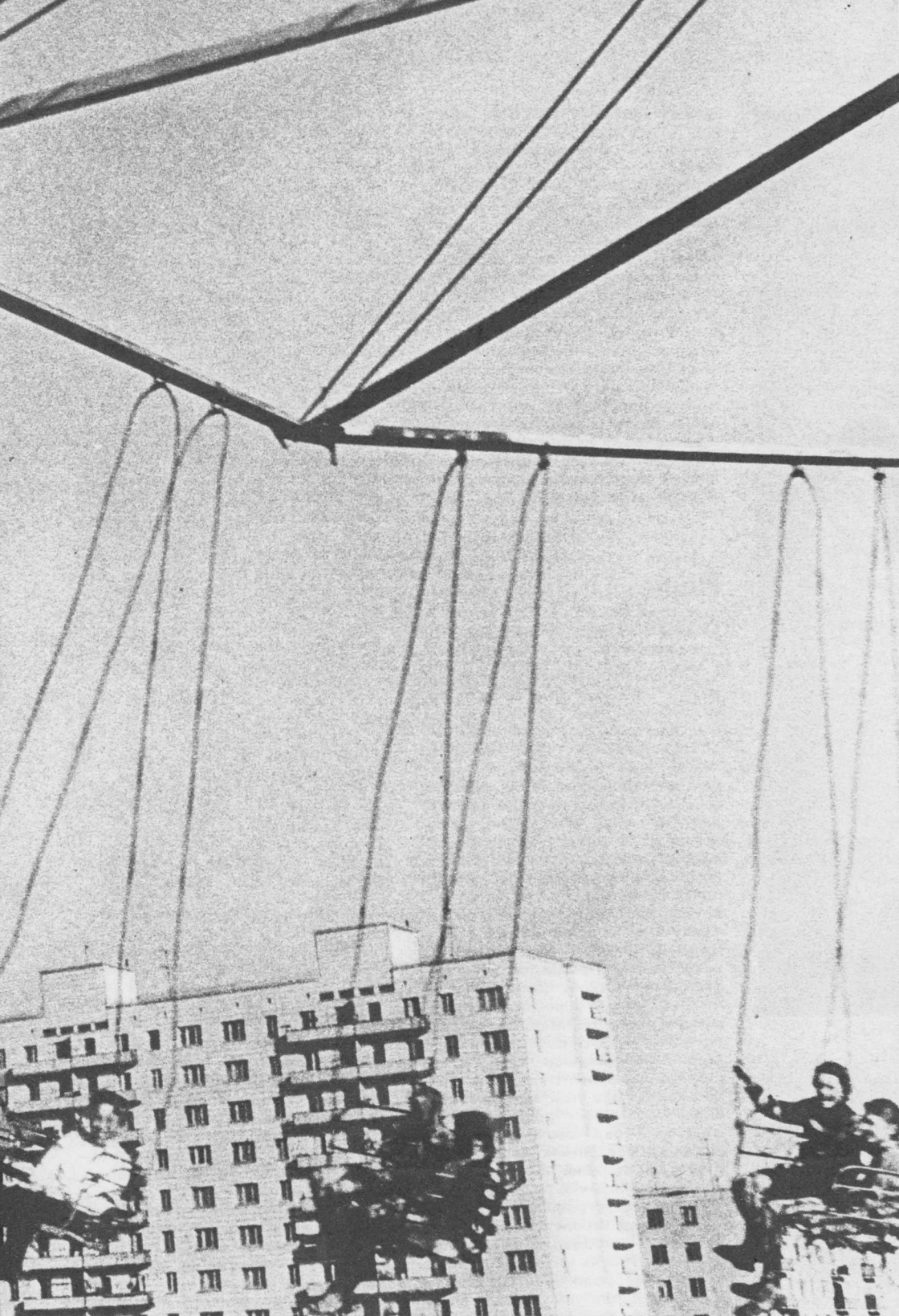
— Иной раз подумаешь, и самому в диковинку, — замечает Михаил Илларионович. — Ведь начинали на пустыре, вокруг — шаром покати. А теперь душа не нарадуется.

Район растет стремительно. Здесь уже 140 тысяч жителей. Только в минувшей пятилетке в гражданское и промышленное строительство вложено 380 миллионов рублей. Трудящиеся получили девять тысяч квартир. В нынешнем пятилетии темпы жилищного строительства еще более возрастут.

До войны в Сталинграде проживало 450 тысяч человек. Ныне семья волгоградцев увеличилась почти вдвое. Прежние административные рамки стали тесны. Их пришлось раздвинуть. В канун 1971 года образован еще один, седьмой по счету административный район города — Дзержинский. А под Новый год в районе произошло событие, ставшее символическим. Александра Ивановна Антоничева, жена рабочего завода газовой аппаратуры, родила трех богатырей. Когда ее спросили, как назвали близнецов, она ответила:

— МИР! — И тут же пояснила: — Для матери нет слова дороже. Оно состоит из трех неразлучных букв. Пусть неразлучны будут и наши сыновья. Мы назвали их так: Михаил, Иван, Роман.

— Ну, а мы их называем дзержинцами! — говорит Василий Иванович Ефимов, первый секретарь райкома партии. — Они родились в счастливое время, да еще в таком

районе, у которого все впереди.

Да, в этом индустриальном районе все устремлено в будущее. В нынешней пятилетке здесь получат дальнейшее развитие моторостроительный, трубный, авторемонтный заводы. Поднимутся корпуса домостроительного комбината, завода объемного домостроения и других предприятий. Новый район примечателен еще и тем, что станет своеобразными воротами города, распахнутыми на одну из центральных магистралей — Историческое шоссе. Василий Иванович Ефимов с увлечением рассказывал мне о том недалеком времени, когда рядом с Мамаевым курганом поднимутся высотные дома жилого комплекса, рассчитанного почти на миллион квадратных метров жилья. Школы, магазины, очаги культуры, предприятия службы быта, зеленые зоны создадут тут максимум удобств.

С высоты Мамаева кургана город как на ладони. Здесь, на кургане, воздвигнут величественный

монумент героям Сталинградской битвы. В торжественный час открытия памятника Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал:

— Там, где были руины и пепелища, вырос светлый и радостный город — город широких набережных и утопающих в зелени проспектов, современных заводов и фабрик. Новый Волгоград — это тоже монумент нашей победы — победы в мирном труде, победы в созидании.

...Живые чтят память павших, несут их знамя, овеянное идеалами коммунизма. На Мамаевом кургане хранится опаленная войной земля Москвы и Ленинграда, Киева и Донбасса, белорусской деревни Хатынь. Здесь, у братских могил, принимают присягу верности молодые парни, отправляющиеся служить в армию. Здесь звучит клятва юных, вступающих в ряды пионеров и комсомольцев. Сюда, к Вечному огню, приходят счастливые молодожены.

На кургане весело шумит зеленой листвою молодой парк. Его заложила молодежь из других городов-героев и из всех союзных республик. Назван он «Парком дружбы». Слово часовые на посту, стоят клены и плакучие ивы, подмосковные березки и уральские рябины, кавказские сосны и узбекские чинары. Тут и киевский каштан, посаженный знаменитым снайпером Василием Зайцевым, и гималайский кедр, привезенный из солнечной Абхазии участником штурма рейхстага Мелитоном Кантария, и приморский багульник, доставленный из дальневосточной тайги. Его привез бывший матрос, защитник Сталинграда Глеб Иванович Свинтицкий.

Парк дружбы — это символ братства народов нашей страны, сумевшей отстоять и возродить город на Волге. Поколение за поколением советских людей своим самоотверженным и беззаветным трудом будут поддерживать Вечный огонь Мамаева кургана.

— Вот это качели! — Весело живет ребятам Красноармейского района.

Цехи сталепроволочно-катанного завода полны света и воздуха.

Жители Дзержинского района скоро придут в магазин промышленных товаров.

Здесь будет новая улица. Трассу готовят студенты Волгоградского гидромелиоративного техникума.

**СОЮЗУ
ССР —
50 ЛЕТ**

ЧЕТВЕРО КАРРИЕВЫХ

Н. МЕЛЬНИКОВ

С Нури Аталиевичем Карриевым, ученым-физиком, я встретился после того, как его имя появилось в Государственном реестре СССР среди авторов крупных научных открытий. Поначалу мне показалось, что в нем живут два человека — один с развитым здравым смыслом, рассудительный, сдержанный, другой — порывистый, с подвижным лицом, с задорно-детской улыбкой, одержи-

мый. Постепенно два образа, как в фокусе, слились в один. — Как все началось? — повторил Нури Аталиевич мой вопрос. — Сначала были открытия в себе, в людях. И кое-что в жизни. Пусть с виду и небольшие открытия, но для меня очень важные. — Он улыбнулся. — Вспомнилась старинная индийская сказка. Однажды на пути слепого встретилось неизвестное существо. Ре-

шил установить, на кого оно похоже. Стал ощупывать по частям. «Четыре столба — это ноги, — подумал он, — метла похожа на хвост, большая масса — значит, туловище», — определял дальше. Когда сложил все вместе, вырисовался портрет слона. Вот почти так же и я складывал по частям свои понятия... От встреч со всеми неожиданностями в жизни, со всем земным, человеческим. Каждое интересное явление в жизни — это открытия, малые и большие. Примерно так же шли и научные поиски.

Мы проговорили до глубокой ночи. Потом еще несколько раз встречались у него дома. Увлеченно, с молодым пылом Нури Аталиевич рассказывал мне о своих жизненных открытиях.

Наше богатство

— Первым человеком, который научил и меня и моих братьев понимать истинную ценность жизни, был наш отец Атали. Многим ему обязаны, — начал мой собеседник. — Судя по старым временам, был он человеком не от мира сего. В школе не учился, но грамоту одолел, писал, читал, даже заглядывал в мудреные книжки. Возможно, эти книжки и развили в нем одну странность — побродить по дальним местам. Осенью после уборки винограда он брал котомку и на какое-то время уходил из дома. Смотрел белый свет, узнавал жизнь. Продавать нечего — уходил налегке, и покупать не на что — привозил одни сладости, игрушки нам, ребятам. Иной раз привозил и интересные книжки, старинные рукописи стихов и восточных сказаний. Наша мать Хурджамал читала нам вечерами эти книжки по многу раз, повторяла наизусть — она была грамотная. Потом привезенный отцом эпос Кер-оглы старший брат перевел на русский язык и написал о нем большую монографию.

Из своих странствий отец вынес мечту — создать в нашем родном ауле Геокча школу. Строил ее в своем воображении, рисовал на бумаге. Школа получалась похожей на те, что видел в дальних городах. Годы уходили, и мечта отца повисла в воздухе.

В двадцатом году нашего отца избрали депутатом Ашхабадского Совета. Он как будто сразу помолодел. Первое, что сделал для родного аула, — создал школу. Из Ашхабада привез учителей. Оказывается, давно с ними сговорился. Наши первые учителя — русские супруги Ивановы, давние друзья отца. Один из старых учителей и поныне живет в ауле, а его сын там же преподает химию. Сейчас в Геокча две средние школы с дипломированными учителями и предметными кабинетами, свое опытное учебное поле.

Потом отец часто вспоминал, какой это был праздник для сельчан и, конечно, для него самого. Впервые за всю историю села детишки стали обучаться грамоте. В эту школу пошли и мы, его сыновья, дочери. Сначала старший, Баймухаммед, за ним две сестры, потом я... Один за другим, как по цепочке. Отец говорил: «Наши дети богатые — учатся в школе».

Со временем мы, братья, потянулись в Ашхабад — кто поступил в политехникум, кто в педагогический институт. Отец часто навещал нас в общежитии. Обычно заставлял всех за книгами. Качал головой: «Книги — хорошо, но этого мало». Вместе с ним мы ходили по городу. Он водил нас по своим маршрутам, где мы часто и не бывали, показывая старое, потом новое — для сравнения, чтобы лучше понимали жизнь, видели, как изменился город. А дома он с гордостью говорил: «Наши дети богатые — учатся в городе».

Спустя несколько лет мы стали учителями. Все четверо братьев. Баймухаммед преподавал русскую и западноевропейскую литературу, Сеид — восточную, я — физику, Аба — математику. Начинали со школы. Между прочим, и наши дети идут тем же путем. Дочь Баймухаммеда стала учителем литературы. Мой сын преподает физику... Видимо, все пошло от отца, от его влияния. Он считал: быть педагогом — самое высокое назначение на свете. Тогда отец говорил: «Наши дети богатые — сами учат детей».

Когда мы стали учеными, отца уже не было. Конечно, он бы вспомнил, сравнил: до революции в Туркмении не было ученых, а теперь в одной семье четверо.

Многое мы получили от Советской власти. Теперь пишем научные книги, учебники, помогаем ученикам. И нам хотелось бы, чтобы отец мог сказать: «Наши дети богатые — много отдают людям».

Призвание

— Если смотреть с сегодняшней высоты, может показаться: наши желания обнаружились в детстве. Все мы дружно рванули учиться. Не столько от нас это зависело, как от самой жизни. Переустроилась жизнь, зарядила нас верой, энергией.

Баймухаммед еще со школьной скамьи зачитывался книгами. По утрам вставал — книги, вечерами и ночами — тоже книги. Хоть кричи, стреляй рядом с ним — не отвлечешь. Спустя много лет, когда он стал ученым, я увидел похожую картину: в квартире у него страшный шум (семеро детей), а он сидит за столом пишет, и ничто ему не мешает.

Аба в школе прозвали «считалкой» — быстро он щелкал примеры, задачки. Сеида заинтересовала мудрость книг на восточных языках. Меня увлекли опыты на уроках физики. Это удивление еще живет во мне — как будто вижу чудо. Не прошло оно и с возрастом — на новые эксперименты смотрю с любопытством и волнением.

Как будто определились наши наклонности. А жизнь описала кривые. Баймухаммед сначала пошел в медицинский институт, даже немного работал врачом, переводчиком, потом закончил исторический факультет пединститута и уже после перебрался на филологический.

Сеид тоже не сразу нашел свою стихию. Он учился в военно-медицинской академии. Только спустя несколько лет полюбил филологию. Постоянством отличался

лишь Аба — с первого захода стал математиком.

А меня, кроме физики, влекли и техника, и филология, и математика... Все было интересно. Закончив политехникум, работал механиком хлопкоочистительного завода. После института, работая учителем физики в школе, по совместительству занялся переводами с русского языка на туркменский. Баймухаммед переводил, и я вслед за ним. Успешно перевел «Слово о полку Игореве», близкие мне стихи Пушкина, Лермонтова... Хотел всерьез утвердиться переводчиком, но что-то удерживало меня от этого решения. Видимо, не давал покоя совет профессора — заняться наукой.

Я слышал, читал о гигантах науки, и каждое имя внушало мне священный трепет. Виделись они как бы вершинами гор.

Издали горы выглядят внушительно, а когда полезешь — покажутся еще выше. Не каждому дано даже обычное восхождение. А в науке покруче вершины. И воздухом там, на большой высоте, дышать тяжело. «Да, да, конечно, снизу все так и представляется», — сказал мне профессор Н. И. Есафов. — Как одному моему знакомому. Всю жизнь он прожил в ауле на винограднике и не понимает, почему меня, горожанина, когда приезжаю к нему в гости, изумляет тамошний чистый воздух. Он никогда не дышал другим. Так же, как ты не дышал высотным воздухом. Попробуй. И тогда... сам увидишь».

Я поехал в Москву, в аспирантуру Государственного университета.

Видите, как много было поисков, колебаний, пока каждый из нас вышел на свою дорогу. Но зато мы узнали жизнь, твердо самоопределились. Познание жизни — большая, очень большая величина. Только опыт, осознанные увлечения делают выбор профессии окончательным. Найти свое призвание — все равно что сделать открытие в себе.

Вступление в науку

— В университете меня словно давно ждали. Скоро определилась тема, научный руководитель. Я начал азартно (другие могут, а я?), но шеф профессор Владимир Александрович Корчагин остудил пыл. «Важно не то место, где ты стоишь, а важен тот путь, по которому идешь», — сказал он. И объяснил, что современная физика — чрезвычайно сложная вещь. Учиться придется долго. Себя учить. Строить новые этажи знаний. Он советовал развивать себя шире, брать все полезное из смежных наук, из культурной жизни Москвы. Физик для себя, по его мнению, — узкий физик. Если он берет мало, то мизерно отдаст и науке.

Он составил большой план, и я стал жить по железному порядку. Мозг — это часы. Не тратить время на мелочи, пустяки. И все же его не хватало. Профессор постоянно меня спрашивал: что я увидел, услышал, как оцениваю то или иное явление, факт? Временами он ставил меня в тупик, заставлял ломать голову. Главное, чему

он меня учил, — умению мыслить. Кто-то из больших ученых, вспоминал он, предлагал побольше ставить на улицах или в коридорах скамеек — человек должен сесть и подумать. Вот такие скамейки Корчагин расставлял для меня на каждом шагу.

Ветер дул в спину, подгонял меня по своей дороге, и вдруг все разладилось: умер профессор Корчагин. Я многое потерял: и доброго, строгого наставника, мешавшего мне заблуждаться, и умного, целеустремленного научного руководителя, и вместе с тем прежнюю тему. Я будто осиротел. Какое-то время был на распутье. И тут я узнал: Корчагин заблаговременно просил своих друзей позаботиться о моей судьбе.

Я встретился с известным ученым, академиком Абрамом Федоровичем Иоффе. Не знаю, что усмотрел во мне профессор Корчагин, рекомендуя меня знаменитому физику. Ведь как ученый я был почти на нулевой отметке. Свои силы испробовал на малом. А в жизни есть неписанный закон: чтобы тобой заинтересовался крупный ученый, надо самому быть чем-то интересным, неожиданным.

По испытанному аспирантскому методу перед встречей я прочитал труды ученого. На всякий случай надо быть «подкованным»... Иоффе не проверял мои знания, ни о чем не спрашивал, он сказал: «Слышал о вашем начале, о вашем характере. Нам такие нужны». «Разве это главное — характер для науки?» «Нередко и главное», — ответил академик, затем уточнил: «В союзе с одаренностью. Особенно при длительном, целенаправленном поиске». Я почувствовал: академик не просто так заговорил о длительном поиске. И верно, он тут же стал увлеченно рассказывать об одной из загадочных, совершенно не изученных проблем физики — о непонятном поведении полупроводников при поглощении света. Экситон — одна из частиц квантового мира, но совсем не такая, как атом, молекула, ион, она не появляется в вакууме, не представляет собой строительного материала, а является носителем движения, имеет массу. Вспомним явление внутреннего фотоэффекта. Оно общеизвестно — в веществе под действием света появляется электрический ток, возникает фотопроводимость. По мнению Френкеля, кристаллы некоторых диэлектриков — веществ, не проводящих или плохо проводящих электрический ток, — могут поглощать свет, но не обнаруживают фотоэффекта. Происходит это потому, что под воздействием света возбуждаются нейтральные частицы и вовсе не появляются свободные электроны. Однако возбуждение, возникающее в веществе, перемещается вдоль того или иного ряда атомов как некая частица. Френкель назвал ее экситоном (квантом возбуждения).

Как это часто бывает в науке, экситонную идею поняли не сразу и не все. Некоторые крупные ученые за границей назвали ее неверной и начисто отвергли. С тридцатых годов, когда Френкель высказал свою теорию, никто из физиков не нашел эти новые частицы и не подтвердил смелую гипотезу.

Об экситонах я знал немного. Да и никто тогда не знал о них

больше. И все же тема для меня оказалась близкой — оптикой я занимался у профессора Корчагина. Выяснилось: в институте есть оптическая лаборатория, которую возглавляет член-корреспондент Академии наук СССР Е. Ф. Гросс, однако оптическими свойствами полупроводников там не занимались. Я осознал: возможно, мои поиски пройдут зря, я не найду ответа. Сколько гипотез умерло, оставшись неподтвержденными! Годы и годы труда без видимых результатов. Одно ясно: при этом сложном поиске не надо ждать немедленного результата. Иоффе не торопил меня с ответом, советовал приглядеться к теме, к лаборатории. Меня беспокоило: хватит ли на поиски знаний?

«Вот и хорошо, что вы мало знаете», — сказал Иоффе. — Голова не забита доверху информацией. Разными приемами, методами. Это страшная вещь — инерция прошлого. Новое открывают не энциклопедисты, не какие-то особые знатоки, а люди со светлым, восприимчивым умом. У них свое видение, независимая логика мышления. Поверьте мне, я это знаю».

Вспомнилась первая строка из книги Иоффе «Встречи с физиками». Он писал: «Мне пришлось встречаться со многими крупными физиками уходящего поколения». Для Иоффе это был Рентген, в лаборатории которого он работал несколько лет, Лоренц, Эйнштейн и многие другие. А я встретился с ним, большим физиком. Не уходящим, а ученым моего времени. Работать рядом с Иоффе — высокая честь. Общение с ним — премия за риск. Я сказал Иоффе: «Согласен». «Ну, вот, я так и знал — у вас подходящий для нашего института характер», — ответил он.

Удивление

— Кто-то из больших ученых, кто именно, сейчас не помню, советовал непрерывно бегать от удивления. А у меня все получалось наоборот — бегал за ним. Удивлялся окружающим миром, людьми и в чем-то даже собой.

Считаю годы поисков самыми светлыми, радостными. Я жил словно на взлете, в сплошном увлечении. В ходе работы, правда, у меня возникали конфликты между удовлетворением и сомнением. После очередного запала я останавливался, спрашивал себя: не ошибка ли? Полный сомнений, шел к Иоффе. Дверь к нему всегда была открыта. Он выслушивал меня, советовал: «Проверьте десятки раз. Нужно почаще сомневаться в себе». Почаще... А я думал, что это недостаток, слабость. Выходит, в отрицании тоже сила.

Было немало неудач, рухнувших предположений, неожиданностей... Всего хватало, как в любом научном поиске. Наше открытие — это длительная, целенаправленная работа. Почти три года искали, разгадывали мы эти таинственные частицы, заманивали их с помощью новейшей аппаратуры в свои ловушки. А они, увы, несмотря на все наши усилия и ухищрения, отказывались давать интервью. И не удивительно — загаданные шифры природы всегда открываются с огромным трудом. Постепенно —

вначале была теория, в виде цепочки математических уравнений, потом уже практические поиски — мы обнаружили серию узких спектральных линий, которые могли принадлежать только экситонам. Под воздействием света они двигаются по кристаллу зигзагообразно и существуют ничтожно малое время. Они погибают, но не бесследно — за какие-то сотые доли секунды успевают пробежать большие расстояния и переносят энергию с одного места на другое. Загадочный «зверь» (так в шутку его назвал академик Иоффе) оказался носителем необычных магнитных и проводящих свойств. Он подобен катализатору — получает энергию от фотонов и передает дальше, обнаруживая новые свойства.

Мы перепробовали различные полупроводниковые кристаллы и остановились на записях меди и сернистого калия. Даже в них возбуждение светом проходило не по всем линиям. Решающим оказался следующий эксперимент: на тончайшую пластинку кристалла записи меди, опущенную для глубокого охлаждения в жидкий гелий, воздействовали светом. Мы получили необычный спектр, аналогичный спектру атома водорода. Экситоны состояли из электрона и положительного заряда, во многом сходны с атомами водорода.

Теперь видна роль новых частиц во многих физических процессах — оптических, тепловых, фотоэлектрических, в преобразовании энергии. Получены первые обнадёживающие данные о возможности создавать квантовые генераторы на новом принципе, с использованием особых свойств экситонов. Выяснилось, что экситоны участвуют не только в физических процессах. Они могут влиять на фотосинтез растений: биологи полагают, что с их помощью можно раскрыть механизм раковых заболеваний человека, химики видят их применение в новых способах катализа, реакции, что намного ускорит производственные процессы. Это, конечно, далеко не полный перечень перспектив экситонов. В результате плодотворных исследований появился новый раздел физики твердого тела — экситонная физика.

Об исследованиях экситона мне приходилось рассказывать на ученых советах, научных симпозиумах по физике. Однажды после доклада, который я делал на симпозиуме, ко мне подошел ученый-иранец и сказал, что слушал меня с большим интересом, много получил нового. Потом сказал: «Я удивлен, что по другую сторону Копет-Дага из соседних с нами сек вышли такие ученые».

На столе Нури Аталиевича лежала стопка телеграмм из Москвы, Ленинграда, Ашхабада... Ученого-физика поздравляли с открытием коллеги, ученые, знакомые, родственники. Три телеграммы от братьев, которые живут в Ашхабаде: Баймухаммеда — академика, Сеида — доктора филологических наук, Аба — математика, кандидата наук. И еще приветствия — от сыновей братьев, тоже научных работников. В большом роду Карыевых выросло четверо научных ученых. Это — младшее поколение.

В. НИКОЛАЕВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

В ОГНЕ РОЖДЕННАЯ

История учит, что рождение нового государства почти всегда проходит в муках. Но трудности и невзгоды, выпавшие на долю Народной Республики Бангладеш во время ее создания, едва ли с чем сравнимы.

В сложных условиях развивалось и крепло национально-освободительное движение. В конце 1970 года, когда оно неуклонно нарастало, на Восточный Пакистан обрушилось страшное стихийное бедствие — небывалой силы циклон. По официальным данным, он унес около полумиллиона жизней, но вполне возможно, что число жертв достигло миллиона, а то и больше. Циклон принес огромные разрушения. Пожалуй, и не припомнишь на нашем веку стихийных бедствий подобного масштаба.

Вслед за циклоном пронесся политический ураган, причем тоже силы необычайной. В декабре 1970 года партия Авами лиг (Народная лига) во главе с Муджибуром Рахманом одержала победу на выборах. Подавляющее большинство избирателей тем самым решительно выступило против политической и экономической дискриминации правящих кругов Пакистана по отношению к своей восточной провинции.

Такое развитие событий никак не устраивало военную диктатуру Пакистана. Разразилась давно назревавшая политическая буря. Один западный журналист так характеризовал события тех памятных дней и недель: «По сути дела, удивительнее всего не то, что Пакистан переживает такой глубокий кризис, а то, что он столько лет просуществовал. Пакистан как единое государство был обречен с самого начала». В самом деле, где еще найдешь на земле страну из двух частей, причем одна отстоит от другой на 1 600 километров?!

В 1947 году под неудержимым напором национально-освободительного движения англичане ушли с Индостанского полуострова. У них уже не было сил, чтобы удержаться на этих землях, но осталось еще достаточно коварства. Они ушли, но при этом был осуществлен такой раздел необъят-

ной территории, какой сеял семена раздора и сулил бывшим колонизаторам шансы на возможность проводить здесь свою политику.

В основу раздела был положен только религиозный принцип. Ни традиционные экономические связи, ни географическая смежность территории, ни национальный состав населения — ничто не было принято во внимание. Сразу же вспыхнула с новой силой искусственно разжигаемая религиозная рознь, сотни тысяч людей погибли, миллионы покинули родные места. И еще не раз после этого отравленные семена раздора, посеянные колонизаторами, давали свои страшные всходы.

Нелегко было начинать строить новую жизнь как в Индии, так и в Пакистане. Причем в Восточном Пакистане и экономическая и политическая ситуация всегда была сложнее, обостреннее, чем в западной части страны.

После победы партии Авами лиг на выборах правящая верхушка Пакистана обрушила жестокие репрессии на население Восточного Пакистана. Муджибур Рахман был арестован, его партия Авами лиг была запрещена. Началась кампания массового террора, проводимого пакистанской армией.

Передо мной до сих пор стоят мальчишки из Дакки, играющие в... расстрел. Да-да, не просто в войну, как это любят делать дети, наверное, всех стран мира, а в расстрел. Они разыгрывали не сцену из фильма (едва ли кто-нибудь из них вообще бывал в кино), а повторяли в игре то, что видели сами наяву, своими собственными, расширенными от ужаса, зоркими детскими глазами.

В ответ на репрессии народ поднялся на вооруженную борьбу. С помощью братской Индии, Советского Союза, всех прогрессивных сил мира национально-освободительное движение в Восточном Пакистане одержало полную победу — была создана Народная Республика Бангладеш.

ТРУДНОСТЯМ ВОПРЕКИ

Мое первое знакомство с неотложными нуждами молодого государства произошло уже в день приезда в Дакку, столицу республики. Чтобы с ходу войти в курс дела, я набросился на свежие местные газеты. Их еще пахнувшие типографской краской страницы сразу опалили меня множеством жгучих проблем.

Нехватка самых необходимых товаров широкого потребления, особенно тканей, керосина, сахара... Отсюда рост цен... Наличие черного рынка и спекулянтов... Безработица... Тяжелое положение на транспорте... Недостаток медикаментов, врачей... Жилищный кризис... Провокационные слухи, распространяемые врагами республики... Выстрелы из-за угла в активистов национально-освободительного движения...

Любопытно высказывание по этому поводу даккской газеты «Пипл»:

«Экономические трудности, переживаемые нами, не являются чем-то уникальным. В таких же условиях оказывались почти все страны, которые сбрасывали с себя оковы рабства в результате ре-

волюционной борьбы. При этом Муджибур Рахман призывает нас брать пример с советских трудящихся в создании экономической базы для построения социализма».

Да, вполне схожие трудности становления нового государства. Но в Республике Бангладеш они усугубляются традиционной крайней экономической отсталостью, доставшейся в наследство от колониального английского режима и военной пакистанской диктатуры.

Как республика начала борьбу со всеми этими трудностями? В первых, последовательно, шаг за шагом, осуществляется политика национализации. Девяносто процентов банков и страховых компаний находятся в руках государства. Под контроль правительства взяты джутовая, хлопчатобумажная, текстильная отрасли промышленности, ряд сахарных заводов, электростанций.

Идет процесс преобразования и в деревне. Максимально допустимый размер земельной собственности сейчас не должен превышать 100 бигха (33,1 акра) на семью. Уже объявлено, что и этот «максимум» будет постепенно снижен.

Другим верным признаком начала новой жизни является творческая активность масс. Республика демонстрирует и митингует.

Во время моего пребывания в Бангладеш вся пресса была взбодрана очередными выборами в органы студенческого самоуправления Даккского университета. Да, именно вся пресса, потому что студенческое движение издавна было здесь одной из важных прогрессивных общественных сил. Во всенародной борьбе за национальную независимость студенты всегда шли в авангарде патриотов. Многие студенты вместе с рабочими составили костяк отрядов народно-освободительной армии «мукти бахини». Не случайно на учащуюся молодежь и ее преподавателей обрушился в первую очередь террор пакистанской армии.

Было очень интересно наблюдать за университетом в последние, решающие дни избирательной кампании. Все учебные корпуса и здания общежитий были разукрашены яркими, разноцветными плакатами, один митинг вспыхивал за другим, один оратор сменял другого. Празднично одетые, разгоряченные студенты часами, до хрипоты спорили, убеждали своих сторонников и оппонентов. Речь шла о самом главном — о путях строительства новой жизни. Соперничали на выборах две студенческие организации — Союз студентов и Лига студентов. Их члены вместе сражались за независимость и сейчас горят желанием помочь родине в строительстве новой жизни, но в подходе к решению многих проблем у союза и лиги есть известные различия.

С не меньшим воодушевлением участвует сегодня в политической жизни и все население страны. Освободительная борьба и создание республики пробудили сознание миллионов. Кроме правящей партии Авами лиг, в стране существуют и другие партии, в том числе коммунистическая, которая около двадцати лет работала в подполье. Важную роль в жизни страны играют профсоюзы. Я побывал на нескольких предприятиях и не мог не обратить внимания на

НАД БАНГЛАДЕШ
РАССВЕТ

Премьер-министр Народ-
ной Республики Бангла-
деш Муджибур Рахман.

Дакка, столица респуб-
лики.

Студентки столичного уни-
верситета.

Джутовая фабрика Бховани. На готовую продукцию наносится трафарет: «Сделано в Бангладеш».

Лагерь вернувшихся из Индии жителей Дакки.

Танец «Укрощение змей».

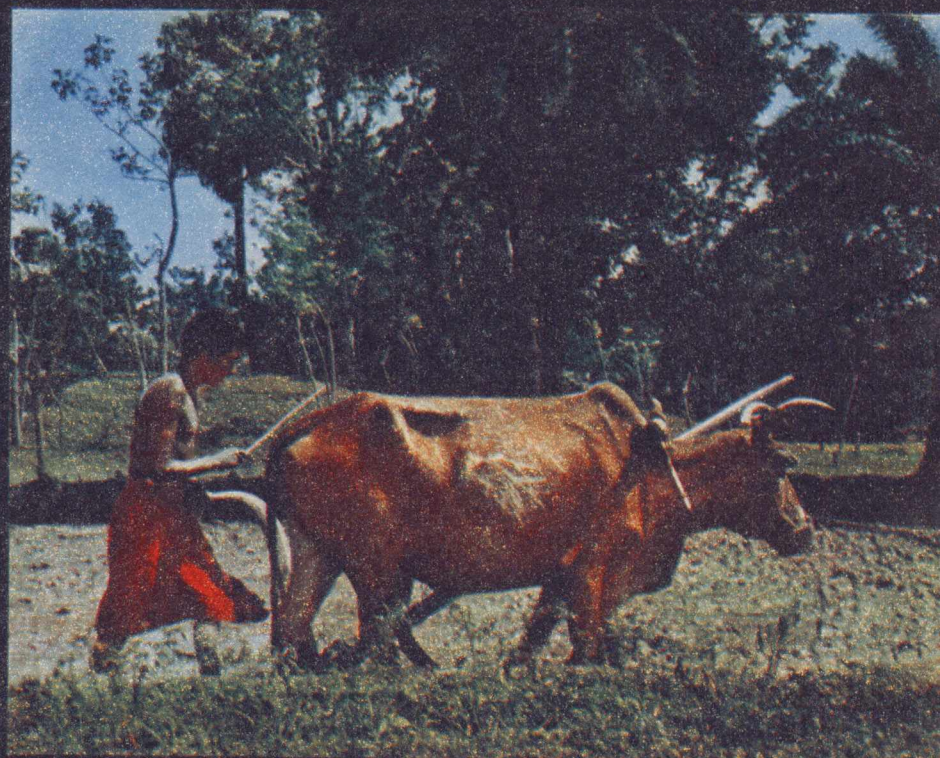
Уборка риса в деревне Рахинпур.

На переправе.

В цехе металлургического завода в Читтагонге.

В поле. Деревня Вестгохира.

Читтагонгский порт, восстановленный с помощью советских специалистов.

Многим тысячам жителей республики помогли врачи из Советского Союза.

Один из московских вертолетов, работающих в Бангладеш.

большой авторитет профсоюзных лидеров среди рабочих и администрации.

Да, немало трудных вопросов предстоит решить молодой республике. Во время моего пребывания в Дакке состоялась конференция, посвященная программе планирования семьи. (При населении в 75 миллионов в стране ежегодный прирост равен 3 миллион.) На ней выступил министр здравоохранения и планирования семьи Абдул Малек Юкил, который, в частности, сказал: «Все возрастающая рождаемость всегда была серьезной угрозой в нашей стране, которая и так продолжает оставаться крайне перенаселенной. Если мы не сможем взять под контроль рождаемость, мы столкнемся с гигантской проблемой. Необходимо срочно начать эффективную кампанию по пропаганде планирования семьи, чтобы наши в основном неграмотные люди убедились в его необходимости и разумности».

Еще одна типичная бангладешская проблема — судьба вернувшихся беженцев. Несколько миллионов человек бежали в соседнюю Индию, спасаясь от пакистанского террора. Теперь они вернулись на родину, но вместо родного очага нашли пепелище.

В самом центре Дакки, на поросшей травой большой площади, раскинулся один из лагерей, где живут вернувшиеся из Индии беженцы. Разноцветные палатки образуют несколько ровных «улиц».

Я беседую с женщинами, окружившими меня. Десятки детишек обступили нас. Мужчин не видно. Спрашиваю, в чем дело. Оказывается, все они в городе, на работе. Республика помогла им найти работу, а это уже немало. Но трудно с жильем.

Женщины рассказывают мне, что до войны они жили на этом самом месте, около большого индуистского храма Рамна Кали. Сейчас здесь пустырь. Храм был снесен с лица земли пакистанскими солдатами. Не осталось и следа от жилищ тех, кто ушел в Индию.

Таких лагерей увидишь немало, когда поедешь по стране.

В Дакке я видел, как несколько сот ее жителей, не имеющих крова над головой, встретились с Муджибуром Рахманом в его резиденции. Они пришли к нему не разгневанной толпой, а в рядах демонстрантов. Они пришли не жаловаться на судьбу, а выслушать премьер-министра. Вернее будет сказать, что премьер-министр и бездомные встретились, выйдя навстречу друг другу. Превосходный оратор, обладающий редким даром душевного общения с простым народом, Муджибур Рахман честно и прямо говорил о трудностях, переживаемых республикой. В заключение митинга собравшиеся провозгласили клятву верности республике, а затем под патристическими лозунгами в сплоченных рядах прошли по улицам столицы.

РЕСПУБЛИКА СТРОИТ

Одно из основных национальных богатств республики — джут. Пакистан был главным поставщиком джута на мировой рынок. А поскольку это травянистое тропическое растение любит влагу и солнце, оно выращивалось преимущественно в жарком и богатом во-

дой Восточном Пакистане. Из волокон джута изготавливается пряжа. Она высоко ценится за свои прочные свойства, хорошо окрашивается, очень гигроскопична. Из пряжи джута делают мешки, декоративные и обивочные ткани, ковровые изделия, брезент, канаты, веревки. Естественно, что республика с первых же дней своего существования сделала немало для того, чтобы восстановить и наладить это важное производство.

С джутовой фабрикой Бховани, что неподалеку от Дакки, меня познакомил местный профсоюзный деятель Муршид Али. Производство большое, четыре тысячи рабочих. Это единый комплекс, состоящий из нескольких фабрик. Кое-где до сих пор видны следы войны. Но сегодня фабрика работает уже почти на полную мощность. В ровном, сильном шуме ее станков — уверенность республики и ее тружеников. Вчера страна завоевала свою независимость. Сегодня страна строит новую жизнь.

Разумеется, переход на рельсы мирного строительства не прост и не гладок. На металлургическом заводе в Читтагонге о трудностях этого процесса рассказал директор предприятия Захид Хусейн. Он говорил о том, что создание республики пробудило сознание миллионов, но этот факт тем более обязывает повседневно и неустанно воспитывать у рабочих сознательное отношение к труду, к своим обязанностям, к республике. У многих простых тружеников уже сам факт создания республики тут же породил наивные иллюзии: они решили, что завоеванная в борьбе свобода немедленно принесет все свои плоды, в один день резко улучшится жизнь, каждый получит то, что ему надо. Многие рабочие стали выдвигать перед руководством завода такие требования, которые оно никак не могло удовлетворить. От этого страдало производство.

Я вспомнил об этой беседе с директором через несколько дней, когда во всех центральных газетах был опубликован указ правительства об укреплении производственной дисциплины на предприятиях. В нем, в частности, запрещалось выдвигать перед администрацией необоснованные, несвоевременные требования.

Директор завода в Читтагонге рассказал о больших сложностях, с которыми приходится сталкиваться молодой металлургической промышленности страны. Республике сегодня крайне необходим свой металл. Но, как говорил директор, металл этот пока еще очень дорог. На то немало причин: девяносто процентов сырья приходится ввозить из-за границы, исключительно дороги в стране транспортные средства и электроэнергия, столь необходимые металлургическому производству.

Но как бы там ни было, новые принципы жизни все увереннее завоевывают свое право на существование. Директор металлургического завода в Читтагонге с большим удовлетворением сообщил мне о только что достигнутой договоренности о поставках советского чугуна. Кстати, впоследствии я узнал о том, что за этот чугун мы будем получать необходимый нам джут. Наши специалисты говорят, что это взаимовыгодная сделка.

На том же заводе встречи с рабочими, их высказывания, даже

внешний их облик и манера поведения говорят о том, что трудящиеся люди все яснее и яснее понимают принципиальную разницу между своей прежней жизнью и теперешней, понимают, что работают на республику, на благо своего народа.

Такое же светлое ощущение осталось у меня после посещения рыбацкой деревни Монохаркали. Республика богата рыбой, и таких деревень, как эта, в стране немало.

Я беседовал с руководством деревенского кооператива. Они рассказали мне о принципах местного труда, сбыте продукции (налажен экспорт вяленой рыбы даже в Англию), распределении доходов. Затем я долго ходил по деревне, беседовал с ее обитателями. Членам кооператива предстоит еще немало сделать, чтобы укрепить свое хозяйство и улучшить жизнь тружеников и их семей. Собираются вскоре обзавестись моторами для своих лодок, пока же им помогают только паруса и весла. Кстати, они с нетерпением ждут, когда поступят в продажу моторы советского производства. С нашей точки зрения, оставляет желать лучшего и сама деревня, ее ветхие строения больше похожи на шалаши, чем на дома. Но при общении с рыбаками видишь, что они создают выгоду совместного коллективного труда, который сам по себе во многом определяет рост их сознания.

Не отличаются своим благоустройством от этой рыбацкой деревни и те обычные деревни, в которых я побывал. А сколько я их видел, летая на вертолете, и не считаешь! Впрочем, считать было бы бесполезно. Когда летишь на вертолете, то видишь внизу квадратики полей и одну сплошную деревню, состоящую из множества сливающихся друг с другом деревень. Плотность населения здесь необычайная. Каждый свободный клочок тщательно ухаживается, но под пальцем солнцем очень нелегко труд на полях, осуществляемый с помощью самых примитивных орудий. И сегодня сельское хозяйство — основа экономики страны — все еще является традиционно отсталым. А ведь в сельской местности проживает свыше 70 из 75 миллионов населения страны.

В большой статье о путях развития сельского хозяйства республики, опубликованной недавно в газете «Морнинг ньюс», научный сотрудник сельскохозяйственного института Абдул Хамид пишет, что одно лишь введение максимально допустимого размера земельной собственности не решает всех проблем. Он видит единственный путь развития сельского хозяйства — социалистический.

«Независимость Республики Бангладеш», — пишет автор статьи, — которая была завоевана ценой страшного кровопролития, окажется прозрачной, если не будет уделено самое серьезное внимание сельскому хозяйству...»

Труден этот период становления нового государства. Но оно тем не менее заметно идет вперед. Это признают сегодня даже те, кто поначалу, мягко говоря, не симпатизировал республике. «Угрозы голода и социального краха в Бангладеш уже не существуют», — докладывает в Вашингтоне американская комиссия, только что вернувшаяся из поездки по

республике. «Страна прочно стала на ноги», — заключает комиссия свой доклад.

СИЛА ДРУЖБЫ

Первыми советскими людьми, с которыми непременно сталкиваешься там, являются наши вертолетчики. Без них туго пришлось бы молодой республике. Они день за днем без устали во все концы страны доставляют по воздуху продовольствие, врачей, медикаменты. Наши вертолеты — незаменимое средство передвижения. Дело в том, что во время военных действий были разрушены многие транспортные коммуникации, взорваны мосты. А передвигаться по республике очень не просто: обилие рек — главная преграда на пути автомобиля. Вот и пришли на помощь наши вертолетчики.

В пять утра — подъем. Завтрак. В шесть утра мощные зеленые машины одна за другой вылетают в разные концы страны.

Надо только видеть, как горячо встречают наших вертолетчиков в городах и деревнях республики! Мгновенно сотни восторженных людей окружают машину, на которой написано: «СССР. Аэрофлот».

Юрий Климентьевич Карманов, командир нашего авиаотряда, подробно рассказывает мне о том, как наши транспортные самолеты-гиганты доставили в Бангладеш вертолеты в разобранном виде. Это была сложная, но стремительная операция, ведь вертолеты нужны были республике как воздух. Здесь их снова собрали, и сейчас безотказные машины работают по напряженному графику. Опытные пилоты быстро освоили и новые трассы и связь с землей, ведущую на английском языке. Когда летаешь здесь на наших вертолетах, то просто диву даешься спокойной уверенности и профессиональной сноровке их водителей. Как будто бы они родились и выросли в этой сорокаградусной жаре, в этом влажном, хоть выжимай воздух, климате!

Еще один отряд наших специалистов, пришедших на помощь республике, состоит из врачей и медицинских сестер. Их возглавляет профессор Олег Федосьевич Тарасов. Сам он из Ленинграда, где работает проректором по научной части педиатрического института.

Олег Федосьевич рассказывает о тяжелых условиях работы. На двух машинах-вездеходах наши специалисты ездят по стране, оказывают медицинскую помощь населению, делают прививки от холеры и оспы. Сейчас здесь нет эпидемий этих страшных заболеваний, но постоянная угроза холеры и оспы существует и сегодня. В дакских газетах часто можно прочитать о том, что то в одном, то в другом районе обнаруживается холера. В такой район вовремя устремляются врачи, в том числе и наши, и угроза эпидемии ликвидируется.

Другим важным делом наших медиков является оказание помощи населению. Олег Федосьевич говорит о том, что здесь очень распространены желудочно-кишечные заболевания, тропическая малярия, туберкулез, грипп... Из-за низкого уровня жизни много хронических больных. Большой ущерб здоровью большинства населения наносит также однообраз-

З А Я В Л Я Ю С Е Б Е

Сегодня я заявляю
о своем существовании.
Я поднимаю кулак
над миром.

Мое сердце — кровотокающая
роза.

Со всюю страстью бури
я швыряю
охапки цветов в небеса:

А небеса и ветер
ведут свой странный разговор,
и тенью дрожи
листва им отвечает.

Мои глаза — они, как сталь,
расплавились.
Кровь закипает в моих жилах.

Сейчас
я искра,
яростно горящая
сегодня.
Я кричу, как Прометей,
я сам напуган
собственным неистовством;
я знаю: земля содрогнется
от крика моего,
и небо разлетится в куски.
Но этого мне мало.

Пусть штык
прорвет мне сердце —
я не оглянусь,
я буду идти вперед,
и если мои глаза,
как факелы горящие,
померкнут, —
мне не жаль их.

Пусть истекает сердце
кровью —
я боли не почувствую.
Я буду идти вперед.

О солнце, дай мне твою
жгучую силу,
Наполни ею мое сердце!

Перевод с бенгальского.

ное питание. Из-за этого обстоятельства у людей не хватает важных витаминов А и Д, а витамин С в растительной пище при такой жаре быстро разрушается. Профессор подробно говорит обо всех этих проблемах, потому что одна из важных задач его отряда — это составление общей карты заболеваемости населения республики. Создание такой карты поможет быстрее начать широкое, планомерное наступление на болезни.

С любопытным доказательством эффективности работы наших медиков я столкнулся в диких джунглях близ границы с Бирмой. Я был в гостях у народа чакма. Обитатели этой довольно аккуратной деревни очень живые, приветливые люди. И, уже изрядно похажив по деревне, я обратил внимание на то, что всем им на днях привили оспу. И тут прошли наши медки!

И, наконец, самый большой отряд наших специалистов работает в Читтагонгском порту. Во время военных действий здесь было пущено на дно много крупных судов (есть среди них по 14—16 тысяч тонн водоизмещения), и подходы к причалам оказались заблокированными. А без этого порта не может нормально жить и работать вся страна. Это ее главный выход на мировой рынок и ее главные ворота. Вот почему наша помощь в Читтагонге так важна для республики.

Но надо сказать, что здесь на долю советских специалистов выпало самое трудное дело. Мирная практика вообще не знает операций такого масштаба по подъему затонувших судов. К тому же местные условия крайне осложняют эту и без того невиданную операцию.

Порт расположен на берегу реки Карнапхули, близ ее впадения в Бенгальский залив. Дважды в сутки здесь происходят мощные приливы и отливы, течение очень быстрое, река несет в океан такую массу воды, что видимость при работе в воде нулевая. Прибавьте ко всему этому, что температура воды в реке доходит до 30 градусов, и тогда даже несведущему человеку станет ясно, в каких невероятно трудных условиях приходится работать нашим водолазам. А ведь именно с них все и начинается. Они обследуют затонувшие корабли, на основании собранных ими данных составляются чертежи этих судов, на которых видны условия их залегания на грунте, видны все нанесенные им повреждения. Эти данные водолазам приходится собирать вслепую, буквально ощупывая суда руками. А ведь корабли эти по 100 и более метров в длину. Но и этого мало! Израненные бомбами и ракетами стальные громады успели уже углубиться в илистое дно на несколько метров.

К тому же порт был заминирован. Вместе с индийскими тралящиками наши корабли очищали порт и устье реки от мин. Тоже нелегкая работа, если учесть своеобразный характер реки, описанный выше, и страшную засоренность фарватера.

Обо всем этом рассказывает начальник нашей спасательной экспедиции Сергей Павлович Зуенко. А потом мы на катере отправляемся на один, как он выражается, объект — затонувший греческий танкер «Авλος». Корабль водоизмещением в 16 тысяч тонн разломан пополам. Перебираемся на торчащую из воды корму «Авло-

са». Здесь как будто нарочно к нашему приходу готовят к спуску очередного водолаза, молодого светловолосого паренька Алексея Перетятко. Около него деловито суетятся пятеро его коллег. Слово рыцаря перед боем, облачают они его в водолазные доспехи. Пока доходит очередь до шлема, Алексей становится красным, как вареный рак. Жара такая, что нельзя дотронуться голой рукой до металлических конструкций. Наконец все готово. Алексей спускается по борту к воде, вот уже осталась на поверхности одна его голова, еще миг — не видно и ее. И тут же над палубой громко зазвучали вдохи и выдохи Алексея. Как будто бы рядом задышал какой-то сказочный великан. Звук идет из небольшого желтого ящика, похожего на магнитофон. Над ним склонился другой водолаз, внимательно следящий за показаниями находящихся в ящике приборов.

Вдох... Выдох... Вдох... Выдох...
— Как самочувствие? — спрашивает водолаз, склонившийся над ящиком.

— Нормально, несет немного, — слышен голос Алексея. — Дна еще нет.

— На грунте! — сообщает вскоре Алексей. — Несет сильно.

Началась обычная подводная вахта Алексея Перетятко...

Самоотверженный труд наших специалистов принес первые плоды. Сегодня Читтагонгский порт работает уже на 85 процентов своей прежней производительности. Шестнадцать больших морских кораблей могут одновременно подойти к причалам огромного порта. Об этом мне сказал председатель администрации порта Д. Кибриа. При этом он в первую очередь выразил сердечную благодарность нашим специалистам.

Кибриа рассказал, что порт очень сильно пострадал во время войны. Затонувшие корабли забили фарватер реки, были повреждены причалы, склады, транспортные магистрали. Жертвами террора стали многие руководящие работники порта, опытные мастера своего сложного дела.

Всего, сообщил мне Кибриа, в пределах порта лежит на дне около 50 судов, но 17 из них представляют особую опасность, так как мешают кораблям подходить к причалам.

— Сами, без вашей помощи, — говорит Кибриа, — мы, разумеется, ничего бы сделать не смогли. Исключительное трудолюбие и самоотверженность — вот главные качества ваших специалистов.

Народ республики благодарен советским людям за их помощь.

সমগ্র জনগণের কাছে
আমাদের কৃতজ্ঞতা প্রকাশ করা হল।
২০/১০/৭২

Это чувство благодарности особо заметно в деятельности Общества Бангладеш — СССР. О нем мне рассказал известный писатель, ви-

це-президент общества Абул Фазл.

Сейчас по всей стране создаются местные отделения общества. Их уже более тридцати. Главный патрон общества — премьер-министр Муджибур Рахман, патроны общества — пять министров и четыре руководящих лидера главных политических партий. Абул Фазл говорит о все возрастающем интересе широких народных масс к Советскому Союзу, о крепнущих день ото дня связях общества с нашей страной. Недавно он сам был в составе делегации, посетившей Советский Союз. Сейчас Абул Фазл переполнен восторженными впечатлениями.

Кстати, он подчеркивает, что симпатии к нашей стране здесь возникли не вчера. Несмотря на сложность обстановки в Восточном Пакистане, Общество дружбы с СССР было создано еще в 1966 году, и он до сих пор является одним из его бессменных лидеров. Как и многие жители республики, писатель проявляет самый конкретный интерес к нашей жизни и культуре. Он только что завершил перевод гоголевского «Ревизора» на бенгальский язык.

О тяге к нашей стране и культуре говорит и такой эпизод. Кино-режиссер Азиз Мехер рассказал мне о своей заветной мечте. Он хочет сделать фильм по книге Горького «Мать». Причем замысел у него не совсем обычный. Он думает взять горьковский сюжет и основные диалоги, но перенести действие на свою родную почву. Он уверен, что фильм будет понятен и близок его соотечественникам.

Много было у меня интересных встреч, но венцом их всех была беседа с премьер-министром Муджибуром Рахманом. Живой, общительный, с неизменной трубкой в руках, он в самом начале нашей беседы выразил глубокую благодарность нашей стране за помощь, оказываемую республике. Он сказал о том, что наша дружба, несомненно, будет развиваться и крепнуть. Затем он рассказал об основных этапах борьбы за независимость.

Главное сейчас, продолжил премьер-министр, — это решение экономических задач. Он вспомнил об опыте социалистического строительства в нашей стране, который, по его мнению, очень для них поучителен. У вас было много своих трудностей, сказал он, но вы их преодолели. Мы тоже постараемся сделать все, что в наших силах, на благо республики, заключил премьер-министр. Затем он написал приветствие читателям «Огонька», фотокопия которого приведена ниже. Текст гласит: «Са-

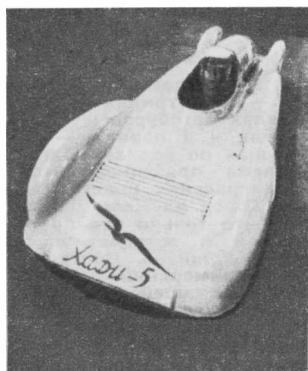
мые наилучшие пожелания читателям «Огонька» от меня и 75-миллионного народа Республики Бангладеш».

В городе все так спешат...

В том, что быстрый ритм городской жизни действует не только на людей, но и на растения, убедились ученые, занятые исследованием интенсивности фотосинтеза. Обычно в лесу листья липы утром выделяют кислород в два раза быстрее, чем в полдень. Если же листья запылены, как это бывает в городах, то кислород в полдень выделяется в 20—30 раз медленнее, чем утром. Оказывается, пыль, осевшая на листьях, хорошо поглощает тепловые лучи, что приводит к их чрезмерному перегреву и снижению скорости выделения кислорода. И вот результат: в городе деревья выделяют основную массу кислорода раньше, чем в лесу.

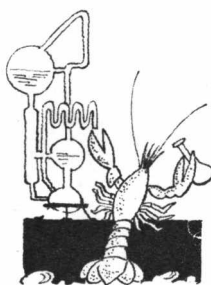

Первые старты «ХАДИ-5»

Среди гоночных машин, вышедших на трассу под Харьковом 14 и 21 мая нынешнего года, «ХАДИ-5» не блистала скоростью. На дистанции 500 метров с места она показала максимальную скорость всего 75 километров в час, а на дистанции 1 километр — 94,664 километра в час.

Но на эти скромные результаты начинаешь смотреть иначе, когда узнаешь, что «ХАДИ-5» — первый советский гоночный электромобиль, под обтекаемым кузовом которого находится не бензиновый двигатель или газовая турбина, а электромотор мощностью в 13,6 лошадиной силы и аккумуляторы.

«Выводя электромобиль на старты, — сказал один из создателей «ХАДИ-5», Юрий Степченко, — мы в первую очередь хотели проверить правильность наших расчетов и поисков. Что же касается скорости, то запас у «ХАДИ-5» есть: ведь мы еще не испытывали мощные и компактные серебряно-цинковые аккумуляторы». С мнением Степченко согласен и В. Никитин — руководитель студенческого проектно-конструкторского бюро Харьковского автодорожного института: «Главное для всех нас — это определить направление наших научных и проектных работ в данной области. И первые заезды показали, что мы на правильном пути».

Омары-алхимики

Научной сенсацией прошлого года стали эксперименты, проведенные французским биологом Л. Кервраном над морскими раками — омарами. Каждые 17 дней омары линяют, сбрасывают старый панцирь, под которым у них появляется новый. Даже без всякой кормежки омар может прожить около месяца и один-два раза сменить «фрак». Этой особенностью и воспользовался исследователь. Установив, что в среднем в организме омара содержится около 380 миллиграммов фосфора, он поместил его в аквариум. Вся система изолировалась от внешней среды, и в нее подавался только идеально очищенный воздух.

И что же? Измерив содержание фосфора в панцире и в организме омара после линьки, Кервран убедился, что количество этого элемента возросло с 380 до 430 миллиграммов. Опыты были проделаны многократно, и каждый раз оказывалось: неизвестно откуда омар получал 50 миллиграммов фосфора и около 5 миллиграммов меди.

Выходит, морской рак синтезирует химические элементы! Живой организм гораздо успешнее справляется с задачей, которая до сих пор считалась под силу лишь ядерным реакторам и ускорителям частиц — циклотронам, синхрофазотронам и т. д.!

Опыты Керврана не единичны. Несколько лет назад мы исследовали содержание микроэлементов в глазах амфибий. Для этого у головастика на разных стадиях развития удаляли глаза. Части этих глаз в течение 24 часов облучались нейтронами в ядерном реакторе, и содержащиеся в них микроэлементы становились изотопами. Измеряя радиоактивность этих изотопов, можно обнаруживать исчезающе малые количества тех или иных элементов. И вот оказалось, что на определенной стадии развития головастика в сетчатке его глаза резко увеличивается количество золота! Мы проанализировали все возможности, и каждый раз получалось: такому количеству золота из организма головастика и из воды взяться невозможно. В конце концов мы пришли к выводу, что у нас или неисправны приборы, или мы натолкнулись на необъяснимый факт. Но предположить синтез золота в живой сетчатке мы не решились.

Работы французского ученого позволяют взглянуть по-новому на результаты озадачившего нас эксперимента. Кервран будет еще и еще раз проверять свое открытие. Если оно подтвердится, в физике и биологии произойдет настоящий переворот.

Ю. СИМАКОВ,
кандидат биологических наук

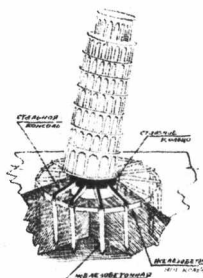
Музыка и мини-юбки

Несколько лет назад произошло событие, поразившее музыкантов: во многих концертных залах мира вдруг резко ухудшилось звучание музыки. Специалисты-акустики, занявшиеся этим таинственным явлением, обнаружили, что виновата... мода на мини-юбки.

Оказывается, для чистого и насыщенного звучания музыки необходимо, чтобы звуковые волны равномерно поглощались в зале, не создавая эха. До последнего времени проектировщики производили акустические расчеты, исходя из того, что одежда слушателей хорошо поглощает звуковые волны. Мини-юбки внесли серьезные поправки в это предположение: они поглощают едва половину той мощности звука, которая, по расчетам, должна поглощаться одеждой любителей музыки.

«Пизанская башня по-прежнему интересует меня»

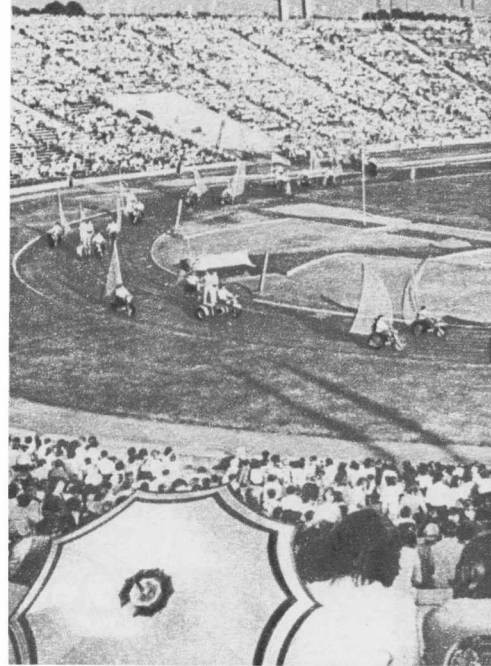
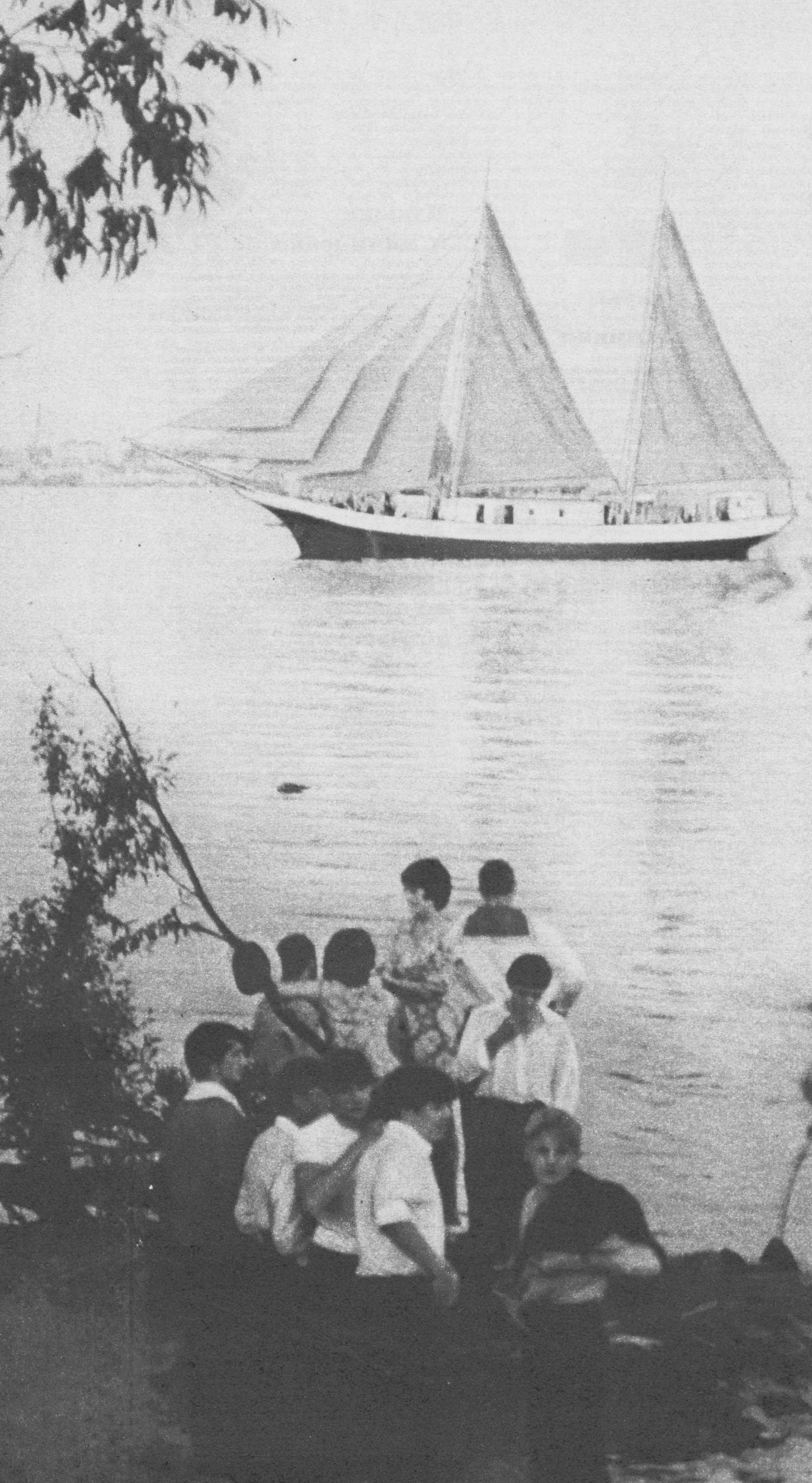
«Стабилизация Пизанской башни была темой моего дипломного проекта, — сказал нашему корреспонденту барнаульский инженер-строитель Е. Страздин. — Я предлагал тогда основание башни заделать в массивный эксцентричный железобетонный диск, который передавал бы вес башни на большую поверхность. С момента защиты диплома прошло несколько лет, но эта чрезвычайно интересная инженерная идея продолжает интересоваться меня».

Недавно Е. Страздин доложил ученым Алтайского политехнического института имени И. Ползунова свой новый проект. Бетонный диск барнаульский инженер заменил стальным кольцом, стягивающим фундамент Пизанской башни в верхней части. К кольцу приварено шестнадцать торчащих во все стороны балок. Их концы опираются на железобетонное кольцо, уложенное на шестнадцать железобетонных свай, введенных в материковые породы. Специалисты кафедры технологии строительства, ознакомившиеся с проектом Е. Страздина, дали ему высокую оценку.

«Друзья наши самолеты»

Авиация доставила немало хлопот пернатому царству. Но, судя по всему, птицы по-прежнему приспосабливаются к новым обитателям воздушной стихии: губительных для птиц и опасных для самолетов столкновений в воздухе становится все меньше и меньше. Некоторые птицы не только никогда уже не сталкиваются с самолетами, но даже привлекают немалую для себя выгоду из соседства с авиацией. Обнаружено, например, что на южных аэродромах нашей страны вороны наловчились колоть грецкие орехи, бросая их с высоты 50 метров на бетон взлетной дорожки. А ласточки, устремляясь за взлетающими реактивными самолетами, ловят насекомых, поднимаемых из травы струями газов.

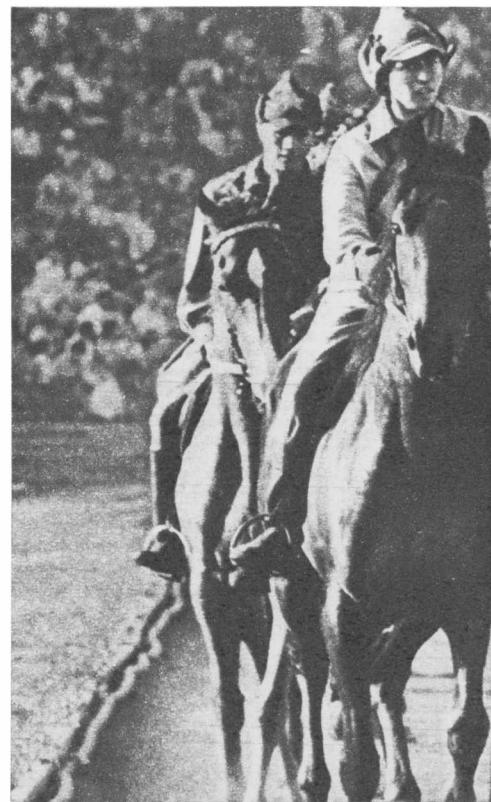
Белая ночь над Ленинградом.

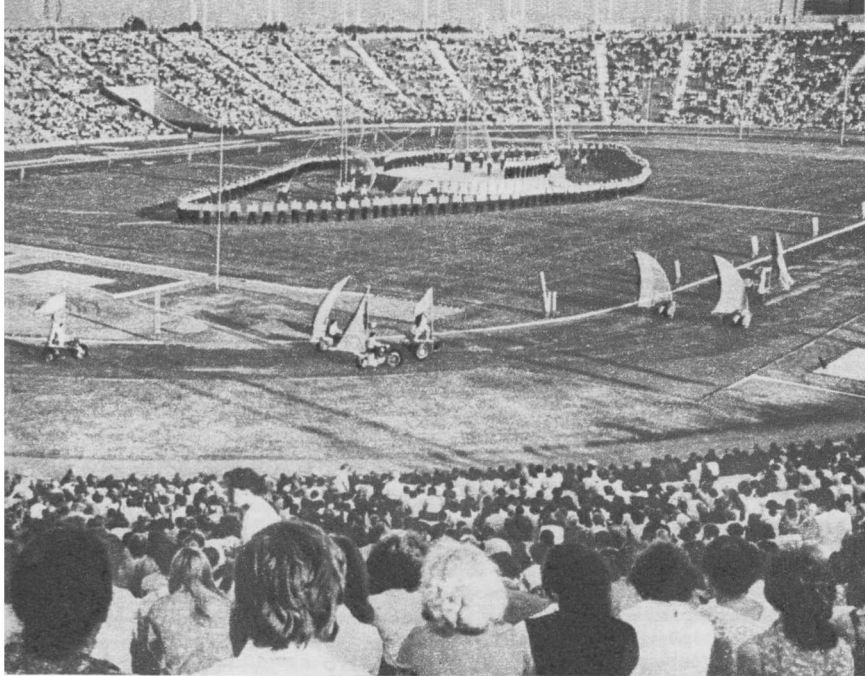
ПОД ПАР

К. ЧЕРЕВКОВ

В этот безоблачный день повсюду — в витринах магазинов, на стеклах автобусов и трамваев, на улицах и в парках — виднелась бегущая по волнам бригантина — эмблема праздника выпускников ленинградских школ «Алые паруса». Город на Неве дарил радость тем, кто только что простился со школой и вступает в самостоятельную жизнь. Центром веселья стал Приморский парк с вместительной чашей Кировского стадиона.

На рейде Финского залива выстроились корабли-парусники. Раскатистым залпом гринговский бриг салютовал ста тысячам девушек и юношей, собравшимся на свой задорный, веселый праздник. Торжества начались позывными песни «Алые паруса», написанной

Начало праздника: «Алые паруса» плывут по стадиону имени С. М. Кирова.

АЛЫМИ УСАМИ

Фото Г. МАКАРОВА.

специально к этому дню поэтом В. Горшковым и композитором В. Пашенко. Пока мелодия плыла над залом, в небо взлетели голубые, красные, розовые, зеленые шары. Непредвиденно на ослепительном зеленом ковре стадиона появились балтийские матросы, и сразу, точно из неведомой глубины, возникли контуры всплывшего корабля с алыми парусами — символ мечтаний юности.

По гаревой дорожке промчались мотоциклы со знаменами пятнадцати союзных республик. И началось большое театрализованное представление. Перед семнадцатилетними возникали героические страницы истории Советской Родины, события, которые они знали по книгам да по рассказам отцов.

Сто тысяч юношей тепло приветствовали своих любимых учителей. Дружными рукоплесканиями встретили вчерашние школьники ветерана завода «Красный выборжец» Григория Матвеевича Дубинина, обратившего к ним с отеческим напутствием. Под стать театрализованному представлению был и большой концерт, в котором участвовали артисты Москвы, Российской Федерации, Украины, Молдавии, Белоруссии, молодежный оркестр из ГДР...

Но вот стадион опустел. Молодежь устремилась к заливу. Уже перевалило за полночь, но веселье не угасало. И даже когда раздвинулись крылья мостов и неподвижно повисли над Невой, праздник все продолжался...

...Еще одна страница истории.

**«В МОИХ
РУКАХ
СВЕТИЛЬНИК
ЧИСТОЙ
ВЕРЫ»**

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ В. Ф. РАЕВСКОГО

Путь этот был суров и прям. Обозначенный в прошлом ссылкой Радищева и шлиссельбургским заточением Новикова, он волею истории оказался 13 июля 1826 года отмеченным пятью виселицами и черной каторгой десятков декабристов. Они выбрали именно эту дорогу и шли по ней, говоря словами Пестеля, с беззаветной верой в идеал, энтузиазмом и страстной любовью к отечеству. Оторванные от родимых мест, вынужденные к скудной и унижающей человека жизни, они даже в условиях тогдашней Сибири сохранили мужество и характер.

В тот памятный декабрьский день Владимира Федосеевича Раевского среди восставших не было. Но историк-исследователь П. Е. Щеголев по праву назвал его «первым декабристом», ибо долго до восстания, в феврале 1822 года, он был арестован в Кинешеве как один из руководителей тайного общества на юге России. Первым приняв удар надвигающейся реакции, он остался непоколебим в своих убеждениях и, несмотря на длительное заточение и жестокие допросы Военно-судной комиссии, никого из своих товарищей и единомышленников не выдал. Мировоззрение этого передового офицера и самобытного русского поэта формировала Отечественная война 1812 года. Она воспитала в нем лучшие качества гражданина — веру в свой народ, высокий патриотизм и самолюбие. Еще семнадцатилетним юношей, отчасти подражая «Певцу во стане русских воинов», Раевский утверждал:

Нет, нет, судьба нам меч вручила,
Чтобы покой отцов хранить.
Мила за родину могила,
Без родины поносно жить!

С этим чувством В. Ф. Раевский прожил все свои годы долгой, но безрадостной «темничной жизни». Поэзия его, которой то ли суровый и строгий голос самого автора, то ли внешние обстоятельства не позволили выйти к широкому читателю, тоже осталась верна гражданскому чувству. До нас дошло совсем немного из написанного поэтом. Но, читая эти порой безыскусные, порой наивные, выстраданные судьбой строки, мы проникаемся чувством глубокого уважения к имени их автора. Стихи Раевского полны разных мотивов. Тут и ранняя, эпикурейского характера лирика, и распространенные в то время послания к друзьям, и серьезные философские размышления.

Здесь новый свет, здесь нет на мне цепей —
И тихий мир, взамену бед, страданий,
Светлеет вновь, как день в душе моей.

Эти строки уже отмечены печатью высокого вдохновения, легкого полета души, соразмерностью двух начал в мире — человека и окружающей его природы. Таков поэт в лучших своих достижениях. Однако надо помнить, что наиболее сильной стороной творчества Раевского, роднившей его с К. Рылеевым и со всей поэзией декабризма, была социальная означенность его лирики. Исполненные романтического духа стихи вольнолюбца призывали не принимать жизнь такой, какая она есть, призывали выступать против «зла и пороков» трона, против всего, что унижает жизнь человека, — против «модных уставов» невежества, против идолопоклонничества, в какой бы форме оно ни проявлялось.

Большая часть жизни В. Раевского прошла в глухом сибирском селении Олонки. Там он женился на простой крестьянке, там у него родились дети, там же он открыл для крестьянских ребят постоянную школу. Он любил простор и волю и обращался к друзьям с просьбой похоронить его не за церковной оградой, а прямо в степи — среди ковыля и ветра. Умер он 20 июля 1872 года. Завещание его было исполнено. «Светильник чистой веры», проливавший свет на весь его жизненный и художественный путь, не смогла погасить могила.

Борис ПРИМЕРОВ

Глубина социально-психологического проникновения в жизнь, реалистическое полнокровие ее художественного отображения, острота конфликтов, многоцветье человеческих характеров, сочный народный язык персонажей, жанровое разнообразие — все это поистине неисчерпаемый источник, имя которому — театр Островского. Все новые и новые поколения актеров и режиссеров черпают из него богатейший жизненный материал для своего искусства. Недаром А. В. Луначарский на заре развития молодого советского театра выдвинул лозунг «Назад к Островскому!», обозначив тем самым высокий идейно-художественный ориентир драматургического постижения и воспроизведения жизненной правды.

Ориентир этот и сегодня сохраняет силу, что подтверждают новые постановки пьес Островского.

ки, а также всемерно разрабатывал мотивы сатирического обличения обидчиков своих героинь.

В таком именно ключе и прочитаны сегодня театрами все три названные выше комедии. Более того, их постановщики вполне оправданно усилили комедийность звучания своих спектаклей, проявив тут одновременно как историзм, так и современность подхода к выведенным в них жизненным ситуациям и коллизиям. В самом деле, ведь сегодня невозможно всерьез сопереживать ни милой, наивной растопе Дуне, так легковерно и бездумно попавшейся на удочку усатого фанфарона с его «рроковыми» страстями, ни взбалмошной, восторженной барыньке Евлалии, боготворящей заурядно подленького, открыто циничного альфонса, ни даже Юлии Тугиной, испытывающей в своей любви куда большее потрясение, но тем не менее находящей для себя весьма расчетливое утешение.

Сегодняшний театр и зритель с полным на то основанием вправе от души смеяться над этими навсегда отошедшими в прошлое героинями и их окружением, исходя не только из нашего современного победного мироощущения, но

Отец Дуни, кряжистый, громогласный, крутой купчина Максим Федорович Русаков (Н. Манев), и влюбленный, сватающийся к ней молодой купец Иван Бородин (А. Жарков), сразу раскусившие Вихорева и активно ему противостоящие, вроде бы положительные герои спектакля. Но их положительность четко отграничена лишь нравственной чистотой и благородством по отношению к Дуне, которую они, каждый по-своему, искренне любят и желают ей счастья. Этим-то и вызывают симпатии Русаков и главным образом обаятельный Бородин. Однако ни режиссер, ни исполнители этих ролей не забывают и зрителям не дают забыть того, что купцы есть купцы, тем паче купцы Островского.

И весь остальной актерский ансамбль, и художник В. Вахромеев, и композитор И. Белоконь талантливо воплощают яркий, динамичный режиссерский замысел этого красочного, темпераментного театрального представления, на всем протяжении которого в зрительном зале звучит веселый смех.

Много смеются зрители и на спектакле «Невольницы» в Московском драматическом театре имени А. С. Пушкина. Особенно много, когда на сцене действуют экономка в доме богатого предпринимателя Стырова — Марфа и его старый лакей Мирон. Великолепно чувствующая природу коме-

зий. Софья деловито вразумляет подружку в том, что любовника надо покупать, и ссылается на свой личный пример: конторщик Мулин уже давно находится у нее на содержании. Гром среди ясного неба! Евлалия сброшена на землю... Ушиблась она очень больно. И тут В. Алентова переходит от иронично-сатирической обрисовки своей героини к передаче ее теперь уже истинно серьезных переживаний. Внутренне погасшая, Евлалия, и радости мужа, смиряется со своей неволей.

Здесь следует заметить, что актриса и режиссер, увлеченные общим комедийным замыслом спектакля, не используют в достаточной мере заложенных в пьесе и роли возможностей для большей драматизации образа и всей ситуации. А это позволило бы полнее раскрыть содержащиеся в них обвинение и осуждение буржуазного брака, основанного прежде всего на расчете и лишавшего личность женщины подлинной свободы.

В этом смысле очень точен — и социально и эмоционально — спектакль «Последняя жертва», интересно поставленный Б. Голубовским в Московском драматическом театре имени Н. В. Гоголя.

Режиссер оригинально, но вместе с тем с полным уважением к букве и духу Островского превра-

ВСЕГДА ЖИВОЙ ОСТ

Таких спектаклей становится все больше и больше, ведь театры наши деятельно готовятся к приближающемуся 150-летию со дня рождения Александра Николаевича Островского.

Четыре новые работы показаны в нынешнем сезоне на столичной сцене. Три из них — комедии. И в центре каждой — женская судьба, история любви героини, терпящей жестокое разочарование в предмете своей страсти и делающей из этого соответствующие выводы.

Купеческая дочка Дуня («Не в свои сани не садись»), потеряв полное фиаско в своей романтической авантюре с отставным навалеристом-дворянчиком Вихоревым, облебенно отдает руку и сердце претенденту на них из ее же собственного сословия. Евлалия Стырова, молодая жена отнюдь не молодого крупного промышленника («Невольницы»), увидев всю ничтожность и мелкость конторщика Мулина, в котором она ищет возвышенную романтику чувств, успокаивается в лоне добропорядочной семейной жизни. Молодая купеческая вдова Юлия Тугина («Последняя жертва»), оправившись после своего ослепления промотавшимся нутилой, бездушным и вероломным Дульчиным, выходит замуж за очень богатого купца Прибыткова, годящегося ей в дедушки.

Островский горячо сочувствовал своим героиням в их бесправном, униженном положении, осуждая приводящие к этому социальные условия буржуазно-капиталистического общества, деспотический уклад семейной жизни. Но в тех случаях, когда драматург обладал свой рассказ о страданиях и переживаниях дорогих его сердцу русских женщин в комедийную форму, он тем самым не прощал им их собственные слабости и ошиб-

и из самого драматургического содержания их жизненной истории.

Здесь нет никакого искусственного осовременивания комедий Островского, а есть современная свежесть трактовки.

«Не в свои сани не садись» идет в Московском театре имени М. Н. Ермоловой чуть ли не с водовильной живостью и легкостью. Постановщик спектакля В. Андреев смело форсирует гротескно-сатирическое высмеивание нравов и характеров всех этих купцов, содержателей трактиров, незадачливых ловцов богатого приданого, их знакомых, слуг, приживалок.

Дуню играет Т. Щукина. Перед нами этакая купеческая фифочка прошлого века, то жеманно-томная, то своенравно-напризная, то млеющая и обмирающая перед своим кумиром. И лишь в финале актриса притворяется в своей прозревшей Авдотье Максимовне ее чистое, горячее, бесхитростное сердце, способное и страдать и любить по-настоящему.

А вот «коварный обольститель» Дулюшки — Вихорев. Артист В. Еремичев едко, зло издевается над этим провинциальным «донжуаном из благородных», вознамерившись поправить свои плачевные материальные дела женитьбой на глупенькой простушке. Но прежде всего он сам безнадёжно глуп. Стоит только посмотреть, как он пыжится и вышагивает, как вращает своими выпученными глазницами и шевелит тараньими усами, какие немислимые, невероятные позы принимает. Убийственного саморазоблачения Вихорева — Еремичева не видят и не желают видеть лишь Дуня, зачарованная всем этим банальнейшим расхожим амурным арсеналом, да ее тетя Арина Федотовна (П. Рыбникова), безмозглая, напыщенная курица, нахватавшаяся «модной столичной цивилизации» и подбивающая племянницу на бегство с кавалером, от которого она сама без ума.

дийности О. Викландт и ее партнер В. Абрамов ведут эти роли где-то даже на грани фарса. Постановщик спектакля, молодой режиссер А. Говоруха сознательно допускает такой жанровый переключ, чтобы подчеркнуть комизм и в общем-то несерьезность главных событий в доме Стырова. Поэтому слуги с их задорной, колоритной бытовой комедийностью — О. Викландт поистине неистощима и виртуозна в этой стихии, — с их откровенно насмешливым и лукавым отношением к своим господам рельефно оттеняют максимально развитый театром иронический взгляд драматурга на душевные метания основной героини — Евлалии Стыровой.

Исполнительница этой роли В. Алентова органично переводит Евлалию из одного состояния чувств в другое. Вот она задумчиво томится и вместе с тем слегка кокетничает своей разочарованностью, скукой пресной семейной жизни с добрым, недалеким, в полном смысле слова по-отцовски относящимся к ней и ее прихотям мужем (С. Бобров).

Вот мы видим Евлалию — Алентову утробно-восторженной, переплывшей охватившей ее, как ей кажется, возвышенной страстью и конторщику мужа Мулину (Р. Вильдан), с которым она когда-то в юности была более чем дружна. Актриса не скупится и на сатирические краски в изображении чувственной активности Евлалии, решительно и целеустремленно преследующей предмет своих вожделений.

Но вот находится примерно в таком же положении, как и Евлалия, молодая жена компаньона Стырова Софья Сергеевна (Л. Иванова), с кокетливым, ироничным самодовольством называющая себя и подружку мужниными невольницами. Она выводит Евлалию из ее угарно-романтических иллю-

тил сцену в клубном саду в своеобразные заставки к каждому акту пьесы. В них концентрируется сатирический комментарий ко всему тому, что происходит по ходу действия с Юлией Тугиной, ее обольстителем Дульчиным и ее «заступником» Флором Федулычем. Ведь драматург не случайно назвал комедией историю обманутой Юлии. В затхлом, обывательском, мещанском болоте, в мире чистогана, где все, даже женихи и невесты, продается и покупается, любовным переживаниям Юлии закономерно подводится черта пошлым актом именно такой купли-продажи.

И зрители полностью разделяют саркастическую усмешку театра над истинным характером «заступничества» Флора Федулыча, равно как и над «переживаниями» Дульчина, картинно играющего пистолетом у своего виска, а в то же время лихорадочно прикидывающего, к кому бы и как подороже пойти на содержание. Юлии же в этом вопросе и выбирать не пришлось: коммерческий расчет Прибыткова был по-купечески точно прицелен и безошибочен.

Однако молодая актриса С. Брагарник подводит нас к этому безнравственному решению своей героини и через ее первоначальные, пусть чистые, но иллюзорные и наивные представления о жизни, и через взрыв подлинного отчаяния, и через ее хоть и недолговременные, но искренние страдания. И тут театр дает явственно почувствовать всю горечь Островского, неоднократно сокрушавшегося над судьбой своих «бедных невест», вынуждаемых продавать

себя самым общественным строением и обстоятельствами окружающей их действительности. Далеко не всем из них доставало сил и воли быть «лучом света в темном царстве» наживы и социального угнетения. Юлия покорно подчиняется судьбе... В этом ее беда и вина. И, горячо сочувствуя своей Юлии, актриса вовсе не склонна ее оправдывать.

Флор Федулыч — Б. Чирков. Каждая встреча с этим большим, любимым в народе артистом приобщает к высокому искусству полнокровной жизненной правды. И на сей раз работу Б. Чиркова, как всегда, отмечает глубокое проникновение в воплощаемый им человеческий характер. Он по-своему сложен, этот «очень богатый купец» новой формации. Внешне Прибытков — Чирков благообразен, вальяжен. Ничем — ни словом, ни жестом, ни интонацией — не выдает он своих истинных намерений. В разговорах с Юлией он учтив, сдержан, даже тактичен. Лишь изредка где-то в самой глубине его прищуренных глаз сверкнет на мгновение хищнический, плотоядный огонек, но тут же опять погаснет, замаскированный ласковой улыбкой, вкрадчивой обходительностью.

тому же лишен того искусно выработанного фатовского донжуанства, того внешнего лоска, которые должны в значительной мере подкупать и привлекать Ларису и которые тоже могли бы послужить сатирическому развенчанию бессердечия и поверхностности провинциального льва, кумира простодушных барышень.

Думается, что такие смещения в традиционном толковании образов драмы являются издержками в целом оправданного и серьезного стремления режиссера Б. Эрина прочитать популярнейшую, имеющую богатейшую сценическую историю пьесу как бы заново, освободить ее образы от штампов и наслоений. Во многом ему это удалось. Драма чувств Ларисы предстала в спектакле ЦТСа в переработанной непосредственности, и ряд ролей получил трактовку интересную и неожиданную.

Прежде всего сама Лариса в исполнении А. Покровской. В этой порывистой, живой, мечтательной девушке нет и намека на разгульный, псевдоцыганский шик, на изменчивое легкомыслие не слишком требовательной к своим нравственным устоям уловительницы женихов. Перед нами натура чистая, внутренне цельная. И когда ее мечта о настоящем, большом счастье искривлена и растоптана,

РОВСКИЙ

Как паук обволакивает паутиной свою жертву, так Прибытков плетет сеть вокруг Юлии, неуклонно идя к намеченной цели. Мастерски, тонко показывает актер низменность побуждений, безжалостную расчетливость волчьей хватки этого могущественного своими капиталами старца.

Образ большой разоблачительной силы, многозначного жизненного наполнения создает Б. Чирков, действительно подкрепляя общий режиссерский замысел спектакля.

А вот исполнителю роли Дульчина пока еще, на мой взгляд, не хватает тонкости в обрисовке этого беспутного, самовлюбленного фата. А. Шворин, пожалуй, слишком серьезно играет демонического красавца... Он должен быть более смешон и нелеп в своем наигранном драматизме: Островский не оставляет сомнений в том, что этот драматизм наигран. И передача убогих душевных движений, нравственной низости Дульчина требует более определенных обличительно-сатирических красок.

Переходя теперь от комедий к драме «Бесприданница», поставленной в Центральном театре Советской Армии, аналогичные требования можно предъявить к таким выведенным в ней персонажам, как Кнуrows (Б. Ситко), Вожеватов (П. Читринель), Паратов (Г. Крынкин). Чересчур уж углубленно-озабоченными выглядят эти дельцы и купчики в своей охоте за Ларисой. А ведь изображение их гнусной деловитости в отношении несчастной бесприданницы заслуживает, по Островскому, может быть, не столько углубленного психологизма, сколько злого сатирического осмеяния. Паратов — Крынкин к

Лариса Покровской воспринимает смертельный выстрел Карандышева с благодарным облегчением, как избавление от жизненной скверны и новых унижений, как освобождение от тех, кто так жестоко обманул ее чистоту и доверчивость.

В одном лагере с Ларисой оказываются и неглупый, болезненно самолюбивый, где-то очень сильный душевно Карандышев (Г. Юшко) и несчастный, добрый и застенчивый Робинзон (Н. Пастухов). Они тоже униженные и оскорбленные. Они тоже жертвы богатых негодяев, остро их ненавидящие, но не имеющие сил поколебать их господство. Потому-то и плачет, горюю и безнадежно, Робинзон в финале вместе с Ларисой. Потому-то Карандышев, ревнуя, доходит до отчаяния, до безумной крайности.

А между двумя полюсами разрывающейся драмы — Харита Игнатьевна Огудалова В. Капустинской, властная, нервная, себе на уме. В чем-то она понимает Ларису, сочувствует ей, но не видит другой возможности устроить счастье дочери, кроме как привычно лгать, извращаться, цинично выманивая податки у имущих сластолюбцев.

Наружно действие спектакля развивается спокойно, даже замедленно. Однако под этой будничной заурядностью, намеренно акцентированной режиссером, кипят страсти нешуточные, неумолимо приближая трагическую развязку. И в таком контрасте — впечатляющее воздействие сегодняшней «Бесприданницы» в ЦТСа.

...Четыре спектакля — четыре картины далекого прошлого, реалистически обрисованного великим русским драматургом. ...Его улыбка и печаль, его смех и гнев, его раздумья над судьбами человеческими обогащают неизменно. Всегда живой Островский активно участвует в современной духовной жизни.

«Последняя жертва». И. Потоцкая — Глафира Фирсова. В роли Прибыткова — Б. Чирков.

«Невольницы». В. Алентова в роли Евлалии Андреевны.

«Не в свои сани не садись». А. Жарков — Бородин.

«Бесприданница». А. Покровская — Лариса Дмитриевна и Г. Юшко — Карандышев.

Фото И. ГАЛАНЮКА, И. ЕФИМОВА, В. ПЕТРУСОВОЙ.

Первенство Европы, Хельсинки, 12 августа 1971 года. Первый круг финального бега на 800 метров. Лидируют англичане К. Картер, П. Браун и бегун из ГДР Д. Фромм. Е. Аржанов за их спинами готовится к броску. За ним — Г. Олерт (ГДР), Ф. Мейер (Франция), И. Меджимурец (Югославия) и И. Плахи (Чехословакия).

Фото З. Межавилкса.

В. ВИКТОРОВ

ДВА СТАДИОННЫХ КРУГА

Признаться, я не сразу понял слово, которое и у Ожегова не найдешь. Но потом подумал, что так ведь сам себя назвал герой этого очерка. «Я фанат, и в этом все дело», — сказал Евгений Аржанов, озадачив меня необычным словообразованием. Впрочем, в словаре близкое этому понятию слово я все же обнаружил: «фанатик» — и среди многих его определений наиболее близкое к тому, что хотел выразить Аржанов, одно — человек, с исключительной страстью предающийся какому-нибудь делу.

Ну что же, это, пожалуй, довольно точно передает характер

Евгения Аржанова. Да, он человек страстный, даже иступленный, и, как это часто бывает у людей такого склада, внешне абсолютно невозмутимый. Обратите внимание на его фотографии. Лицо Аржанова почти всегда задумчиво, бесстрастно. И оно оставалось таким даже во время финального забега на чемпионате Европы, оно было таким даже в тот решающий миг, когда Аржанов первым вырвался на последнюю прямую, чувствуя всем своим разгоряченным телом дыхание семи соперников и бесконечность стометровой прямой, которую ему надо было преодолеть.

Это была моя вторая встреча с Аржановым, а первая произошла еще в начале лета 1971 года, когда наша команда готовилась к отлету в США. Аржанов жил в одном номере с Валерием Борзовым, и пока я беседовал с нашим знаменитым спринтером, Аржанов, как я узнал впоследствии, ничем не выражая своего нетерпения, ждал окончания нашего разговора, чтобы вместе с товарищем перед отлетом провести последнюю тренировку.

Мне показалось тогда, что такая флегматичность противоположна бегуну, который по природе своей должен быть значительно бли-

же к спринтерам, чем к стайерам. Но оказалось, что в характере Аржанова невозмутимость мирно сочетается с экспансивностью так же, как у хорошего средневика быстрота с выносливостью. Когда Аржанов рассказывал мне о том пути, который пришлось ему преодолеть, я подумал, что, наверное, только человек, называющий себя «фанатом», мог взяться за покорение восьмисотметровой дистанции. Впрочем, и сам Аржанов не сразу решился на то, чтобы посвятить себя бегу протяженностью в два стадионных круга.

Прикарпатский городок Калуш, в который сразу после войны переехала из разрушенного Волгogrада его мать, учительница, славилась вовсе не бегунами, а футболистами. Из этих мест вышли знаменитые мастера Сабо, Турянчик, Медвидь, и десятилетний Женья Аржанов тоже начинал с футбола, играл в полузащите и нападении и решил сменить бутсы на шиповки, только когда поступил в химико-технологический техникум и встретился там с Романом Степановичем Козином. Но, по существу, Аржанов, сам не зная этого, стал бегуном еще за шесть лет до этого, в дни римской Олимпиады. Тогда многие мальчишки бредили новозеландцем Питером Снеллом, олимпийским победителем в беге на 800 метров. А спустя четыре года Аржанов узнал, что Снелл на Олимпийских играх в Токио выиграл бег не только на восемьсот, но и на тысячу пятьсот метров.

Повседневный труд сделал из Снелла Снелла. Труд из одного дня в другой. Труд зимой и летом. Труд осенью и весной. Не чудо стояло за успехами новозеландца, а рабочие будни. Но разве Валерий Булышев, Рейн Телп, Абрам Кривошеев — участники токийской Олимпиады, выступавшие там на дистанции 800 метров, тратили мало сил на тренировках? Однако никто из них в Токио не попал в финал. Почему же наши средневика плохо бегут? Почему всего на двух кругах, где, казалось бы, есть время собраться с мыслями, не то что на стометровой прямой, и где не надо тратить столько сил, как в беге на 10 000 метров, мы так слабы?

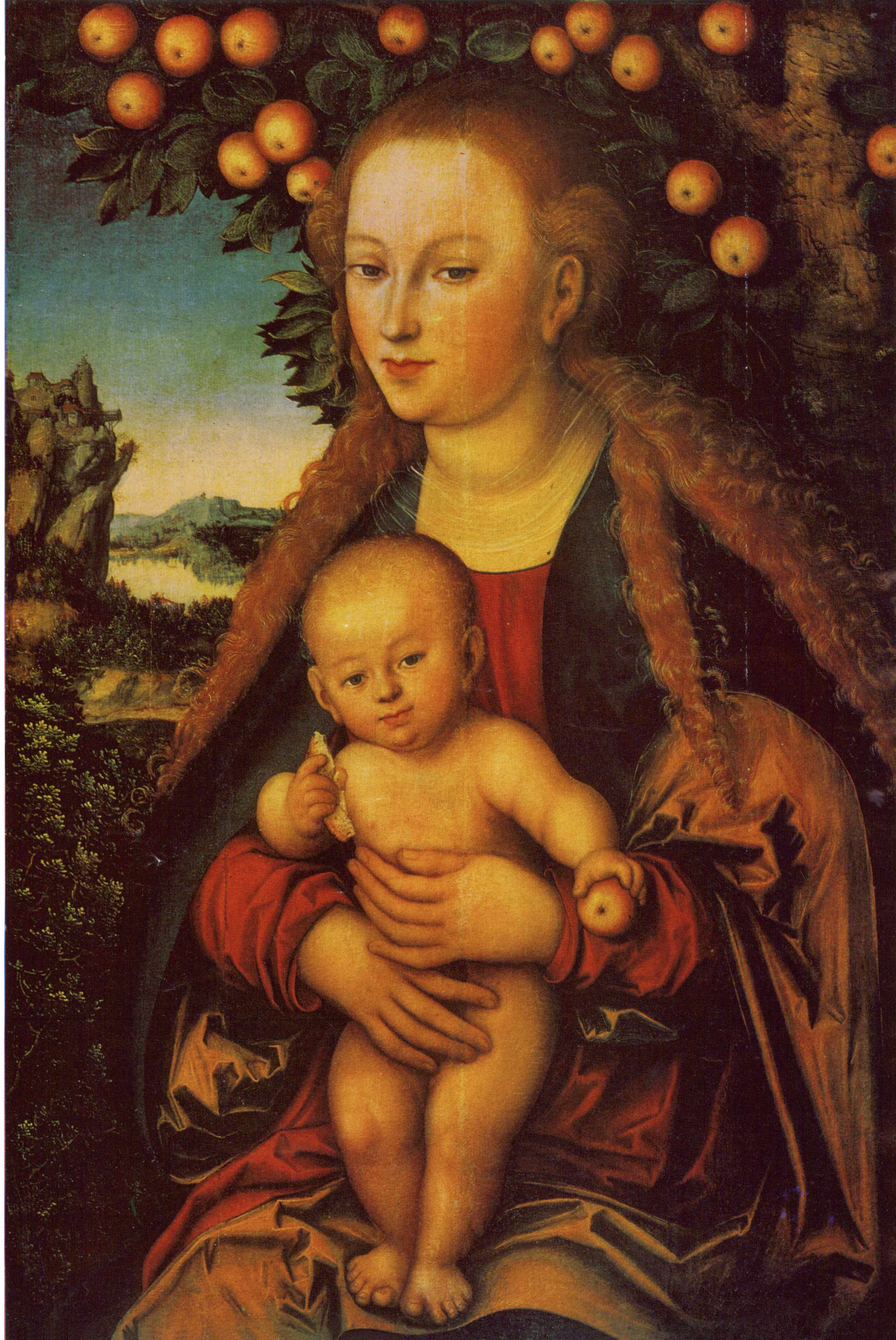
Но эти вопросы возникли перед Аржановым значительно позже, летом 1967 года, когда юноша из прикарпатского городка все чаще начал появляться на беговой дорожке и наконец одержал свою первую победу. А по-настоящему Аржанов почувствовал трудности восьмисотметрового бега только тогда, когда познакомился с киевским тренером Виктором Алексеевичем Валавко.

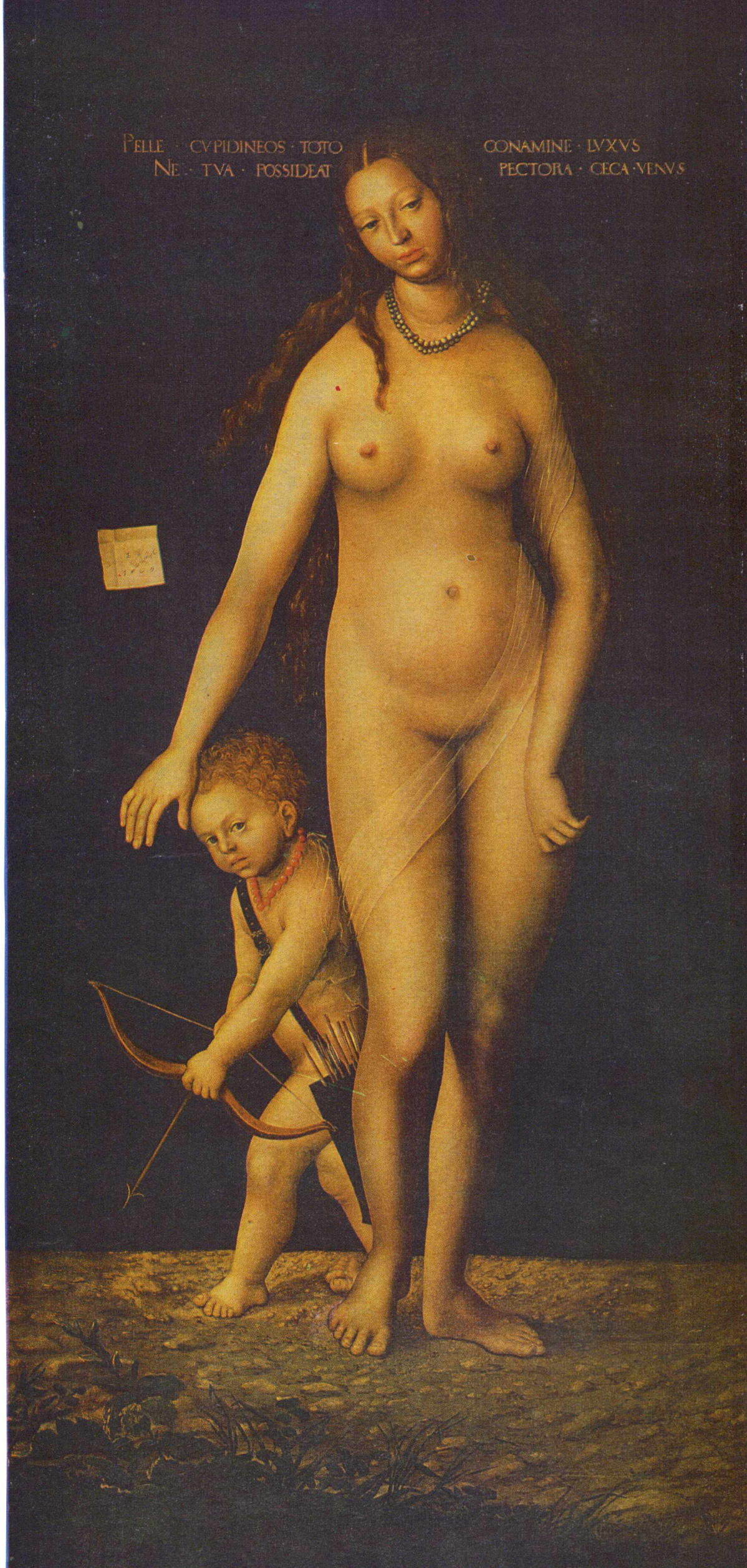
— Твой конек — средняя дистанция, — сказал Аржанову Валавко, — все остальное побочку.

И вот на спартакиаде Украины молодой бегун не смог усидеть на своем коньке. В самый разгар бега он позволил вытолкнуть себя за бровку и оказался вне игры. В каких только грехах не обвинили после этого неудачливого дебютанта! И в тот же вечер обиженный, подавленный неудачей Евгений Аржанов сложил свои вещички и уехал домой, твердо решив не возвращаться на беговую дорожку. Но подошел час выпускных экзаменов, встал вопрос о дальнейшей работе, и тут снова возник киевский искуситель Виктор

Лукас Кранах Старший. МАДОННА С МЛАДЕНЦЕМ ПОД ЯБЛОНЕЙ

Государственный Эрмитаж.

PELLE · CVPIDINEOS · TOTO
NE · TVA · POSSIDEAT

CONAMINE · LVXVS
PECTORA · CECA · VENVS

Лукас Кранах
Старший.

ВЕНЕРА И АМУР.

Государственный Эрмитаж.

Валявко. Снова он стал убеждать техника-механика по оборудованию химических заводов перейти в Киев, обещал подыскать работу, научить побеждать, и вот Аржанов опять появился в Киеве, поступил на комбинат искусственного волокна, получил комнату на Трухановом острове и стал делить свое время между работой и спортом. Уже в августе Аржанов успешно выступил на юниорском первенстве страны и выиграл его за 1 минуту 52,6 секунды, а после этого победил на международных соревнованиях на приз газеты «Правда» самого рекордсмена Европы англичанина Кристофера Картера.

Счастливым начиналась спортивная жизнь молодого бегуна. В тот же год он был включен в сборную команду страны, которой предстояло встретиться с легкоатлетами ГДР и Польши, и получил возможность проверить свои силы в борьбе с двумя лучшими средневеками Европы — Дитером Фроммом и Хенриком Шордыковским. Нет, Аржанов, конечно, не смог их победить, закончил дистанцию третьим, но показал свой личный рекорд — 1 минута 47,2 секунды, а главное — почувствовал, что такое настоящая скорость, когда Фромм обошел его броском из-за спины в снайловском стиле и показал недостижимый для Аржанова результат — 1 минута 46,1 секунды.

Время Фромма превышало на восемь десятых секунды всесоюзный рекорд Булышева. Вот это бегун! А вскоре на Кубке Европы Аржанов уже в роли зрителя смог познакомиться и с другими известными средневеками: бегуном из ФРГ Францем Кемпером и поляком Манфредом Матушевским. Нет, ничего не изменилось для нас на средней дистанции. Все так же безнадежно проигрывали мы встречи с лучшими зарубежными мастерами.

В чем же ее загвоздка? Что нужно делать, чтобы не только бегать быстро, но и думать быстро, вовремя принимать правильные тактические решения? Хороший бегун свободно пробегает четыреста метров за 48 секунд. Казалось бы, что проще? Помножьте это время на два — и вот вам феноменальный мировой рекорд на дистанции 800 метров: 1 минута 36 секунд. Поистине утопическое время! Ведь никто с 1962 года не может улучшить результата Питера Снелла — 1 минута 44,3 секунды. Для того чтобы побить этот результат, надо владеть широким диапазоном скоростей. Вот в чем загадка двух стадионных кругов. Их с помощью простого арифметического действия — умножения — не осилишь.

Об этом думал Евгений Аржанов зимой 1968 года, усиленно тренируясь на заснеженных просеках Голосеевского леса, а когда наступил сезон, убедился в том, что кое-чего достиг. В конце мая на весеннем матче в Днепропетровске Аржанов обыграл двух известных бегунов — Вадима Михайлова и Армира Митрофанова... Но разве 1 минута 49,6 секунды могли обрадовать молодого бегуна и его нового тренера Ивана Михайловича Ткача? Нет, с такой скоростью на Олимпийские игры не попадешь. Ведь олимпийский норматив — 1 минута 46,5 секунды.

Вот почему хвалебные эпитеты, которые все чаще стали мелькать на страницах газеты, не принесли Аржанову утешения. Что из того, что его считают главным сюрпризом сезона, что восхищаются его быстрым финишем и легким, лишенным напряжения бегом, если бегать быстро он никак не может научиться?

Я видел Аржанова в Мехико. Он был лишь третьим в предварительном забеге после Каенна из Тринидада и англичанина Кроппера, и хоть по времени он попал в полуфинал, не смог выйти на старт из-за болезни и выбыл из борьбы. Как зритель, Аржанов наблюдал за дальнейшими выступлениями австралийца Даубелла, кенийца Кипругута, американца Форелла, немца Адамса, хорошо знакомых ему бегунов — Плахи из Чехословакии и Фромма из ГДР. Как же далеко ему до настоящего мастерства! И после того как Даубелл добился блестящей победы, повторив время мирового рекорда Снелла, Аржанов понял, что ему не только с Даубеллом, но и со следующими пятью бегунами, выступавшими в финале, тягаться трудно: все они показали скорости, на которые Аржанов еще не был способен. «Значит, надо освоить эти скорости» — так решил Аржанов, вернувшись домой. Но в новом сезоне мы не увидели его на стадионах. Только в разгар лета, наконец оправившись после тяжелой травмы, появился он на дорожке. На чемпионате страны в Киеве всем запомнилась его схватка с Сергеем Крючком в финале, все нарастающий темп, стремительный обмен тактическими ударами, и в тот момент, когда Аржанов ушел вперед и всем казалось, что его победа обеспечена, он вдруг оказался в роли бельгийца Мунса, проигравшего Снеллу в Риме на самом финише: Крючек на последних метрах вырвался из-за спины Аржанова и финишировал первым.

В этом забеге Крючек установил всесоюзный рекорд — 1 минута 46,2 секунды, но можно ли радоваться такому результату, если в Мехико Фромм, уложившись в это же время, оказался на финише лишь шестым? Можно ли считать, что мы научились бегать 800 метров, если на чемпионате Европы в Греции Аржанов был лишь четвертым со временем 1 минута 47,1 секунды?

«Что же делать дальше?» — спрашивал себя Аржанов, вернувшись в Киев. И ответ на этот вопрос подсказал ему неизменный попутчик по всем поездкам и соревнованиям Валерий Борзов. Думать, искать, тренироваться. Изолота медаль Борзова, завоеванная им в Афинах, висела перед Аржановым на каждой сосне Голосеевского леса...

Теперь, когда «Аржанов» звучит так же полнозвучно, как «Борзов», теперь, когда его знают на всех стадионах мира, тот год кажется очень далеким. А теперь перед новыми Олимпийскими играми в Мюнхене на вопрос корреспондента ТАСС о главных соперниках Евгений Аржанов ответил лаконично: австралиец Ральф Даубелл, африканец Роберт Оуко и бегун с Ямайки Байрон Дейс. За какой же срок удалось Аржанову обойти всех европейских бегунов после его неудачи в Афинах? Да всего за два года!

1970 год для Аржанова начался в марте победой на зимнем первенстве Европы в Вене, а через три месяца на мемориале братьев Знаменских в Киеве он установил новый всесоюзный рекорд — 1 минута 45,5 секунды и очень скоро доказал самому себе (Аржанову всегда нужно прежде убедить самого себя, а потом уже других), что это не случайный успех. В Ленинграде на матче СССР — США он встретился с двумя американскими средневеками Унценридом и Свенсоном, а также с Плахи, Крючком и молодым многообещающим средневеком Иваном Ивановым из Оренбурга и снова финишировал с отличным результатом — 1 минута 45,6 секунды.

— Я хотел бежать на рекорд Европы, — сказал Аржанов на пресс-конференции, — не получилось. Просто все бежали на выигрыш. Ну что же, буду пытаться бить рекорд континента в ближайшее время на Кубке Европы.

Тогда впервые промелькнула в высказываниях Аржанова мысль о том, что в одиночку высокого результата в беге на 800 метров показать невозможно, что для этого нужно иметь рядом не только соперников, но и партнеров. И вот на Кубке Европы сперва в полуфинале в Цюрихе, а затем и в финале в Стокгольме Аржанов победил лучших средневеков Европы, в том числе и Кемпера, установившего незадолго до этого новый европейский рекорд — 1 минута 44,9 секунды, но сам рекордсменом не стал.

— Сейчас не найдешь простачка, который со старта рванул бы вперед, сразу выкладывая все силы, — сказал Аржанов. — Миллион терзаний надо испытать, прежде чем доберешься до финиша. Бег на 800 метров — школа коварства. Здесь уровень скоростной выносливости настолько высок, что никогда не знаешь, когда кто решится на бросок и на какой скорости.

Миллион терзаний за сто секунд! Но Аржанов все настойчивее думал не только о победе, но и о высоком результате. А для этого скоростной выносливости мало, нужна еще и победная выносливость, способность мгновенно разгадывать намерения противников, не теряя скорости.

Евгений Аржанов и Валерий Борзов, как всегда, старательно топтали снега Голосеевского леса, готовясь к сезону 1971 года, и вот в один из мартовских дней, на зимнем чемпионате Европы в Софии, Аржанову удалось присоединиться к очередной золотой медали Борзова и свою золотую. Но решающие события сезона были впереди, впереди была встреча с главным оппонентом Дитером Фроммом, который после победы Аржанова в Софии показал отличный результат сезона — 1 минута 46,2 секунды, впереди был чемпионат Европы в Хельсинки.

С трибуны хельсинкского стадиона я наблюдал за Аржановым и вспоминал его определение бега на 800 метров — «школа коварства». Уже в предварительном забеге ему пришлось встретиться с одним из сильнейших бегунов ГДР — Олертом и со своим старым знакомым Иржи Плахи. Все участники забега как бы объединились против сильнейшего, и перед Аржановым на дорожке вы-

росла стена, которую он никак не мог ни обойти, ни разрушить. Лишь ценой больших усилий, финишируя по пятой дорожке и намного удлинив свой путь, удалось Аржанову прорваться к победе. А затем в полуфинале он встретился с Фроммом и снова почувствовал против себя единый фронт. Его толкали, пытались отеснить за бровку, но, проявив полнейшее хладнокровие и расчетливость, Аржанов финишировал вторым, предоставив Фромму хоть и промежуточную, но победу.

И вот Аржанов в финале ведет борьбу сразу с двумя парами — английской и немецкой. Но если Картер и Браун дружно рванулись вперед, то Олерт за Фроммом не удержался. Итак, впереди трое, а за спинами еще четверо, и среди них Олерт. Позади 400 метров, преодоленные на высокой скорости — 51 секунда, и Фромм смело занимает голову гонки. Кругом выставленные локти, толчки сыплются градом, того и гляди тебя вытеснят за бровку. «Нет, надо вырваться из этой «соковыжималки», — решил Аржанов и перед последним поворотом по второй дорожке обошел сперва Картера, а потом и Фромма. Но Фромм не сразу сдался. Только на финишной прямой Аржанову удалось от него освободиться. Теперь ни справа, ни слева — никого, и Аржанов знает, что если и с помощью бокового зрения не видит соперников, значит они отстали не меньше чем на полтора метра. Значит, победа? Да, победа. А как же с рекордом? Нет, одному на последних сорока метрах нужной скорости не удержать...

И Аржанов не ошибся. Когда он первым пересек финишную черту, секундомеры показали все те же 1 минуту 45,6 секунды. Не умеет он в одиночестве удерживать предельную скорость. Но этого и Питер Снелл не умел. Для того, чтобы удерживать эту скорость, надо, видимо, испытать пытку борьбы до самых последних шагов...

«Будем надеяться, что мне удастся испытать пытку борьбой в ближайшем будущем», — сказал себе Аржанов тогда в Хельсинки. И эти же слова он повторил в беседе со мной.

— Ну что же, отложим до лучших времен и конец этого очерка, — сказал я тогда Аржанову.

И вот последняя весточка о нем. В беседе с корреспондентом ТАСС Евгений Аржанов заявил, что свою ближайшую цель видит в том, чтобы пробежать 800 метров за 1 минуту 43,7 секунды.

Но это же на шесть десятых секунды выше мирового рекорда Питера Снелла, рекорда, который до сих пор удалось повторить лишь одному Ральфу Даубеллу! И рядом с Аржановым я вижу австралийца Даубелла, о встрече с которым на Олимпиаде Евгений Аржанов мечтал все эти четыре года. Однако теперь неясно, увидим ли мы австралийца рядом с Аржановым на мюнхенском стадионе. Пока Даубелл не смог даже сдать олимпийского норматива, но так или иначе, а его олимпийский рекорд будет все равно незримо витать над сильнейшими средневеками мира, и, может быть, мне все равно удастся завершить этот очерк так, как хотелось бы...

А впрочем, разве это не будет новым очерком о бегуне, который называет себя «фанатом»?

Б И Л Е Т

№ ВД 238472

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РАССКАЗ

Юрий ЧЕРНЯВСКИЙ

Рисунок И. БЛИОХА.

Число нераскрытых преступлений из года в год сокращается, они исчисляются единицами. И мой собственный, теперь уже многолетний опыт убеждает в том, что практически не бывает преступлений, которые бы рано или поздно не удавалось раскрыть. У нас есть одно мощное оружие: гнев и презрение трудящегося человека к туеядцу, вору, преступнику. Участие народа, помощь общественности, особенно если она умело используется, создают ту благоприятную обстановку, которая и помогает проводить в жизнь требование времени: «Каждое преступление может и должно быть раскрыто». И то, что требование это выполнимо, еще раз подтверждает история расследования нами одного преступления, которую я сейчас хочу рассказать.

* * *

В середине лета 1960 года в нашем областном центре усиленно проводилась работа по газификации промышленных объектов. В один из июльских дней группа рабочих, которые вели трассу к машиностроительному заводу, в сосновом бору, примерно в 200—250 метрах от индустриального цеха, выходящего на самую городскую окраину, при прокладке траншеи обнаружила примерно на глубине метра труп. Прибывшая по вызову оперативная группа осмотрела место происшествия и отправила труп на вскрытие. Результаты судебно-медицинского исследования были малоутешительны. Специалисты пришли к выводу, что обнаружен труп женщины в возрасте примерно 30—35 лет. Далее было записано, что «полное разрушение органов и тканей трупа исключает возможность установить причину смерти и высказать бесспорное суждение о времени ее наступления. Ориентировочно можно предположить, что смерть наступила 12—14 месяцев тому назад».

Стало очевидным, что случай этот далеко не простой и требует самого пристального внимания. Прежде всего надо было выяснить, отчего наступила смерть. Если это убийство, то где и как оно совершено? Не говоря уже об убийце, не просто узнать и кто жертва преступления.

Оперативную группу возглавил сам Дмитрий Николаевич Зотов, который к тому времени стал подполковником и руководил отделом уголовного розыска. Мне было поручено вести следствие. Из протокола осмотра можно было понять, что, вероятнее всего, труп вложили в мешок, хотя ни мешковина, ни одежда почти не сохранились. Нашли также маленький перочинный нож, каким точат карандаши, и вряд ли он мог быть орудием преступления. Кому он принадлежал — убийце или жертве, — понять было невозможно.

Сразу после получения результатов экспертизы мы с Дмитрием Николаевичем решили посмотреть то, что сохранилось от одежды

женщины. Надев резиновые перчатки и вооружившись пинцетами, принялись за работу. Вдруг среди остатков одежды оказался кусочек целлофана, а в нем что-то белое. Прошло еще минут десять, прежде чем находка была развернута и извлечен маленький, хорошо сохранившийся в целлофане кусочек бумаги. Каково же было наше разочарование, когда вместо записки с адресом или какой-нибудь другой приметы мы увидели обычный автобусный билет, на котором ясно выделялся номер ВД 238472.

Конечно, старый автобусный билет не бог весть какая находка, но все-таки... Поскольку билет, по всей видимости, лежал в кармане убитой, можно будет узнать, по какому маршруту она ехала и когда. Это оказалось тем более важным, что вскоре мы получили сообщение: в интересующее нас время никаких заявлений об исчезновении женщин в милицию не поступало. Так что билет, по существу, оставался единственной нитью, которая могла привести нас к разгадке.

Следующий день я потратил на получение информации, которую можно было извлечь из старого автобусного билета. После длительного и тщательного изучения отчетных документов в областном автоотресте мне удалось, к немалому моему удивлению, узнать, что найденный билет не имеет никакого отношения к автобусным маршрутам нашего областного центра. Согласно распределительным ведомостям, билеты означенной серии выдавались для реализации в автобусное хозяйство небольшого районного городка М-ска.

Еще через два дня мы с Зотовым приехали в М-ск. Началась новая серия поисков: проверка заявлений о лицах, пропавших без вести, список граждан, выписавшихся в связи с отъездом незадолго до предполагаемой гибели неизвестной, беседы с работниками жэков и улочками, задание участковым уполномоченным, встречи с активом народных дружин. Работа большая и кропотливая, работа изо дня в день. День, неделя, вторая — и никаких результатов. А ведь, если верить билету, результаты должны быть. Ведь неизвестная если и не пропала в городе, то, во всяком случае, проезжала одним из четырех маршрутов, причем мы даже знали каким: от центральной площади до железнодорожной станции. Больше того, мы знали и когда это было: между 6 и 9 мая 1959 года. Значит, поиски надо продолжать.

И тогда было принято решение использовать еще одну возможность, которая у нас оставалась. В один из вечеров передача местного радиотрансляционного узла была прервана, и диктор дважды прочитал небольшое объявление. В нем рассказывалось все, что мы знали об обнаружении погибшей, ее приметах и почему поиски идут именно в этом городе. Хорошо помню, что сразу после передачи мы с Дмитрием Николаевичем отправились в го-

стиницу, но не успели еще сесть за ужин, как звонок дежурного по райотделу милиции поднял нас на ноги. На радиопередачу откликнулись жители улицы Заречной. Они высказали предположение, не случилась ли беда с их бывшей соседкой Вошиной Зоей.

По их рассказам, дело обстояло так: в начале 1959 года Зоя Вошинина, инженер одного из геологоразведывательных управлений на Дальнем Востоке, уволилась с работы и приехала в родной город, где жила ее мать. Та в это время тяжело болела. Зоя ухаживала за матерью, поместила ее сначала в районную, а потом и в областную больницу, но помочь уже было ничем нельзя. В конце марта мать умерла. Вошинина продала за 65 тысяч рублей дом и вскоре после майских праздников вернулась, как считали соседи, к старому месту работы.

Последнее обстоятельство требовало немедленной проверки. Не теряя времени, оперативно, мы организовали необходимые запросы. Ответ пришел быстро: инженер Вошинина после увольнения в конце 1958 года к прежнему месту работы не возвращалась. Сразу же встал вопрос: как получить бесспорные данные, что погибла именно Вошинина? Об опознании не могло быть и речи, документов на месте происшествия не осталось, даже одежда и та не сохранилась.

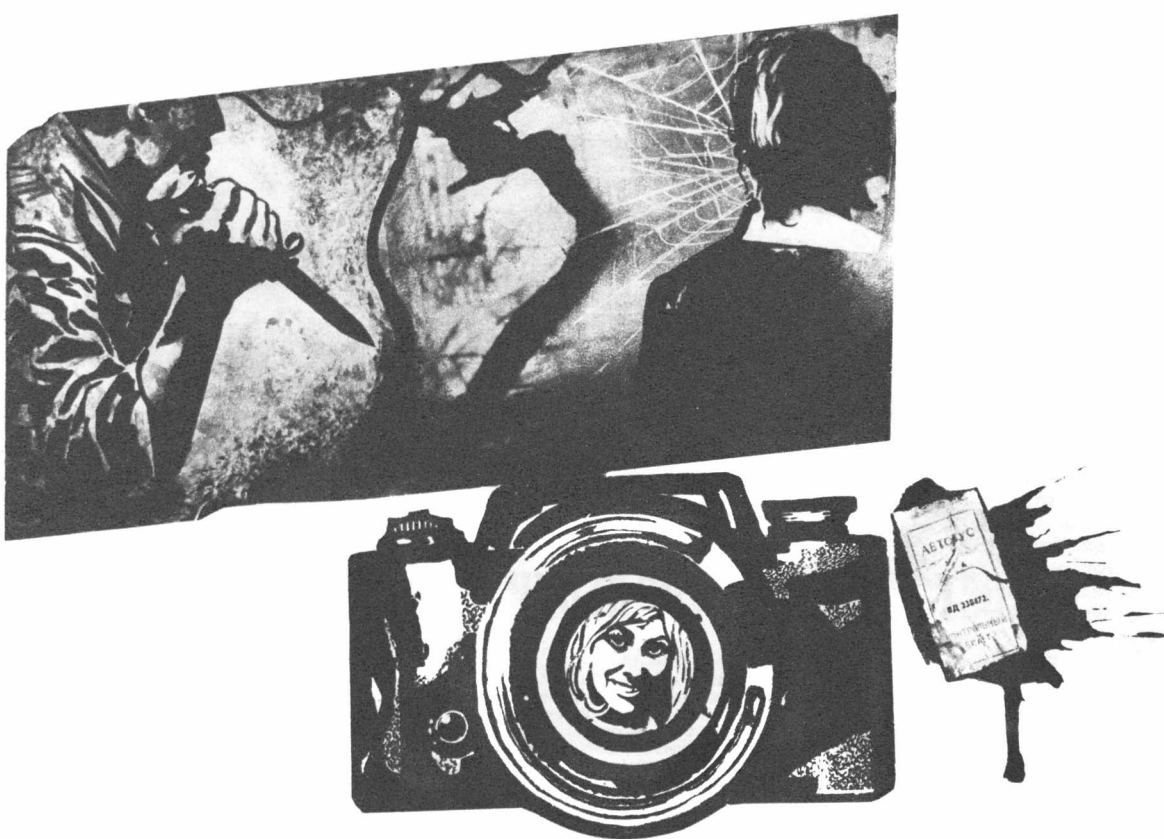
Задача казалась неразрешимой, хотя в городке по крайней мере десяток людей хорошо помнил Зою. Как же быть? На этот раз помогла любознательность Зотова. Он вспомнил прочитанную недавно книжку о египетских мумиях и рассказал мне о том, как современные медики по сохранившимся скелетам иногда определяют, чем болели древние жители долины Нила.

Дальше события развивались так. Встретившись с врачами, мы выяснили, что Зоя Вошинина обращалась в м-скую поликлинику. Доктор Плоткин, который ее лечил, внимательно изучив записи, взялся нам помочь. Не мешкая, мы возвратились в областной центр и привезли с собой доктора. Как и ожидалось, на левом верхнем резце стояла коронка. Доктор не терял времени даром. Надо было видеть, как профессионально точно он действовал: сначала осмотрел зуб, снял коронку, что-то померил, еще раз обследовал зуб. Закончил, сложил инструменты, немного подумал и уверенно сказал: «Могу назвать не меньше 10 признаков, что я лечил именно этот зуб и ставил коронку, а пациенткой была Вошинина».

Итак, первую часть задачи можно считать решенной: личность убитой была установлена.

* * *

Однако основные трудности были впереди. Как совершено преступление, когда? Кто убийца, какие мотивы им двигали? Рассуждая ло-

гически, можно построить примерно такую схему: преступник при каких-то обстоятельствах встретился с Зоей, возможно, в М-ске или в нашем городе, убил ее, завладел деньгами, которые она получила за дом. Видимо, он знал ее раньше или был знаком с ней какое-то время, так как ему стало известно о деньгах и он сумел завлечь ее на окраину города. Если продолжать поиски в этом направлении, следует, видимо, в первую очередь выяснить круг знакомых погибшей. Конечно, не исключались и другие версии, но эта была предпочтительнее.

Запросы на Дальний Восток были сделаны еще из М-ска, проверка пребывания Зои в родном городе не дала интересующих нас данных, трудно было представить себе, как искать знакомых погибшей в нашем городе. Оставалось ждать ответа.

Дней через десять поступили материалы с Дальнего Востока. Из всего, что я получил, привлекло внимание одно из писем Воициной, адресованное подруге. Зоя писала о болезни матери, рассказывала, что вот уже неделю ежедневно дежурит в областной больнице, и мимоходом упомянула, что познакомилась с хорошим человеком по имени Миша, который поддерживал ее в трудную минуту. В других письмах речь шла о болезни и смерти матери, о планах на будущее. Миша больше не упоминался.

Конечно, с ним было бы хорошо встретиться, узнать, при каких обстоятельствах произошло знакомство, что он знает о жизни Зои в нашем городе, когда видел ее последний раз. Но вопросы эти оставались без ответа. Найти Мишу среди 300 тысяч жителей, не зная о нем ничего другого, кроме имени, практически невозможно. Видимо, настал тот момент, когда надо сменить фронт поисков, подойти к проблеме с другой стороны. И тут пришло время обратиться за помощью к людям, к нашей общественности.

Сразу после ноябрьских праздников вдвоем с Зотовым мы продумали план и после окончания первой смены в помещении красного уголка встретились с активом инструментального и транспортного цехов машиностроительного завода. Выбор был не случайным, именно эти цехи располагались ближе всего к месту происшествия. На встречу пришли начальники смен и участков, мастера, бригадиры, профсоюзный и комсомольский актив. Сначала выступал Зотов, потом мы по очереди отвечали на вопросы. Просьба наша сводилась к следующему: поговорить с каждым рабочим, рассказать о гибели Воициной, спросить, не встречал ли кто, особенно из вечерней и ночной смен, мужчину и женщину недалеко от места гибели Зои примерно полтора года назад, то есть в мае — июне 1959 года.

Прошло недели две. В прокуратуре шел к концу обычный трудовой день, когда секретарь позвала меня к телефону. Звонил ком-

сорг инструментального цеха Олег Радевич. Мы условились о встрече. Интуиция подсказывала, что предстоит нечто важное. Комсорг пришел не один, а с ним были два брата-близнеца Батурины. Пока они сидели в коридоре, Радевич деловито вводил меня в курс дела. «Они кое-что могут рассказать, но не спрашивайте, как они там очутились. Ребята хорошие, потомственные машиностроители, но случился с ними однажды конфуз. Уходя со второй смены, перебрали кое-какие детали через ограду, у них мотоцикл свой, вот и польстились. Пошли, подобрали, принесли домой, а назавтра после крупного разговора с отцом пришлось все возратить на завод. Ну, мы их, конечно, обсудили, поддали как следует. С тех пор ребята выправились, и о старом им никто не напоминает. После разговора в цеху они кое-что вспомнили, да сразу не хотели говорить, неприятно ворошить прошлое».

Вошли Батурины. Внешне их отличить друг от друга трудно, но по характерам сразу видно: разные. Один напористый, горячий, другой неторопливый, рассудительный. Начал тот, который пожилее, флегматик больше поддакивал да отвечал на мои вопросы.

Дело было так: 12 мая 1959 года после второй смены они вышли из боковой проходной и пошли вдоль ограды к лесу (зачем пошли, я догадался, но, как и обещал, вопроса не задавал). Совершенно неожиданно, когда уже повернули назад, столкнулись с заводским художником Копеляном, очень смутились (почему, догадаться было нетрудно), однако тот смутился еще больше и даже испугался, как им показалось, и тут же шарахнулся в кусты. Как мне потом объяснил Радевич, ребята так и не могли понять, почему он их не остановил, хотя мог догадаться, что у них в сумке. Больше того, Копелян пришел на собрание, где их обсуждали, но просидел молча и ни одного вопроса не задал. Теперь, узнав об обстоятельствах гибели Воициной, решили рассказать о неожиданной встрече.

Я спросил, как зовут Копеляна. В ответ услышал:

— Имя его Мушег, он армянин, но мы зовем его Миша, да и сам он так себя называет.

Рассказ ребят и пояснения Радевича дали большую пищу для размышлений. Опять в поле зрения попал Миша, теперь уже из других источников и в более острой ситуации. Навести справки о Копеляне было несложно: 32 года, был женат, с семьей не живет уже два или три года, хотя брак не расторгнут. Окончил два курса художественного института, по какой-то причине бросил учебу, устроился художником при заводе. Недели три назад уехал на юг в отпуск, скоро должен вернуться.

Посоветовавшись, мы договорились действовать решительно, задержать его прямо на вокзале, тут же допрос, если нужно, после допроса обыск. Фактор внезапности на нашей сто-

роне, и его надо использовать в полной мере. Ведь стоит только на минуту представить себе, как преступник сходит с поезда, ничего не подозревая, забыв о совершенном и успокоившись, как вдруг его задерживают, задают быстрые, бьющие в цель вопросы. Причем ему неизвестно, насколько осведомленследователь, какой вопрос он задаст в следующую секунду. А надо отвечать... Конечно, Копелян знал об обнаружении трупа Воициной, знал, что идет следствие, и ко многому мог подготовиться, но вот о собрании в цехе он не знал, уехал в отпуск раньше. И это был наш козырь.

Допрос состоялся тут же на вокзале, в комнате оперативного дежурного. Пожалуй, в первую минуту Копелян несколько растерялся, но довольно скоро пришел в себя и сравнительно спокойно отвечал на вопросы. К концу допроса его ответы, как мне показалось, звучали несколько саркастически. Впрочем, ответы были однозначны: нет, нет, нет. В М-ске не бывал, с Воициной незнаком, никакой встречи у ограды не помнит. Его поведение мало изменилось и после того, как ему сообщили постановление об обыске. В комнате Копеляна роли распределили так: я проводил обыск, Зотов наблюдал за Копеляном. Честно сказать, мы не знали, что искать. Задача формулировалась в общей форме: следы преступления. Это могли быть письма, предметы женского туалета, крупная сумма денег.

Привычно осматриваю в комнате предмет за предметом... Подошел к встроенному шкафу, раскрыл дверцы, поставил табуретку, взглянул на верхнюю полку. Ну и пылища, в палец толщиной, наверное, год не убирали! Справа старая коробка из-под обуви, за ней какой-то сверток: похоже, лыжные ботинки; сломанный складной мольберт, небольшой пакет с чем-то мягким, старенький «ФЭД», видимо, давно валявшийся без дела. Протянул руку, взял фотоаппарат. «Ну и пыли!» — успел лишь подумать, как вдруг кто-то выхватил у меня фотоаппарат. Пытаясь его удержать, я полетел с табуретки. Дальше все шло, как при ускоренной съемке. Падая, успел заметить, как Копелян срывает с фотоаппарата футляр. К нему метнулся Зотов, выбил из его рук аппарат. Участковый уполномоченный прижал Копеляна к стене.

Примерно часа через два, когда мы с Зотовым сидели перед дверью лаборатории эксперта, который колдовал над пленкой, у нас состоялся такой разговор.

— Слушай, — начал я, — как это ты сообразил с аппаратом, я и понятия ничего не успел?

Дмитрий Николаевич сунул мне сигарету, сам с удовольствием затянулся и начал неторопливо:

— Я уже давно в милиции, застал еще старика Воронина, помнишь, который с Дзержинским работал. Многие рассказывали он об этом замечательном человеке, вспомнил и такую историю... Феликс Эдмундович приехал в квартиру, в которой чекисты производили обыск: хозяина квартиры подозревали в заговоре. Узнав, что ничего не обнаружено, Феликс Эдмундович распорядился увести подозреваемого в другое помещение и переставить в комнате всю мебель. Когда этого человека снова ввели, он обвел комнату тревожным взглядом и успокоился лишь после того, как увидел кабинетные часы, оттуда позже и были изъятые важные вещественные доказательства. Так и тут: когда фотоаппарат оказался у тебя в руках, Копелян вздрогнул, словно что-то вспомнив, и я, еще даже не понимая, что он хочет делать, бросился защищать аппарат...

* * *

Таким образом, два свидетеля видели Мушега Копеляна недалеко от места убийства, и он пытался уклониться от встречи с ними. Далее: отрицал категорически знакомство с Воициной, однако среди снимков, сделанных весной 1959 года, мы нашли Воицину. Это были серьезные улики, и хотя Копелян продолжал все категорически отвергать, Алексей Тимофеевич дал санкцию на его арест. Дело, начавшееся со старого автобусного билета, продвигалось вперед. Среди соседей Копеляна мы скоро нашли двух пенсионеров из тех, кто целыми днями заседает во дворах на ла-

вочках и всегда все знает. Они подтвердили, что Вошинина два или три раза заходила к Мушегу, последний раз ее видели после майских праздников прошлого года.

Теперь пришла очередь перочинного ножа, найденного на месте происшествия. Все двадцать два кармана пальто, плаща, пиджаков и курток, какие удалось найти у Копеляна, были тщательно отпороты, аккуратно разложены в целлофановые пакеты и вместе с перочинным ножом отправлены на исследование. Особую надежду я возлагал на карманы рабочей куртки, в которой, по всей видимости, и хранился ножик, до того как его потеряли на месте происшествия. Время летит быстро, незаметно, за хлопотами пришел новый, 1961 год. Исследование оказалось сложным, и его результаты были получены только в конце января. Эксперты-криминалисты дали заключение: «Микрофлора правого кармана рабочей куртки Копеляна и вещества, сохранившиеся в пазах перочинного ножа, структурно тождественны (сухая акварельная краска, грифели различных цветов, ворсинки ткани)».

Следствие подходило к концу. Систематизировав собранные улики и продумав тактику допроса, я отправился в тюрьму к Копеляну. Однако обвиняемый замкнулся и не отзывался ни на какие мои доводы. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не молодой следователь Вася Носов. Он уже давно перестал быть стажером, самостоятельно вел дела, а сегодня работал по соседству. Видимо, дела шли у него неплохо, он закончил свою работу довольно быстро и сейчас с шумом ворвался ко мне. Прямо с порога забалагурил: «Давай закрывай лавочку, домой пора. Надо старые деньги на новые менять, а то ведь пропадут. Вот ведь потеха, у меня сегодня один дядя на допросе сокрушался: воровал старыми, а отдавать придется новыми».

Копелян, который слышал весь этот монолог, о чем-то глубоко задумался и вообще перестал как-либо реагировать на мои вопросы. Потом вдруг попросил отправить его в камеру, сославшись на дурное самочувствие. Я вызвал конвой. Разговор этот заставил меня как-то по-иному взглянуть на сложившуюся ситуацию. Постепенно я стал понимать, что происходит с обвиняемым. В самом деле, ведь 65 тысяч, которыми он завладел, убив Зою, сейчас лежат где-то спрятанными и наверняка пропадут, достать-то их он никак не сможет. Копелян, конечно, знал, что его не выпустят из тюрьмы, тем более в ближайшее время. Значит, рухнет все, на что возлагались такие надежды. Жадность, страсть к наживе, к обогащению и легкой жизни любыми путями — и вот провал. Провал, когда, казалось, все уже кончилось и он мог получить деньги. Становилось понятным, как все это у них произошло. Встретив Вошинину, Копелян оказал ей какую-то пустячную услугу. Так состоялось знакомство. Оно бы не продолжилось долго, если бы Копелян не узнал про дом и про возможность получить за него 65 тысяч. Тогда он, видимо, захотел жениться на Зое. Но Вошинина оказалась дальновидным человеком. Схлынула первая острая боль, вызванная смертью матери, и она поняла, что Копелян не тот человек, на которого можно опереться в жизни. Вот почему она перестала упоминать о нем в письмах. А Копелян, видя, что Зоя вот-вот уедет навсегда, решился на крайнее средство: убить ее и взять деньги. И он сделал это поздним майским вечером в лесу, на окраине города.

Все это так отчетливо встало передо мной, будто я читал книгу, в которой рассказывалось, как и за что Копелян убил Зою. Продолжая думать об этом, я медленно складывал бумаги в портфель. Впрочем, торопиться мне было некуда, предстоял еще один допрос. Вскоре конвоиры привели другого обвиняемого. Проработав до самого вечера и пошел сдавать ключ дежурному. Там меня ждала новость: из 24-й камеры на имя прокурора поступило заявление. «Чистосердечное признание» — вот что написал Копелян на сером листе бумаги. И дальше рассказывалось... Впрочем, читатель уже все знает. В конце заявления было написано: «Желая облегчить расследование и возратить деньги (как же, они ведь все равно пропадут), я готов показать место, где они спрятаны».

Сцена из спектакля «Васантасэна».
Фото И. Александрова.

В ГОСТЯХ ТЕАТР «ПОЛЬСКИЙ» ИЗ ВРОЦЛАВА

Впервые в нашу страну приехал Драматический театр «Польский» из города Вроцлава. Театр этот объединяет две сцены: Большую и Малую, — во главе его — ведущие польские режиссеры Кристина Скушанка и Ежи Красовски.

С творческой манерой Ежи Красовского мы познакомимся еще в 1969 году, когда на сцене Московского драматического театра имени Ермоловой он поставил комедию «Мест» Александра Фредро, блестящего польского комедиографа XIX века. На гастролях нынешнего лета советские зрители увидели два спектакля, поставленные К. Скушанкой: «Двенадцатую ночь» Шекспира и древнеиндийскую «Васантасэну».

Надо сказать, что в народ-

ной Польше было осуществлено немало шекспировских постановок, способствовавших утверждению нового театра, который стремился выразить серьезные социально-философские проблемы, добиться высокого артистического уровня.

Традиции же собственно польского сценического искусства уходят в глубь веков, когда мистерия и фарс представляли жизнь и деяния людей и богов... В польских средневековых произведениях покоряет сочетание юмора, наивности и прямой назидательности. Вот еще почему так легко и интересно прозвучала индийская «Васантасэна», поставленная в древней народной манере. Приключения Чарудатты, обедневшего купца-брамина, и влюбленной в него курти-

зани Васантасэны полны то веселья, то грусти; в них и драматизм и радость жизни...

По окончании представления мы говорим с Кристиной Скушанкой и слышим подтверждение своих суждений о гастрольных спектаклях.

— Да, — соглашается режиссер, — пьесу «Васантасэна» (или «Глиняная повозка») мы играем как сказку, с легким чувством иронии по отношению к тому, что там происходит, и зрители охотно идут навстречу нашей трактовке.

— А как вам понравились зрители?

— О, самый теплый прием, самый душевный отклик!.. Мы очень благодарны за живую реакцию и заинтересованность...

Ю. ПОКРОВСКАЯ

«ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН»:

НОВАЯ ВСТРЕЧА

Легенда о судьбе Лейли и Меджнуна увидела балетную сцену еще в 1949 году. Написанный композитором С. Баласаняном, этот балет скоро завоевал симпатии зрителей, а первая постановка в Таджикском театре оперы и балета имени С. Айни была удостоена Государственной премии СССР.

Сейчас «Лейли и Меджнун» в новой редакции снова идет на сцене Таджикского театра оперы и балета в постановке Натальи Конюс, балетмейстер — Музаффар Бурханов.

На гастроли в Москву этот спектакль привезла балетная труппа таджикского театра; в главных партиях с большим успехом выступили народные артисты Таджикистана Малика Сабирова и Музаффар Бурханов.

Его мы и попросили поделиться своими впечатлениями и планами с читателями «Огонька».

— Для меня московские гастроли — событие особо важное именно потому, что здесь я выступаю и как танцовщик и как постановщик.

Одиннадцать лет я танцую на сцене нашего театра, — продолжает М. Бурханов, — но ленинградское хореографическое училище, откуда я пришел в театр, воспитывает в своих питомцах не только танцевальное мастерство... Нам привита огромная любовь к самому искусству балета, поэтому-то очень скоро становится недостаточно успехов собственного, личного творчества... Вот так и мне, наверное, стало тесно в рамках только своих собственных задач в театре. В результате я попробовал ставить танцы — сначала в оперных спектаклях. И сразу же почувствовал необходимость дальнейшей учебы. Зато теперь, когда я окончил балетмейстерское отделение ГИТИСа имени Луначарского, для меня стала возможной большая самостоятельная работа постановщика. «Тимур-Малик» — мой балетмейстерский дебют. А теперь я принимаю участие во втором сценическом рождении балета «Лейли и Меджнун», с интересом принятого москвичами.

Мои планы?.. Хочу много танцевать. Хочу создавать правдивые и глубокие образы национальных героев моей родины, образы моих современников, прославляя искусством народ — мужественных, добрых и смелых людей. Ну и, конечно, ставить новые балеты...

Н. СИЛАНТЬЕВА

«Лейли и Меджнун». Малика Сабирова и Музаффар Бурханов.

Фото Е. Умнова.

МАРИЯ ИЗ УСАДЬБЫ ЗАНЬКИ

Н. ВЕЛЕХОВА

Среди пьес, которые играет Львовский театр имени М. Заньковецкой, есть одна, которая уже самым названием привлекает к себе особый интерес. Это пьеса И. Рябокляча «Мария Заньковецкая». Пьеса — история жизни замечательной актрисы Украины...

Жизнь Заньковецкой была истинным подвигом, была служением своему народу. И она как бы повторяется сегодня на сцене театра, носящего ее имя.

Очень непростая задача стояла перед театром в этой работе. Марию Заньковецкую еще помнили многие, кто застал последние годы ее жизни. А легенда сделала творческий и человеческий облик этот совершенным.

И театр выдержал такую проверку.

Сейчас Театр имени Заньковецкой уже вне пределов Москвы. Но он остался в душе и в памяти зрителей. Остался прежде всего в облике Марии Заньковецкой — такой, как сыграла ее актриса Л. Кадырова.

Работа этой актрисы, ее манера, стиль, чистый, как родниковый ключ, заслуживают самого искрен-

него и горячего одобрения. Такая естественность, такая простота — да еще при настоящей душевной грации — явление не очень-то обычное. На сцене Л. Кадырова держится в редкостном ключе скромности и достоинства. Она как будто сама отодвигается в тень, а в то же время мы воспринимаем ее как индивидуальность значительную... Актриса не возводит в абсолют ту свободу естественности, которую столь легко постигает: она творит образ, точно и четко отделяя его черты; она зримо вырисовывает характер в его истории и развитии, но в какой мягкой и легкой манере поворачивает она перед нами этот характер!.. Ни тени «театрального» и ни тени банально-бытового... Мария Заньковецкая в этом рисунке — честная, открытая, никогда и ни в чем не притворяющаяся натура. Все в ней свободно и прямо: ее любовь к театру, ее чувство к любимому человеку и ее верность своему народу...

А вместе с тем есть в ней какая-то тонкая и прозрачная дымка печали, мы назвали бы ее светлой пушкинской грустью. И эту

грусть мы тоже принимаем в тайник своих впечатлений как особую художественную черту.

Все в созданном актрисой образе Заньковецкой соразмерно. Может быть, поэтому она вызывает в нас чувство приобщения к большой и верной душе. Но по мере того, как вы смотрите спектакль, вам, несомненно, начинает казаться, что особенности творческого облика Заньковецкой, описанного драматургом И. Рябоклячем, в чем-то очень схожи с обликом самой Л. Кадыровой... Современная актриса не только передает нам портрет актрисы прошлого. В своей актерской работе она идет к той же самой цели, какая была у Заньковецкой...

Заньковецкая — Кадырова гармонична. В ней живет высокая душа. А ведь Заньковецкая шла к театру нелегким путем. Все вставало преградой на этом пути: и помещичья семья, где родилась в усадьбе Заньки дочь Мария, и муж-полковник, и самовластье российской императорской державы, которая душила всякое проявление национальной народной мысли... Но душевные силы этой юной, хрупкой, тоненькой женщины оказались титаническими! С драматургом Кропивницким, актерами Садовским, Саксаганским и многими другими она заставила пышное светское общество Петербурга склониться перед искусством украинских актеров и украинской драмы.

Эта часть истории Заньковецкой особенно волнует в спектакле.

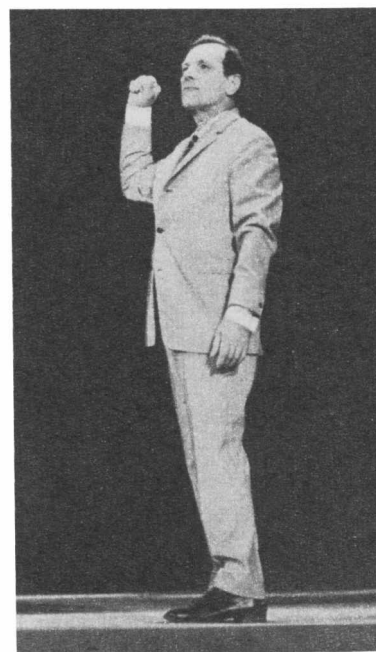
Мария — Л. Кадырова в тот период уже достигла большого успеха и большой славы, но все в ее облике по-прежнему мило, лишено прикрас. Скромность же ее как бы перешла в новое качество и стала строгостью... Мария переступила новый порог жизни. С тяжелой короной темных кос, в черном сверкающем платье, она появляется после спектакля своих товарищей по сцене... С каким высоким чувством достоинства и вместе с тем никого не обижая отвергает она предложение поступить в императорский Александринский театр. Заньковецкая благодарит за честь, но останется она со своей трудной долей в театре «передвижном», да еще и гонимом, в родном украинском театре, который несет просвещение народу...

Нельзя сказать, что в этой сцене есть большие страсти, что она написана как-то особенно ярко. Нет, все здесь очень обычно, может быть, даже более обычно, чем было в жизни, когда такие переломные события происходят в судьбах людей. Но речь Марии Заньковецкой, а потом ее прямое обращение к зрителю затрагивают душу и оставляют в ней светлый свой след.

...Потом уже, на других спектаклях Театра имени Заньковецкой, мы попадаем в мир пьес И. Карпенко-Карого, встречаемся с искрометными комедийными образами А. Корнейчука... Но рассказ о Заньковецкой останется в самой глубине души, вместе с ощущением той чистой и светлой печали, которое всегда возникает, когда искусство воскрешает дорогой, давно ушедший из жизни образ...

Л. Кадырова в роли Заньковецкой и Н. Доценко — Горпына Захаровна.

Фото М. Строкова.

ПОЕДИНОК ВЕКА

...Медленно, со скрежетом поднимается серый, в мрачных квадратах тюремной решетки тяжелый щит, отделяющий сцену от зрительного зала. В глубине сцены, на возвышении, человек с остервенением крутит ручку сирены. Пожар! Подожжен рейхстаг.

Так начинается в Театре имени Моссовета спектакль «Поединок века» по пьесе «Красное и коричневое» болгарского драматурга Ивана Радоева.

Роль Георгия Димитрова исполняет Георгий Жженов. Создавая образ негибаемого революционера, легендарного героя, артист, однако, остается вроде бы «обыкновенным» человеком. Величие и незаурядность героя читаются между строк монологов, спокойных иронических реплик — так, очевидно, и было задумано постановщиком спектакля Стефаном Стайчевым и режиссером Юрием Галиным...

Вся фашистская свора во главе с Герингом в исполнении М. Львова решается в остро-грозетской манере, хотя художник Шавкат Абдусаламов постоянно напоминает о трагичности происходящего. Серые, с лязгом раскрывающиеся шторы, опоясывающие сцену, мрачные лабиринты тюремных переходов — таков фон, на котором происходит действие.

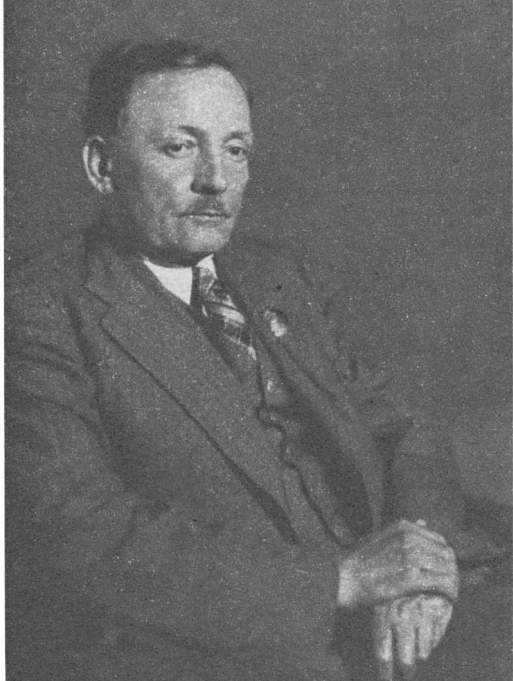
Музыкальное оформление Станислава Цицина — один из важных компонентов спектакля, его большого эмоционального накала.

Н. ЗЫБИНА

Георгий Жженов в роли Димитрова.

Фото В. Петрусовой.

«ТЫ ЛЕТИ, ЗВЕНИ, МОЙ ГОЛОС...»

Михаил ГОРБАЧЕВ

15 мая 1905 года в русской прогрессивной газете «Северо-Западный край» было опубликовано первое стихотворение 23-летнего Ивана Доминиковича Луцевича «Мужик». И никто, пожалуй, тогда не мог и предвидеть, что ровно через пять лет великий русский писатель Максим Горький высоко оценит талант, глубокую народность и политическую направленность творчества этого автора, ставшего уже Янкой Купалой. Да еще как скажет!

«В Белоруссии есть два поэта: Якуб Колас и Янка Купала — очень интересные ребята... Пишут так ласково, грустно, искренно. Нашим бы немножко сих качеств. О господи! Вот бы хорошо-то было!» — пишет он украинскому писателю М. Коцюбинскому. А в статье «О писателях-самоучках» (1911 год) добавляет: «Я обращаю внимание скептиков на молодую литературу белорусов — самого забитого народа в России...» И напомним о песне, «которая, может быть, на время станет народным гимном белорусов...».

Есть своя закономерность в том, что Буревестник первой русской революции первым в России услышал крик и стон белорусского мужика, прозвучавшие тогда в стихотворениях Янки Купалы, и необыкновенно сильно выраженное стремление целого народа «людьми зваться». И неспроста рука прозаика Максима Горького потянулась к перу, чтобы перевести эту песню-гимн белорусов «А кто там идет?» на русский язык.

Янке Купале суждено было стать выразителем коренных интересов белорусского безземельного крестьянства в тот период, когда уже переполнялась чаша терпения, мужик брался за топор и косу и по примеру рабочего класса России вставал на борьбу за «свободу-солнце», чтобы «бесстрашно рукою» разбить цепи рабства. Ни у кого из его предшественников в родной литературе не было так ярко выражено чувство социально-классового и национально-освободительного в понимании общенародных задач своего времени, как у Янки Купалы. Сын бедного арендатора панской земли, Иван Доминикович с детства увидел и на себе испытал все тяготы жизни. Сызмала вместе с отцом исколесил он немало дорог в поисках клочка земли и хлеба насущного: «Голод батькой мне был, маткой — горе-нужда».

Наиболее полно эта тема у поэта выражена в автобиографическом цикле «Из песен безземельного»:

Ты лети, звени, мой голос,
Песней неизменной
О той доле, о недоле,
Доле безземельной.
Полубуйтесь, поглядите:
Я живу вельможей.
Ничего в моем хозяйстве
Вор украсть не может.
Мое поле, мои нивы —
Облака седые,
Мое стадо, мои кони —
Тучи воронные.

И никто не был в белорусской литературе до него столь песенным, каким стал Янка Купала. Песня — это его стихия, его призвание и наивысшее проявление таланта. На десятки ладов, в сотнях вариантов звенела она — то грустная и печальная, то шутистая и острая, то гневная и призывная.

Без песни не понять Купалы. И даже самые ранние песни его — это поистине шедевры песенного дара поэта.

Секрет мастерства и успеха поэта видится нам в глубоком знании поэтического родника народа, его устного творчества, в глубоком понимании исторической роли народных масс.

Эта важная особенность творчества Янки Купалы проявилась с новой силой в годы реакции, в петербургский период его жизни, когда он занимался на общеобразовательных курсах А. Черняева и плодотворно трудился четыре года (1909—1912). Попутно отметим, что в Петербурге на родном языке были изданы первые три сборника его произведений: «Жалейка» (1908), «Гусяр» (1910), «Дорогой жизни» (1913). Там же поэт создал превосходнейшие поэмы: «Курган», «Извечная песня», «Бондаровна», «Она и я».

В Петербурге Янка Купала выступил также и в новом для себя жанре — в драматургии. Там были написаны пьесы «Павлинка», «Разоренное гнездо» и «Примак». Две первые из них стали классическими в белорусской драматургии. «Павлинка» впервые была поставлена в Вильно и Петербурге (1913). Успех на долю автора выпал необыкновенный. Социальное и национальное содержание этой комедии раскрыто было в полную меру. В социально-психологическом плане решена и драма «Разоренное гнездо». Долго судился с панами Левон Зяблик за землю, да где при царской власти найти правду, и его с женой и пятью детьми выгоняют из хаты — гнездо разоряется. Зося, его дочь, сходит с ума... Трагедия крестьянина раскрыта здесь во всей полноте, но сквозь мужичью покорность судьбе пробиваются уже ростки нового, зреет вера в людей, и старшие дети Левона собираются на великий сход, где все должно решиться по справедливости...

Эта справедливость была установлена только с победой Великой Октябрьской социалистической революции в 1917 году, на великом сходе большевиков и представителей народных и солдатских масс. Янка Купала страстно и горячо мечтал о свободной и счастливой Белоруссии, о том времени, когда она «свое гордое место займет меж народами». И в одном из поэтических откликов поэта на пролетарскую революцию слышится: «Взять солнце, как факел, настало нам время и, крылья раскрыв, пролететь над мирами!» Желание поэта сбылось!

БЫТ,
ТОРГОВЛЯ,
ЭКОНОМИКА

ИЩУ ЦВЕТЫ...

Тепло, солнце — лето. Хожу по Тбилиси, ищу цветы. Киоски-подвальчики, цветочные магазины-крохотульки. Пахнет самшитом, мхом, какой-то нудрявой травкой, древесной корой. Одна денкация. Спектаклем не пахнет.

Впрочем, кое-что есть. Например, гвоздика. Точнее — ее отдаленный прообраз. Еще что-то раскрепощенное, инфантильное, называемое бульдонежем. Кажется, тюльпаны, если мне не изменяет память. Но больше похоже на тряпички, приделанные к ветке. Неужели, думаю, за одну луковичку этого цветка некий любитель дал однажды два воза ячменя, четыре воза ржи, четырех овец, четыре бочки пива, четыре бочки вина, две бочки масла, костюм из тонкого сукна и расшитый серебром кушак? Правда, это было в другом веке... Но было! С меня же просят не за луковичку, а за уже выращенный, взлелеянный цветок всего 15 копеек. А я, неблагоприятная, не хочу. И никто не хочет...

На проспекте Руставели спускаюсь в цветочный подвальчик. Как в склепе: сыро, тихо, темно. Сидит пожилой человек, почти дремлет.

— Заведующий?
— Заведующий, — оживает мой собеседник. — А что?
— Просто так, — говорю, — смотрю, и стыдно мне. А вам? Нахмурился:
— Тридцать лет я работал в цветочном на проспекте Плехано-

ва, а пятнадцать лет — здесь. Что такое цветы — знаю. Сегодня завезли партию — не принял. Хлам, а не товар...

Цветы — товар! К чему лукавить?

Вспоминаю Алсmeer, голландский городок. 9 тысяч цветников — 60 миллионов гульденов дохода. Два цветочных аукциона. Признаться, показалось тогда: разве можно так оптово относиться к цветам?! Видимо, можно. В смысле — массово.

...Иду по проспекту Руставели, захожу в Госплан. Заведующий сельхозотделом Борис Виссарионович Долидзе, человек с непроницаемым, строгим лицом, молча подает мне папку и погружается в дела. Дело и впрямь много — серьезных, больших, куда более важных, чем цветы. Молча, с чувством недовольства, что отрываю человека по пустякам, знакомлюсь с решением о мерах по развитию цветоводства в Грузии на 1967—1970 годы. И еще с одним, уже недавним — о мерах по дальнейшему развитию цветоводства в Грузинской ССР на 1972—1975 годы. План по выращиванию цветов в открытом и закрытом грунте выполнен на 45 процентов. План по строительству оранжерей и теплиц выполнен на 42 процента...

О чем говорить? О будущем? К 1975 году количество цветов достигнет четырех с лишним миллионов штук. Скосите эту цифру на-

В мае 1921 года поэт в разоренном интервентах Минске переводит пролетарский гимн «Интернационал». Переводческое мастерство Я. Купалы проявилось в переводах «Слова о полку Игореве», «Медного всадника» Пушкина, произведений Шевченко и других выдающихся мастеров слова.

Особенно плодотворно трудится Янка Купала в 20-е и 30-е годы. Нет, кажется, ни одной темы из жизни народа всей необъятной Родины, строившей социализм, которой бы не коснулся поэт. С пламенным призывом к советской молодежи обращается он в стихотворении «Орлятам», с гордостью за новую, колхозную деревню прощается со старой в стихотворении «Уходящей деревне», славит труд коммунаров, преобразователей Полесья, в поэме «Над рекой Орессой», славит освободителей Западной Белоруссии, растущую дружбу народов Советской страны. Да разве все перечтешь! Но еще об одном его писательском и общественном подвиге стоит вспомнить сегодня. Летом 1935 года поэт переселяется из Минска в деревню Левки, что на Оршанщине, чтобы своими глазами увидеть рождение нового, советского человека, увидеть те преобразования, которые произошли в деревне, и подслушать биение сердец людских. В задушевных встречах и беседах с доярками и пастухами, бригадирами и председателем колхоза проходили его дни. Живое общение с народом, радость за нового человека вылились в цикл замечательных стихов. Почти все стихотворения этого цикла стали хрестоматийными. В них еще ярче проявилась духовная слитность поэта с народом, с партией, возросшее мастерство художника, выразительность его языка и стиля.

Несколько позже, в 1938 году, поэт напишет в своей биографии: «Только Советской власти и родной Коммунистической партии я обязан расцветом моей поэзии». Поэта обогащали поездки на Украину и в Москву, в Грузию и Армению.

Началась Великая Отечественная война. Опустошительному разорению первой подверглась Белоруссия. Поэт и в эти дни был вместе с родным народом. Пламенное слово писателя-патриота звало всех к отпору врагу, оно проникало в землянки и партизанские шалаши, в оккупированные фашистами города и села, воодушевляя воинов и партизан на борьбу с иноземными пришельцами.

Янка Купала не дожидаясь нашей победы. Он умер 28 июня 1942 года. Тридцать лет нет с нами самого поэта, но живут и вечно будут жить его бессмертные песни, его богатое литературное наследие.

ПАРУСА ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА

Смирнова знает весь Васильевский остров, где он вырос. Его знает весь Ленинград, где он живет и работает. Его знает вся страна — он Герой Социалистического Труда, член Центрального Комитета КПСС.

Но каков характер прославленного судостроителя с Балтийского завода? Почему профессия рабочего Василий Александрович считает самой интересной и вот уже тридцать пять лет изо дня в день поднимается на стапель, где строятся корабли? Почему самым трудным днем в своей жизни Смирнов считает обычный августовский день, когда его дочь сдавала экзамены в университет? На эти и многие другие вопросы читатели получают ответ, познакомившись с новой повестью Дмитрия Мамлеева «Остров на парусах».

Потомственный питерский пролетарий (его отец был в свое время делегатом исторического II Всероссийского съезда Советов), Василий Смирнов перед войной пятнадцатилетним мальчишкой пришел на завод. «Первую закладку» получил на срочном ремонте ле-

гендарного ледокола «Ермак», спешившего на помощь папанинцам. В первые месяцы блокады восстанавливал боевые суда в Кронштадте, добровольно ушел на фронт, служил на границе. Вернувшись на родной завод, стал мастером высшего класса, вместе с конструкторами и инженерами «наращивал тоннаж» кораблей и сейчас строит крупнейшие в нашей стране танкеры. Смирнов возится с «трудными подростками», выступает на важных совещаниях, рассматривает заявления и жалобы, бывает за границей и по корабельным делам и по общественным, принимает делегации.

Удача автора — не только в выборе героя. Документальная достоверность в повести помножена на художественную глубину постижения характера. Герой жизни стал героем литературы.

Дмитрий Мамлеев дружит с Василием Смирновым с давних пор, когда он еще не был знаменит. Знает его жену — гостеприимную Екатерину Федоровну, дочь Лену, студентку филологического факультета ЛГУ. Не раз встречался с рабочими из бригады Смирнова. И это многолетнее знакомство дало возможность написать талантливую и правдивую книгу о

преимуществах традиций питерских пролетариев, о скромном рабочем, ставшем крупным общественным деятелем, настоящим хозяином нашей жизни. Достоверности изображения во многом способствует и то, что герой повести показан не только в моменты удач и праздников, но и в минуты тревог, сомнений, споров с самим собой.

Психологически точный и искренний рассказ о жизни Смирнова и его товарищей позволил передать высокую нравственную атмосферу, в которой трудится заводской коллектив, убедительно воссоздать черты характера современного рабочего человека, влюбленного в свое дело, широко и погосударственному мыслящего, человека умного, принципиального, тактичного, доброжелательного к людям и нетерпимого к любым проявлениям мещанства и приспособленчества.

Интересна и композиция книги. Взяв всего три дня из жизни Василия Смирнова («День рождения», «День экзаменов», «День поднятых парусов»), автор сумел нарисовать запоминающуюся картину жизни ленинградских корабелов.

А. МИХАЙЛОВ

половину, поскольку выполнение плана по цветам, как выяснилось, не тянет даже на 50 процентов. Таким образом, есть надежда, что в 1975 году тбилисцы и гости Тбилиси (забудем на мгновение, что в республике есть и другие города!) смогут купить в государственных магазинах по два цветка.

Но мы не учли традиционных поставок: юг — северу, Тбилиси — Москве и Ленинграду!

Снова иду по проспекту Руставели, захожу в Ценавшири (Союз потребителей общества Грузии). Отдел заготовок продуктов растениеводства. Живые, словоохотливые люди заведующий Гела Цвинтинидзе и заслуженный агроном Котэ Чихладзе.

— Каковы заявки москвичей и ленинградцев на 1972 год?

— Мосцветторг просит 5 миллионов штук цветов; 2 миллиона только гвоздик. Ленинградское объединение «Садоводство» прислало заявку на 1 140 тысяч штук.

А у нас даже в планах дальнейшего развития стоит цифра четыре с чем-то миллиона...

Да, но мы имеем право скупать цветы у населения по государственному закупочным ценам, — резонно объясняют мне. — Не все же люди, занимающиеся разведением цветов, — торгаши и спекулянты!

(В скобках следует эмоциональный рассказ о том, как Гела Цвинтинидзе на днях летал в Таллин, и рядом с ним сидел в самолете со-

лидный гражданин. Вид у него был такой важный, что Гела громко разговаривать при нем стеснялся. А когда увидел его на улице Таллина торгующим цветами по баснословным ценам, еле удержался, чтоб не плюнуть ему в лицо. Позор какой!..)

Узнаю, что теперь и сама организация Ценавшири стала строить свои цветочные хозяйства в Абхазии, Аджарии и во Мцхете. (Вот это уже правильная реакция на спекулянта.) И все же спрашиваю, сколько цветов удалось отправить в Москву и Ленинград в прошлом году. Оказывается, 1 миллион 170 тысяч штук.

...Вспоминаю, что возле села Охурей, в Абхазии, лет пять назад видела такую картину: из буровой скважины бил фонтан горячей воды. Пар коромыслом. Тут же в маленькой полиэтиленовой теплице хлопотал человек. Алеша Саралидзе, сотрудник научно-исследовательского института земледелия, замыслил свою конструкцию радиатора, решил приспособить для обогрева теплиц даром идущую горячую воду.

— Именно в Охурее у нас единственное тепличное цветочное хозяйство на термальной воде.

Это я уже говорю с работником Госплана, горным инженером Георгием Николаевичем Лоладзе. Оказывается, Алеша Саралидзе все еще работает, улучшает свою конструкцию. И специалисты из Орла

взялись ему помочь: проектируют по его методу теплицы площадью в три гектара. С другой стороны, действует группа специалистов из Грузинского НИИ электрификации и механизации сельского хозяйства, по проекту которых уже строятся 16 больших парников. Но не по новому, как бы еще неясному, а по уже испытанному широкомасштабному методу.

Все правильно. Идет борьба технических идей. Но и время тоже идет!

Вот что сообщает Георгий Николаевич Лоладзе: в Грузии пробурено 15 больших скважин с термальной водой. В общей сложности имеется 33 тысячи кубометров горячей (в некоторых случаях лечебной) воды в сутки. Иными словами, недра земли предлагают нам в сутки тысячи тонн условного топлива. Подарок природы? Да. Мы его используем всего лишь на 11 процентов. Но даже в этих одиннадцати процентах цветы, наверное, занимают сотую долю.

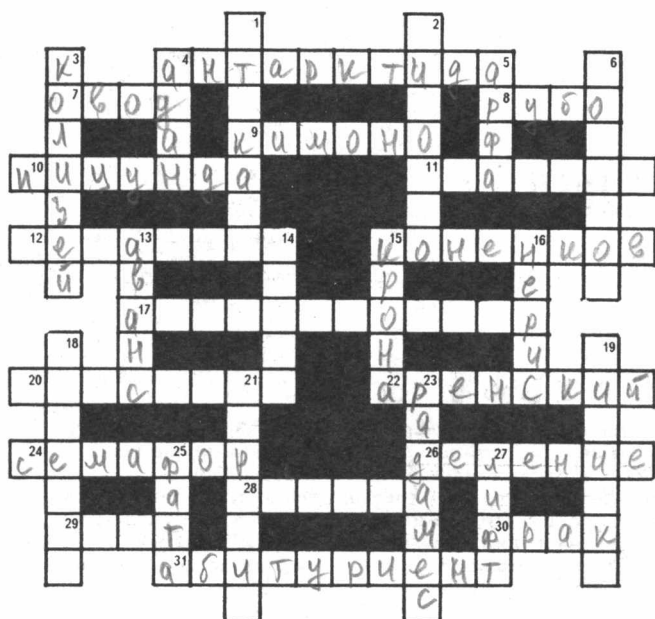
Все это говорится об уже извлеченном и уходящем из наших рук богатстве. А ведь практически резервуары горячих подземных вод в республике неисчерпаемы. Вся Колхида «плавает» на них. Под Тбилиси с его обширными окрестностями целая система гигантских природных котлов. Рисуется картина умелого и тонкого хозяйствования, что дух захватывает!

...Иду на проспект Руставели. Тепло, солнце — лето. Сочные травяные прямоугольники вдоль тротуаров. Много зеленых декоративных уголков в духе нашего знаменитого мцхетского цветоведа Михаила Александровича Мамулашвили. Может быть, не совсем в его духе, но с попытками уловить этот дух, этот тонкий вкус. Однако чья-то беспардонная рука глушит и эти прекрасные порывы, ставя между нами, прохожими, и зелеными оазисами уродливые киоски и технику разного назначения. Сам бронзовый Шота Руставели с его декоративным зеленым шлейфом закован в броню из восьми телефонных будок-автоматов и чetyрех роботов с газированной водой...

Смотрю на все это и думаю о своем дорогом друге Михаиле Мамулашвили. У него недомогание после гриппа, стал редко выходить в цветник. В этом году ему будет 99 лет. По узким тропкам его цветника движется нескончаемая вереница посетителей со всех концов страны. Мы все хотим показать его, похвалить им. Но школы Мамулашвили нет. Нет учебно-го заведения, в котором росли бы поколения цветоводов высокого художественного класса.

Ия МЕСХИ,
собкор «Огонька»

Тбилиси.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Материк. 7. Роман Э. Л. Войнич. 8. Русский живописец-баталист. 9. Национальная японская одежда. 10. Курорт в Абхазии. 11. Басня И. А. Крылова. 12. Река в Средней Азии. 15. Советский скульптор. 17. Измерительный прибор, устанавливаемый в автомобилях, самолетах. 20. Шведский физик XIX века. 22. Русский композитор. 24. Сигнальное устройство. 26. Математическое действие. 28. Водопад в Финляндии. 29. Пушной зверек. 30. Парадный сюртук. 31. Выпускник средней школы, поступающий в высшее учебное заведение.

По вертикали: 1. Пустыня в Чили. 2. Знойный ветер. 3. Амфитеатр в Риме. 4. Автор балета «Жизель». 5. Щипковый инструмент. 6. Зодиакальное созвездие. 13. Деньги, выдаваемые под отчет. 14. Рыба семейства тресковых. 15. Денежная единица ЧССР. 16. Литовская поэтесса. 18. Птица семейства фазановых. 19. Рассказ М. Горького. 21. Древнегреческий драматург. 23. Действующее лицо оперы Д. Верди «Аида». 25. Свадебный головной убор невесты. 27. Подъемное устройство.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28.

По горизонтали: 5. Брасс. 8. Устав. 9. Телевизор. 10. Андерсен. 12. Объектив. 14. Аврал. 16. Раздан. 17. Ерощка. 18. Штатив. 20. Морена. 22. Адыча. 25. Шкатулка. 27. Лявониха. 29. Терракота. 30. Гемма. 31. Напев.

По вертикали: 1. Орган. 2. Астероид. 3. Бурденко. 4. «Даиси». 6. Леонов. 7. Пирог. 11. Дидактика. 13. Тосканини. 14. Анива. 15. Лемма. 19. Турухтан. 21. Резонанс. 23. Драпри. 24. Чулаки. 26. Кивер. 28. Хорей.

На первой странице обложки: Шармин Камал, служащая из Дакки.

На последней странице обложки: Улица в Дакке.

Фото В. Николаева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

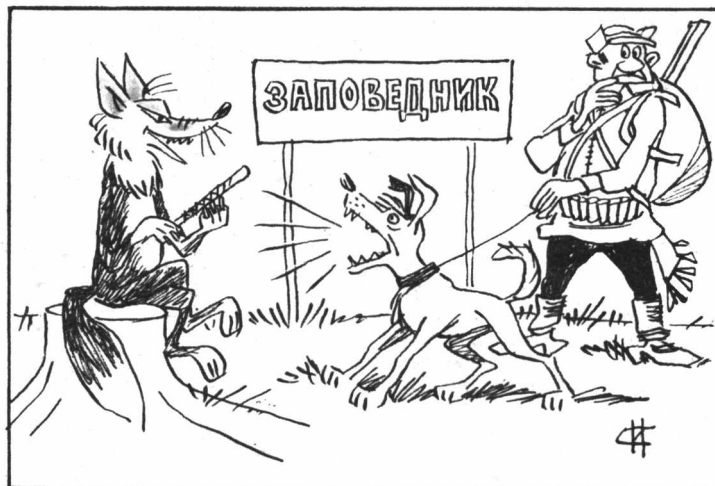
Рукописи не возвращаются.

Оформление И. К. МИХАЙЛИНА.

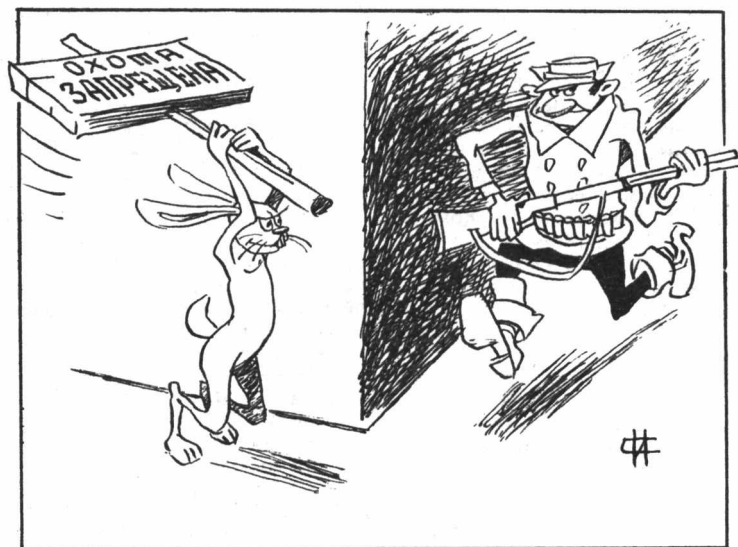
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформление — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 26/VI-72 г. А 00708. Подп. к печ. 11/VII-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1383. Тираж 2 125 000 экз. Заказ № 3175.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

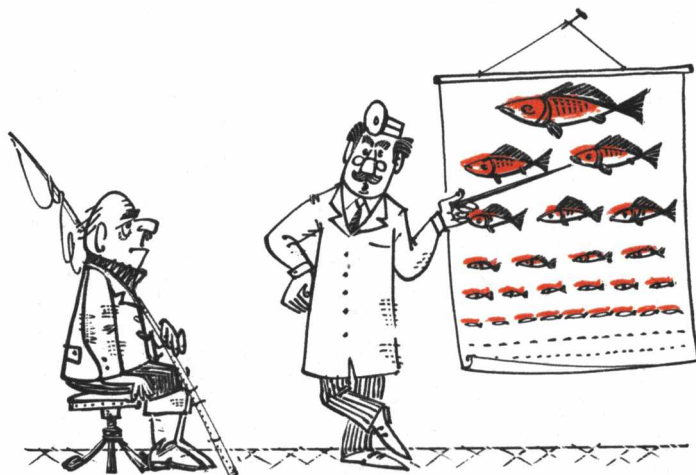

Близок локоть, а не укусишь...

Без слов.

Рисунки И. СЫЧЕВА.

Без слов.

Рисунок Ю. МАКАРЕНКО.

Приспособил.

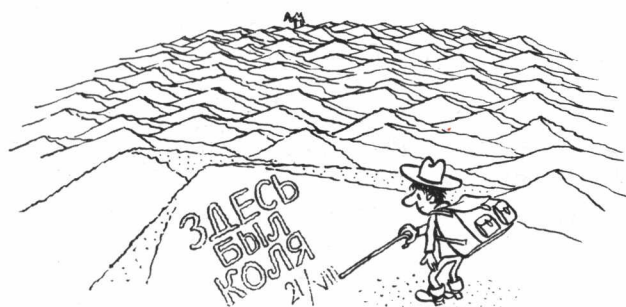
Рисунок В. ЧЕРНИКОВА.

Туристскими маршрутами.

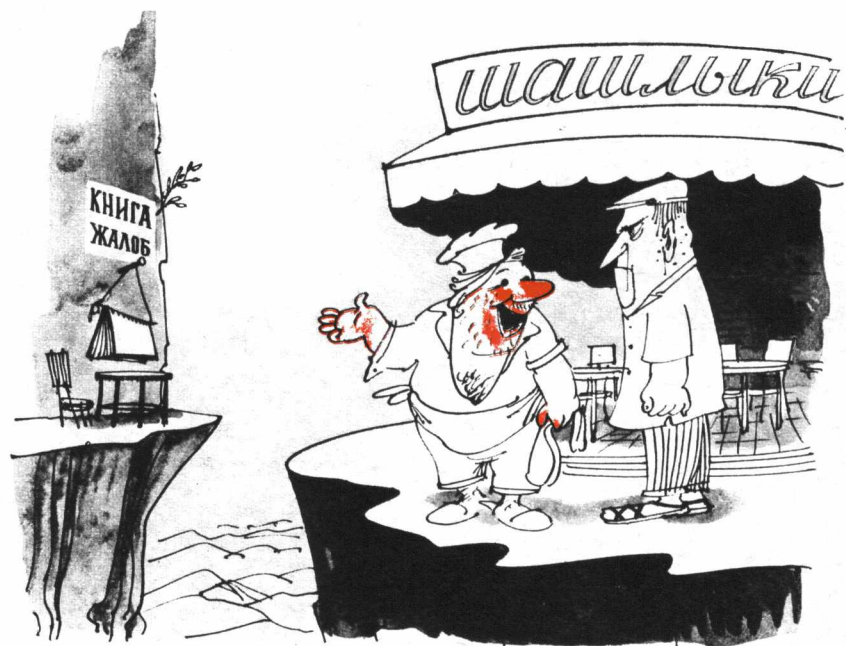
Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Турист в пустыне.

Поссорились.

Рисунки В. ТИЛЬМАНА.

— Книгу жалоб! Пожалуйста, пройдите к тому столику.

Рисунок В. ВОЕВОДИНА.

— Мой муж пишет дорожную сюиту.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

